

Рудольф Штейнер

**Очерк тайноведения
GA №13**

Пер. Трифона Трапезникова (1881-1926)

Rudolf Steiner. Geheimwissenschaft in Umriß (GA №13)
Rudolf Steiner Verlag, Dornach/Schweiz
Печатается по изданию:
Рудольф Штейнер. Очерк тайноведения
Пер. Т. Г. Трапезникова
Издательство «Духовное знание»
Москва, 1916
Издательство «НОИ» 1992 г.

Оглавление

Примечание переводчика

Предварительные замечания к первому изданию

Предварительные замечания к четвертому изданию

Предисловие к седьмому - пятнадцатому изданиям

Предисловие к шестнадцатому - двадцатому изданиям

Характер Тайноведения

Сущность человечества

Сон и смерть

Развитие мира и человек

Познание высших миров (О посвящении или инициации)

Настоящее и будущее развитие мира и человечества

Отдельные частности из области духовной науки

Эфирное тело человека

Астральный мир

О жизни человека после смерти

Ход жизни человека

Высшие области духовного мира

Члены человеческого существа

Сновидческое состояние

К достижению сверхчувственных познаний

Наблюдение особых событий и существ духовного мира

Особые замечания

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Тот, кто предаёт гласности такую книгу, как эта, должен быть в состоянии спокойно представить себе все оценки своего произведения, какие возможны в настоящее время. Так, например, возможно, что данное здесь изложение того или иного вопроса прочтёт человек, выработавший в себе мысли об этих вещах сообразно с результатами научных исследований. И он мог бы прийти к следующему суждению: «Удивляешься, как вообще только возможны в наше время подобные утверждения! С простейшими естественнонаучными понятиями обходятся здесь так, что из этого можно заключить о прямо-таки непонятной неосведомленности в самых элементарных познаниях. Автор пользуется понятиями, например, теплоты так, как это мог бы сделать только тот, для кого прошел бесследно весь образ мышления современной физики. Каждый, кому знакомы хотя бы только первоначальные основы этой науки, мог бы показать ему, что то, что он говорит, не заслуживает даже названия дилетантства может быть охарактеризовано только выражением «абсолютное невежество»... Можно было бы привести много таких утверждений, выражающих подобную, вполне возможную оценку. Но после вышеприведенных замечаний мыслимо было бы, пожалуй, и следующее заключение: «Кто прочел несколько страниц из этой книги, тот отложит ее с улыбкой или возмущением, смотря по своему темпераменту, и скажет себе: странно, однако, какие порождения может в настоящее время производить извращенное направление мышления. Лучше всего отнести эти рассуждения ко многим другим встречающимся ныне курьезам». Но что скажет автор этой книги, действительно услышав такую оценку? Не должен ли он со *своей* точки зрения просто счесть этого критика за читателя, неспособного составить себе суждение, или даже за человека, у которого не хватает доброй воли, чтобы прийти к разумному суждению? На это следует ответить: *нет*, автор поступает так отнюдь не всегда. Он может представить себе; что его критик может быть очень умным лицом, а также дельным ученым или человеком, который вполне добросовестным образом составляет свое суждение. Ибо автор в состоянии вдуматься в душу такого лица и в мотивы, которые могут привести его к такому суждению. Чтобы сделать понятным, что действительно хочет сказать автор, необходимо нечто, кажущееся ему самому порой неуместным, но к чему как раз эта книга настойчиво побуждает, а именно — коснуться кое-чего личного. Во всяком случае, в этом направлении не будет сказано ничего такого, что не стояло бы в связи с решением написать эту книгу. То, что говорится в такой книге, конечно, не имело бы права на существование, если бы носило только личный характер. Она *должна* содержать в себе изложение того, к чему может прийти *каждый* человек, и это должно быть сказано так, чтобы не было заметно никакой личной окраски — насколько это вообще возможно. Итак, не в этом смысле надо понимать здесь личное. Оно должно иметь целью только объяснить, каким образом автор может находить понятной вышеприведенную оценку своих рассуждений и все-таки мог написать эту книгу. Конечно, могло бы быть нечто, что сделало бы излишним упоминание об этом личном, если бы обстоятельно остановиться на всех подробностях, показывающих, каким образом изложенное в этой книге в действительности все-таки согласуется со всеми достижениями современной науки. Но для этого, конечно, необходимо было бы написать много томов как введение к этой книге. Так как они в настоящее мгновение не могут быть представлены, то автор считает необходимым сказать, на основании каких личных обстоятельств он полагает себя вправе считать, что такое согласование может быть проведено удовлетворительно. Конечно, он никогда не

решился бы напечатать то, что говорится в этой книге, например, относительно тепловых явлений, если бы не мог признаться себе в следующем: он имел возможность уже тридцать лет тому назад заняться изучением физики, которое коснулось различных областей этой науки. В области тепловых явлений особенным предметом изучения были тогда объяснения, принадлежащие к так называемой механической теории теплоты. И эта «механическая теория теплоты» интересовала его даже совсем особенно. Историческое развитие соответствующих толкований, которое было тогда связано с такими именами, как Юлий Роберт Майер, Гельмгольц, Джоуль, Клаузиус и т. д., принадлежало к предметам его постоянного изучения. Благодаря этому он в пору своего учения создал себе достаточную основу и возможность, чтобы до настоящего времени следить за всеми фактическими достижениями в области физического учения о теплоте и не встречать никаких препятствий для своих попыток проникновения во все то, что дает в этой области наука. Если бы автор вынужден был сказать себе, что он не в состоянии этого сделать, то это было бы для него основанием оставить изложенное в этой книге несказанным и ненаписанным. Он действительно сделал это своим основным правилом: говорить или писать в области духоведения только о том, о чем он может исчерпывающим, как ему кажется, образом сказать и то, что знает об этом современная наука. Этим он отнюдь не хочет высказать что-нибудь такое, что должно быть общим требованием, обращенным ко всем людям. Каждый с чувством полного права может быть вынужден сообщать и обнародовать то, к чему его побуждает его способность суждения, его здравомыслие и его чувство, даже когда он не знает всего, что можно сказать об этих вещах с точки зрения современной науки. Автор этой книги желал бы придерживаться вышесказанного только относительно себя. Он не сделал бы, например, тех нескольких утверждений о системе желез у человека или о человеческой нервной системе, которые приведены в этой книге, если бы не был в состоянии попытаться высказаться об этих вещах также и в тех формах, в которых говорит современный ученый-естествоиспытатель с точки зрения науки о системе желез или о нервной системе. Итак, несмотря на то, что возможно суждение, будто тот, кто говорит о «теплоте» так, как это сделано здесь, ничего не знает о начальных основах современной физики, все же остается верным, что автор этой книги считает себя в полном праве сделать то, что он сделал, поскольку он стремится быть действительно знакомым с результатами современных исследований и не стал бы так говорить, они ему чужды. Он знает, что мотив, по которому высказывается такое основное правило, очень легко может быть смешан с нескромностью. Но все-таки необходимо высказать это относительно этой книги, дабы истинные мотивы автора не были смешаны с совершенно другими. А такое смешение могло бы оказаться еще более худшим, чем даже смешение с нескромностью.

Но возможна была бы оценка также и с философской точки зрения. Она могла бы сложиться следующим образом. Кто прочтет эту книгу как философ, тот спросит себя: «Неужели автор проспал всю теоретико-познавательную работу нашего времени? Неужели он никогда не слышал о существовании Канта и том, что после него философски просто непозволительно говорить подобные вещи?» Опять-таки можно было бы пойти дальше в этом направлении, но суждение могло бы закончиться и так: «Для философа подобные некритические, наивные, дилетантские вещи невыносимы, и дальнейшее занятие ими было бы потерей времени». На основании того же мотива, который был указан выше, автор желал бы и здесь, несмотря на все недоразумения, которые могут в связи с этим возникнуть, снова привести нечто личное. Изучение им

Канта началось на шестнадцатом году его жизни, и теперь он поистине считает себя в состоянии совершенно объективно судить с точки зрения Канта обо всем том, что говорится в данной книге. Он и с этой стороны имел бы основание оставить эту книгу ненаписанной, если бы не знал того, что может побудить философа считать ее наивной, когда к ней приложен критический масштаб современности. Но можно действительно знать, как преступаются здесь в смысле Канта границы возможного познания; можно знать, как Гербарт нашел бы здесь «наивный реализм», не дошедший до «выработки понятий», и т. д. Можно даже знать, как современный прагматизм Джеймса, Шиллера и т. д. нашел бы, что это выходит из рамок того, что суть «истинные представления», которые мы можем усвоить, доказать, применить и проверить*

---

* Можно было бы даже серьезно принять в соображение и изучить философию «Как если бы», бергсонизм и «Критику языка».

Можно все это знать и, несмотря на это — даже именно *поэтому* — считать себя вправе написать эту книгу. Автор этой книги высказал свой взгляд относительно философских направлений мысли в своих книгах «Теория познания гетевского мировоззрения», «Истина и наука», «Философия свободы», «Мировоззрение Гете», «Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом столетии», «Загадки философии».

Много различных возможных оценок можно было бы еще привести. Мог бы также встретиться человек, который прочел бы одну из более ранних книг автора, например, «Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом столетии» или, пожалуй, его маленькую книжку «Геккель и его противники». Такой человек мог бы сказать: «Это просто непостижимо, как один и тот же человек мог написать те книги и в то же время эту, наряду с его уже появившейся «Теософией». Как можно некогда так вступаться за Геккеля, а затем бросать вызов всему, что вытекает из исследований Геккеля как здоровый «монизм»? Было бы понятно если бы автор «Тайноведения» с «огнем и мечом» выступил против Геккеля; но то, что он защищал его, что он даже посвятил ему «Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом столетии» — есть самое чудовищное, что можно помыслить.

Геккель, конечно, поблагодарил бы за это посвящение «недвусмысленным отклонением», если б знал, что посвящающий когда-нибудь напишет нечто подобное «Тайноведению» с его более чем нескладным дуализмом». Автор этой книги придерживается того взгляда, что можно очень хорошо понимать Геккеля и все-таки не быть обязанным думать, что понимаешь его, только когда считаешь за бессмыслицу все, что не вытекает из собственных представлений и предпосылок Геккеля. Но далее он придерживается еще и того взгляда, что к пониманию Геккеля приходишь не тогда, когда борешься против него с «огнем и мечом», но когда вникаешь в то, что он дал науке. И менее всего полагает автор, что правы противники Геккеля, от которых он — например, в своей книге «Геккель и его противники» — защищал великого естественнонаучного мыслителя. Поистине, если автор этой книги выходит за пределы предпосылок Геккеля и ставит духовный взгляд на мир рядом с чисто природным взглядом Геккеля, то из этого не следует, что он одного мнения с противниками последнего. Кто постарается правильно взглянуть на дело, тот сможет заметить согласие между нынешними трудами автора и прежними.

Автору совершенно понятен и такой критик, который просто без лишних слов смотрит на изложенное в этой книге как на порождения дикой фантастики или мечтательной игры мысли. Но все, что можно сказать на это, содержится в самой книге.

Там показано, как разумное мышление может и *должно* стать в полной мере пробным камнем для изложенного. Кто к этому изложенному применит способ разумной проверки так же, как он применяется сообразно с сущностью дела, например, к фактам естествознания, только тот сможет решить, что говорит разум при такой проверке.

После того, как было так много сказано о лицах, готовых с самого начала отклонить эту книгу, может быть обращено несколько слов также и к тем, которые имеют основание отнестись к ней сочувственно. Для них, однако, самое существенное содержится в первой главе — «Характер тайноведения». Но к этому здесь нужно прибавить еще несколько слов. Хотя книга занимается исследованиями, которые не могут быть произведены рассудком, связанным с чувственным миром, однако в ней не приведено ничего такого, что не может быть понятно непредвзятому разуму и здоровому чувству правды каждого, кто захочет применить эти человеческие дарования. Автор говорит это прямо: он хотел бы прежде всего иметь читателей, которые не склонны слепо принимать на веру то, о чем здесь говорится, но стараются проверить сообщенное познаниями собственной души и опытами собственной жизни*

* Здесь подразумевается не только духовнонаучная проверка при помощи сверхчувственных методов исследования, но прежде всего вполне возможная проверка, исходящая из здорового, непредубежденного мышления и человеческого рассудка.

Он желал бы прежде всего *осторожных* читателей, которые допускают лишь то, что может быть логически оправдано. Автор знает, что его книга не имела бы *никакой* цены, если бы обращалась только к слепой вере: она пригодна, лишь поскольку она может оправдать себя перед непредвзятым рассудком. Слепая вера может так легко смешать нелепое и суеверное с истинным. Многие, охотно довольствующиеся простой верой в «сверхчувственное», найдут, что в этой книге от мышления требуется слишком многое. Но в данных здесь сообщениях дело идет действительно не о том только, чтобы что-нибудь сообщить, но о том, чтобы изложенное было *таким*, какое необходимо для добросовестного воззрения в данной области жизни. Ведь это область, где в действительной жизни так легка соприкасаются высочайшие вещи с бессовестным шарлатанством и познание с суеверием и где они прежде всего так легко могут быть смешаны.

Кто знаком с сверхчувственным исследованием, тот уже при чтении книги заметит, что была сделана попытка строго соблюсти границы между тем, что из области сверхчувственных познаний в настоящее время может и должно быть сообщено, и тем, что подлежит сообщению в позднейшее время или, по крайней мере, в иной форме.

Написано в декабре 1909.

Рудольф Штейнер.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Тот, кто решается излагать данные духовнонаучных исследований такого рода, какие приведены в этой книге, должен прежде всего считаться с тем, что в настоящее время подобного рода изложение в широких кругах считается невозможным. Не высказываются ли в последующем изложении вещи, о которых строгое, по нашему времени, мышление утверждает, что они «для человеческого разума остаются, по видимому, вообще неразрешимыми»? Кто знает и умеет ценить мотивы, приводящие

многих серьезных людей к утверждению подобной невозможности, тот всегда захочет заново попытаться показать, на каких недоразумениях основывается вера, будто человеческому пониманию не дано проникать в сверхчувственные миры.

Ибо мы имеем перед собой двоякое. Во-первых, ни одна человеческая душа не сможет при более глубоком размышлении надолго замкнуться перед фактом, что ее самые важные вопросы о смысле и значении жизни должны были бы остаться без ответа, не будь доступа к сверхчувственным мирам. Можно теоретически обманывать себя относительно этого факта; но глубины душевной жизни не последуют за этим самообманом. Кто не хочет прислушиваться к этим душевным глубинам, тот, естественно, отклонит рассуждения о сверхчувственных мирах. Однако есть люди, число которых поистине не так уж мало, которые никак не могут оставаться глухими к требованиям этих глубин. Они всегда будут стучаться во врата, которые, по мнению других, закрывают «непостижимое».

Во-вторых, отнюдь не следует считать маловажными доводы «строгого мышления». Кто имеет с ними дело, сумеет вполне почувствовать эту серьезность там, где нужно отнестись к ним серьезно. Автор этой книги не желал бы, чтобы на него смотрели как на человека, который с легким сердцем пренебрегает громадной работой мысли, которая была приложена к определению границ человеческого разума. С этой работой мысли нельзя разделаться несколькими общими фразами о «школьной мудрости» и т. д. Работа эта, как она проявляется во многих случаях, имеет свой источник в истинном борении познания и подлинной остроте ума. Следует даже признать гораздо большее: существуют доводы в пользу того, что познание, которое в настоящее время считается научным, не может проникать в сверхчувственные миры; и эти доводы *в известном смысле неопровержимы*.

Так как это без дальних слов признается и самим автором этой книги, то многим *может* показаться очень странным, что он все-таки решается давать сообщения, касающиеся сверхчувственных миров. Кажется прямо-таки невозможным, чтобы кто-нибудь допускал *в известном смысле* доводы в пользу непознаваемости сверхчувственных миров и тем не менее говорил об этих сверхчувственных мирах.

И все же такое отношение возможно. И можно в то же время понимать, что это отношение будет ощущаться как противоречивое. Ведь не каждый вникает в те опыты, которые выносишь, когда с человеческим рассудком подходишь к сверхчувственной области. Тогда оказывается, что доказательства этого рассудка могут быть *неопровержимы*, однако, *несмотря на свою неопровержимость*, не имеют для действительности решающего значения. Вместо всяких теоретических толкований сделаем здесь попытку объяснить при помощи сравнения. Что сравнения сами по себе недоказательны, это признается без дальних слов. Но это не мешает им часто делать понятным то, что должно быть выражено.

Человеческое познание, как оно работает в повседневной жизни и в обыкновенной науке, действительно таково, что не может проникать в сверхчувственные миры. Это можно доказать неопровержимо; однако это доказательство будет иметь для известного рода душевной жизни ту же цену, что и доводы, приводимые в пользу того, что глаз человека с его естественной способностью зрения не может проникать до мелких клеточек живого существа или до строения отдаленных небесных тел. Как правильно и доказуемо утверждение, что обычная способность зрения не проникает до клеток, столь же правильно и доказуемо и другое утверждение, что обыкновенное познание не может проникать в сверхчувственные миры. И тем не менее доказательство, что обыкновенная

способность зрения должна остановиться перед клетками, ничего не говорит против исследования клеточек. Почему же доказательство, что обыкновенная способность познания вынуждена остановиться перед сверхчувственными мирами, должно говорить против исследуемости этих миров?

Можно вполне отдавать себе отчет в ощущении, которое многие должны испытать при этом сравнении. Можно даже понять, когда высказывается сомнение, имеет ли человек, выступающий против этой работы мысли с подобным сравнением, хотя бы только смутное представление о всей серьезности этой работы. И, однако, пишущий эти строки не только проникнут этой серьезностью, но и придерживается взгляда, что эта работа мысли относится к благороднейшему, что сделано человечеством. Доказывать, что человеческая способность зрения не может невооруженной проникать до клеток, было бы, конечно, бесполезным занятием, но сознание в строгом мышлении природы *этого* мышления является необходимой духовной работой. Если человек, отдающийся этой работе, не замечает, что действительность может опровергнуть его, то это легко можно понять. Вдаваться в разбор многих «опровержений», последовавших на первые издания со стороны лиц, у которых отсутствует всякое понимание поставленной здесь задачи или которые направляют свои несправедливые нападки на личность автора, в предварительных заметках к этой книге настолько же необходимо, насколько необходимо подчеркнуть, что в слишком низкой оценке серьезной научной мыслительной работы может заподозрить эту книгу лишь тот, кто хочет замкнуться перед *образом мыслей*, изложенных в этой книге.

Познание человека может быть усилено и укреплено, как может быть усилена способность зрения глаза. Только средства для укрепления познания — совершенно духовного рода; это внутренняя, чисто душевная деятельность. Она состоит в том, что описывается в этой книге как медитация, концентрация (созерцание). Обыкновенная душевная жизнь связана с орудиями тела; укрепленная душевная жизнь освобождается от них. В настоящее время существуют направления мысли, для которых такое утверждение должно казаться совершенно бессмысленным и основанным лишь на самообмане. Такие направления мысли со своей точки зрения легко сумеют доказать, что «всякая душевная жизнь» связана с нервной системой. Тот, кто стоит на точке зрения, с которой написана эта книга, вполне понимает такие доказательства. Он понимает тех, которые говорят, что только поверхностный человек способен утверждать, будто можно иметь какую-нибудь независимую от тела душевную жизнь; которые совершенно убеждены в том, что и для подобных душевных переживаний существует связь с жизнью нервной системы, однако «духовнонаучный дилетантизм» не умеет разглядеть ее.

Тому, что описывается в этой книге, известные — вполне понятные — привычки мышления противостоят так резко, что в настоящее время еще нет никакой надежды прийти к соглашению со многими. Мы касаемся здесь как раз той точки, где неизбежно возникает желание, чтобы в духовной жизни нашего времени люди отказались — как от несвойственного ей — обычая тотчас же возводить в ересь и упрекать в фантастике, мечтательности и т. д. всякое направление исследования, резко отличное от их собственного. Но, с другой стороны, мы имеем перед собой уже в настоящее время тот факт, что сверхчувственный способ исследования, как он представлен в этой книге, находит понимание со стороны определенного количества людей. Людей, которые понимают, что смысл жизни не раскрывается в общих фразах о душе, о «Я» и т. д., а может быть найден только при действительном вникании в результаты сверхчувственного исследования. И если автор этой книги глубоко ощущает теперь

необходимость этого четвертого издания после сравнительно короткого промежутка времени, то это происходит не по нескромности, а из чувства радостного удовлетворения.

Было бы нескромно подчеркивать появление этого нового издания, для этого автор слишком ясно чувствует, как мало отвечает оно и в теперешнем своем виде тому, чем оно, собственно, должно было бы быть как «очерк сверхчувственного мировоззрения». Для нового издания все было еще раз переработано; и в важных местах были вставлены многие дополнения, относительно других мест были сделаны попытки более ясного изложения. Однако во многих случаях автор чувствовал, как неподатливы оказываются средства доступного ему изложения по сравнению с тем, что показывает сверхчувственное исследование. Так, можно было указать не более, как только путь к достижению тех представлений, какие даются в этой книге о развитии Сатурна, Солнца, Луны. В этой области также введена была вкратце в это издание новая важная точка зрения. Но переживания, касающиеся таких явлений, настолько отличаются от всех переживаний в чувственной области, что изложение их вынуждает к непрерывной борьбе за выражения, которые могли бы быть несколько удовлетворительными. Кто склонен вникнуть в сделанную здесь попытку изложения, может быть, заметит, что многое, чего не может сказать сухое слово, автор стремился дать в самом *способе* описания. Относительно развития Сатурна, например, последнее ведется иначе, чем относительно развития Солнца и т. д.

Много дополнений и расширений, казавшихся важными автору этой книги, было внесено в новом издании во вторую часть книги, где говорится о познании высших миров. Автор стремился наглядно представить ряд внутренних душевных процессов, благодаря которым познание освобождается от своих присущих ему в чувственном мире границ и делается способным к переживанию сверхчувственного мира. Автор пытался показать, что это переживание, хотя и приобретаемое совершенно внутренними средствами и путями, имеет, однако, не одно только субъективное значение для отдельного человека, который его достигает. Из изложения должно было стать ясным, что *внутри* души устраняется ее отъединенность и личная обособленность и достигается переживание, которое испытывает одинаковым образом *каждый* человек, который, исходя из своих субъективных переживаний, правильно вызывает это развитие. Только тогда, т. е. только если представить себе это переживание именно таким, можно бывает отличить познание сверхчувственных миров от всех переживаний чисто субъективной мистики и т. д. О такой мистике можно сказать, что она все-таки более или менее субъективное дело самого мистика. Духовнонаучная же школа души, как она здесь понимается, стремится к таким объективным переживаниям, истинность которых хотя и познается совершенно внутренне, но которые именно поэтому и постигаются в их всеобщей значимости. И здесь мы опять-таки касаемся точки, где очень трудно прийти к соглашению со многими мыслительными привычками нашего времени.

В заключение автор книги хотел бы высказать замечание, чтобы и сочувствующими это изложение было принято за то самое, за что оно выдает себя по своему содержанию. В наше время весьма распространено стремление давать тому или иному духовному направлению какое-нибудь старое название. Только благодаря этому представляется оно иному чем-то ценным. Но позволительно спросить: что выигрывает изложение этой книги от того, что оно будет обозначено как «розенкрейцерское» или т. п.? Важно то, что здесь делается попытка проникнуть в сверхчувственные миры при помощи средств, которые в настоящий период развития возможны для души и соответствуют ей, и что с этой точки

зрения рассматриваются загадки человеческой судьбы и человеческого бытия за пределами рождения и смерти. Дело здесь должно идти не о стремлении, носящем то или иное старое название, но о стремлении к истине.

С другой стороны, к изложенному в книге мировоззрению были с враждебным намерением даны также и разные обозначения. Не говоря уже о том, что те из них, которыми больше всего хотели задеть и дискредитировать автора, нелепы и объективно неверны, — такие обозначения характеризуют себя в своей недостойности тем, что умаляют совершенно независимое стремление к истине: а именно, судят о нем не из него самого, но пытаются навязать другим в качестве суждения выдуманную ими самими или принятую без всяких оснований и распространяемую дальше зависимость от того или иного направления. Как бы ни были необходимы эти слова ввиду многих нападок на автора, однако *здесь* он не хочет входить в дальнейшее обсуждение этого вопроса.

Написано в июне 1913.

Рудольф Штейнер.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕДЬМОМУ — ПЯТНАДЦАТОМУ ИЗДАНИЯМ

Для этого нового издания моего «Очерка тайноведения» я почти целиком переработал первую главу «Характер тайноведения». Я полагаю, что в результате возникнет меньше недоразумений, чем это имело место при первой редакции данной главы. Со многих сторон мне приходилось слышать: другие науки доказывают; то же, что здесь выдает себя за науку, просто утверждает: тайноведение устанавливает то или иное. Такой предрассудок возникает естественно, поскольку доказывающая сила сверхчувственного познания не может через описание убедить с такой настойчивостью, как это имеет место при изложении чувственно-наблюдаемых соотношений действительности. Путем переработки первой главы я хотел яснее подчеркнуть, чем это мне удалось в предыдущих изданиях, что в данном случае мы имеем дело с предрассудком. В других частях книги я старался четче выделить излагаемое путем добавлений. Кроме того, во всем тексте книги я внес во многих местах те изменения в формулировке мыслей, которые мне показались необходимыми после повторных переживаний излагаемого содержания.

Берлин, май 1920.

Рудольф Штейнер

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТНАДЦАТОМУ-ДВАДЦАТОМУ ИЗДАНИЯМ

Теперь, через пятнадцать лет после выхода в свет этой книги, я могу открыто сказать нечто о том душевном строе, из которого она возникла.

Все существенное в этой книге я намеревался первоначально в виде последней главы включить в задолго до этого появившуюся «Теософию». Осуществить это не удалось. Когда «Теософия» была закончена, это содержание еще не обрело во мне той цельности, как содержание «Теософии». В моих имагинациях перед моей душой представало

духовное существо человека и я мог изобразить это, но космические соотношения, данные позже в «Тайноведении», еще не так представляли передо мной. Они являлись в частностях, но не в общей картине.

Поэтому я решил опубликовать «Теософию» с таким содержанием, которое я воспринимал как самое существенное для описания жизни отдельного человека, а «Тайноведение» спокойно проработать в ближайшее время.

Содержание этой книги, сообразно моему душевному настрою того времени, должно было быть дано в мыслях, которые являются дальнейшим развитием мыслительных построений, применяемых в естествознании, и пригодны для изображения духовного. Благодаря вновь напечатанным здесь «предварительным замечаниям к первому изданию» можно заметить, какую большую ответственность испытывал я перед естествознанием во всем, что писал тогда о духовном познании.

Однако в подобной форме невозможно изобразить все, что открывается духовному созерцанию как духовный мир. Ибо это откровение не укладывается в простое мыслительное содержание. Кто в переживании познал сущность такого откровения, тот знает, что мысли обыкновенного сознания способны выражать лишь чувственные восприятия, но не увиденное духовно.

Содержание увиденного духовно можно передать только в образах (имагинациях), через которые выражаются инспирации, которые, в свою очередь, проистекают от интуитивно пережитого духовного существа. (О сущности имагинации, инспирации и интуиции можно найти необходимое в самом «Тайноведении» и в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?»).

Но тот, кто имеет имагинации из духовного мира, в наше время не может просто передавать эти имагинации, ибо тем самым он предлагал бы нечто, что как совершенно иное содержание сознания не имело бы какой-либо связи с познавательным содержанием нашего времени. Он должен наполнить современное сознание тем, что способно познать иное, ясновидческое, сознание, которое созерцает духовный мир. Тогда его «передача» будет иметь содержанием духовный мир, но это содержание предстает в той форме мысли, в которую оно вливается. Благодаря этому оно становится вполне доступным обыкновенному сознанию, которое мыслит в духе современности, но еще не может видеть духовного мира.

Это понимание не может наступить лишь в том случае, если сам ставишь перед собой препятствия к этому, приобретая предрассудки, которые наше время образовало из неверно понятого природовоззрения о «границах познания».

В духовном познании все погружено в интимное душевное переживание. И не только само духовное созерцание, но и то понимание, которое обычное невидящее сознание несет навстречу результатам духовного видения.

Кто по-дилетантски говорит, что имеющий такое понимание на самом деле внушил его себе, тот не имеет никакого представления об этой интимности.

На самом же деле то, что в понимании физического мира выражается лишь в понятиях — как истина или заблуждение, — по отношению к духовному миру становится переживанием.

На того, кто в свое суждение привносит хотя бы чуть осязаемое утверждение, будто духовное созерцание непостижимо для обычного, еще не созерцающего сознания — из-за его границ, — это суждение ложится омрачающей тенью на постижение и делает это действительно невозможным.

Но непредвзятому несозерцающему сознанию духовно созерцаемое вполне понятно, если созерцающий переводит это в мыслительную форму. Оно понятно, как не-художнику понятна картина художника, — хотя понимание духовного мира есть не художественно осязаемое, как в случае с художественным произведением, а всецело мыслительное, как и в естествознании.

Чтобы действительно сделать возможным такое понимание, передающий духовно увиденное должен правильно перевести свои созерцаемые образы в мыслительную форму так, чтобы в таком виде они не потеряли своего имажинативного характера.

Все это стояло перед моей душой, когда я разрабатывал свое «Тайноведение».

В 1909 г. я почувствовал, что исходя из этих предпосылок я смогу написать книгу, которая, во-первых, сумеет до некоторой, но пока достаточной степени, передать содержание моего духовного созерцания в мыслительной форме; и, во-вторых, может быть понята каждым мыслящим человеком, который не ставит перед собой *никаких препятствий* для понимания.

Я говорю это сегодня и в то же время хочу отметить, что тогда — в 1909г. — опубликование этой книги казалось мне рискованным предприятием. Ибо я знал, что именно те люди не смогут проявить требуемой непредвзятости, кто занимается естественной наукой; но столь же мало ее смогут иметь многие, кто в своих суждениях зависят от нее.

Но перед моей душой стоял именно тот факт, что в то время, когда сознание человечества наиболее отделилось от духовного мира, сообщения из этого духовного мира отвечают наибольшей необходимости.

Я считался с тем, что есть люди, ощущающие отдаление от всякой духовности как тяжелую помеху в жизни, и они с внутренней жаждой тянутся к сообщениям из духовного мира.

И последующие годы это вполне подтвердили. «Теософия» и «Тайноведение» как книги, предполагающие в читателе наличие доброй воли для углубления в их трудную стилизацию, нашли широкое распространение.

Я вполне сознательно стремился дать не «популярное» изложение, но — такое, которое неизбежно требует напряжения мысли для того, чтобы вникнуть в содержание. Этим я придавал своим книгам такой характер, что чтение их уже является началом духовного обучения. Ибо спокойное, осознанное напряжение мысли, которого требует это чтение, укрепляет душевные, силы и делает их поэтому способными приблизиться к духовному миру.

Название «Тайноведение», данное мной книге, тотчас же вызывало недоразумения. С разных сторон говорили, что то, что желает быть «наукой», не должно быть «тайным». Но это надуманный довод: будто кто-то, *публикующий* какое-либо содержание, может желать сохранить его в «тайне». Вся книга показывает, что ничто не определяется как «тайное», но должно быть приведено в такую форму, что может быть понято, как и всякая другая «наука». Разве не указывают, употребляя слово «природоведение», что речь идет о знании «природы»? Тайноведение есть наука о том, что является «тайной» постольку, поскольку воспринимается не во внешней природе, а там, где душа в глубинах своих обращается к духу.

«Тайноведение» (Geheimwissenschaft) есть противоположность «природоведения» (Naturwissenschaft).

Моим созерцаниям в духовном мире все снова противопоставляли довод, будто они являются измененной передачей того, что выступало в представлениях людей о

духовном мире в течение более древних времен. Говорили, что я многое из прочитанного воспринял в область подсознательного и потом изложил, полагая, будто это возникает из собственного духовного созерцания. Будто бы я почерпнул свое изложение из учений гностиков, из восточной мудрости и т. д.

Тот, кто утверждает это, — остается исключительно на поверхности мышления.

Мои познания духовного — для меня вполне осознанный факт, — являются результатом собственного духовного созерцания. Я всегда во всех частностях и в общих обзорах строго следил за собой: продвигаясь по пути созерцания, совершаю ли я каждый шаг так, чтобы эти шаги сопровождало полное сознание? Как математик идет от мысли к мысли без того, чтобы бессознательное, самовнушение и т. д. играли роль, так, — говорил я себе, — духовное исследование должно идти от объективной имажинации к объективной имажинации без того, чтобы в душе жило что-либо иное, кроме духовного содержания при полной ясности сознания.

Здоровое внутреннее переживание ведет к пониманию имажинации: она есть не субъективный образ, но образное отражение объективного духовного содержания. К этому приходишь духовно — душевным путем, — подобно тому, как в области чувственного созерцания при здоровой организации можно верно отличить воображение от объективных восприятий.

Так представляли передо мной результаты моего духовного зрения. Они были сначала «созерцаниями», живущими без названия.

Если я хотел сообщить о них, мне нужны были словесные обозначения. Поэтому позже я стал искать их в более древних изложениях духовного, чтобы суметь выразить еще не облаченное в слова. Я употреблял эти словесные обозначения свободно, так что, вероятно, вряд ли хоть одно из них совпадает в моем употреблении с тем, каким оно было там, где я его нашел.

Но я искал возможности найти выражения *всегда лишь* после того, как содержание открывалось мне в собственном созерцании.

Прочитанное прежде я мог исключить при исследующем собственном созерцании благодаря тому строю сознания, который я сейчас описал.

В моих *выражениях* нашли место отзвуки древних представлений. Однако оппоненты, не сообразуясь с содержанием, цеплялись за эти выражения. Упоминание о «цветках лотоса» в астральном теле человека было «доказательством» того, что я передаю индийские учения, где встречается это выражение. Если говорил об «астральном теле», — то это «результат» чтения средневековых писаний. Употребляя выражение «ангелы», «архангелы» и т. д., я просто «обновлял» представления христианского гнозиса.

Все снова и снова встречал я по отношению к себе такие поверхностные суждения.

На этот факт я хотел бы указать и теперь, при новом появлении в свет «Тайноведения». Ведь книга содержит очерк антропософии как целого. Поэтому ее в основном ожидают те же недоразумения, с которыми сталкивается антропософия.

С того времени, как в моей душе соединились в общую картину те имажинации, о которых говорит эта книга, я с помощью духовного созерцания неустанно продолжал исследовать человека, историческое развитие человечества, космоса и т. д.; в отдельных областях мне удалось прийти к новым и новым результатам. Но то, что пятнадцать лет тому назад я дал в «Тайноведении» как очерк, осталось для меня непоколебимым. Все, что я мог сказать с тех пор, и что в надлежащем месте включено в эту книгу, есть лишь дальнейшая разработка данного тогда наброска.

*Гетеанум, 10 января 1925.
Рудольф Штейнер*

ХАРАКТЕР ТАЙНОВЕДЕНИЯ

В качестве заглавия для этой книги было выбрано древнее слово «тайноведение». Слово это вызывает в настоящее время у различных людей совершенно противоположные ощущения. Для многих оно содержит нечто отталкивающее и вызывает в них насмешку, презрение или сострадательную улыбку; оно кажется им праздной мечтательностью, нелепой фантазией, за которой скрывается стремление возродить всяческие суеверия; по их мнению, человек, знакомый с методами истинной науки и стремящийся к истинному знанию, с полным правом будет избегать такой «мнимой науки». На других людей это слово «тайноведение» действует так, будто то, что им обозначается, должно сообщить нечто, что нельзя добыть никаким иным путем, и к чему их влечет — в зависимости от их индивидуальных склонностей — глубокая внутренняя жажда к познанию или утонченное любопытство. Между этими резко противоположными мнениями существуют всевозможные промежуточные ступени условного приятия или же условного отрицания, в зависимости от того, что тот или иной себе представляет, когда он слышит слово «тайноведение». Нельзя отрицать того, что для некоторых людей слово «тайноведение» имеет магическую силу потому, что они хотят удовлетворить свое пагубное влечение к знанию о «непостижимом», таинственном, неясном, к знанию, не достижимому естественным путем. Ибо многие люди не склонны искать удовлетворения наиболее глубоких стремлений своей души посредством того, что может быть ясно и отчетливо познано. Они убеждены в том, что помимо того, что можно познать в мире, должно существовать еще нечто, что недоступно познанию. Они отрицают, не замечая странного противоречия, возможность удовлетворить самые глубокие стремления к познанию путем всего того, что «известно», и допускают только то, о чем нельзя утверждать, что оно известно из естественного исследования. Кто говорит о «тайноведении», не должен упускать из виду того, что он может натолкнуться на недоразумения, вызванные такими «защитниками» подобной науки, — защитниками, стремящимися, собственно говоря, не к знанию, а к чему-то противоположному.

Нижеследующее изложение обращено к читателям, которые не намерены отказываться от непредвзятости суждения, несмотря на то, что определенное слово, благодаря различным обстоятельствам, вызывает преубеждение.

Здесь не идет речь о каком-либо «тайном» знании, открытом лишь для немногих избранных. Слово это употребляется здесь в том же смысле, в каком его употреблял Гете, когда он говорил об «открытых тайнах» в явлениях мира. То, что в этих явлениях остается «тайным», неоткрытым, когда мы наблюдаем эти явления путем физических органов чувств и связанного с ними рассудка, — рассматривается здесь как объект и содержание сверхчувственного метода познания*

* Случалось, что выражение «тайноведение» (*Geheimwissenschaft*), как оно употреблялось автором этой книги уже в ранних изданиях, отклоняли на том основании, что наука ни для кого не может являться чем-то «тайным». И они были бы правы, если бы это здесь так и подразумевалось. Но это не так. Сколь мало естественная наука может быть названа в

этом смысле «естественной» наукой, «свойственной» каждому «от природы», столь же мало представляет себе автор под «тайноведением» «тайное» ведение. Здесь речь идет о такой науке, которая в мировых явлениях для обыкновенного способа познания относится к непроявленному, «тайному», науке о «тайном», о «проявленной тайне». Эта наука не должна оставаться тайной для тех, кто ищет знаний на путях, по которым идет эта наука.

Для того, кто признает наукой только то, что познается через органы чувств и через рассудок, служащий им, «тайноведение» — так, как оно здесь понимается — не может быть наукой. Но если такой человек хочет разобраться в себе самом, он должен признать, что отвергает «тайноведение», не основываясь на понимании, а исходя из притязаний, идущих из его чисто личных ощущений. Чтобы это понять, достаточно вспомнить о том, как возникает наука и какое значение она имеет в человеческой жизни. Возникновение науки как таковой нельзя понять, исходя из предметов ее наблюдения, но оно познается по особому характеру деятельности души, проявляющейся в научной устремленности. Нужно обратить внимание на весь строй души, когда она оперирует научными данными. Если усвоить привычку осуществлять подобную деятельность души только тогда, когда дело идет об откровениях органов чувств, то мы будем придерживаться убеждения, что существенным в этом процессе является откровение органов чувств. Тогда не увидим того, что в этом частном случае определенная энергия человеческой души была направлена исключительно на данные органов чувств. Но можно перешагнуть через это произвольное самоограничение и, отвлекаясь от специальных случаев ее применения, рассмотреть характер научной деятельности как таковой. Этот способ рассмотрения имеется в виду здесь, когда мы говорим о познании внечувственного содержания мира (Weltinhalte) как о «научном» познании. Человеческие представления могут оперировать данными *этого* содержания так же, как они в иных случаях оперируют естественнонаучными данными. Тайноведение стремится к тому, чтобы отделить естественнонаучный метод и порядок исследования, относящийся к связи и течению чувственных фактов, от этого специального применения, но, с другой стороны, сохранить его в его мыслительной и иной особенности. Оно хочет о внечувственном говорить точно так же, как естествознание говорит о чувственном. Если естествознание ограничивает применение этого метода исследования пределами мира чувственных восприятий, то тайноведение рассматривает работу души в процессе познания природы как своего рода самовоспитание души, чтобы потом результаты этого самовоспитания применить к сфере внечувственного бытия. Тайноведение не исследует явления чувственного мира как таковые, но по отношению к вне-чувственным мировым событиям его позиция та же, что и позиция естествоиспытателя к чувственным данным. От естественнонаучного метода оно удерживает и сохраняет сопровождающий его душевный строй, то есть именно то, благодаря чему естествознание становится наукой. Поэтому тайноведение может быть названо наукой.

Кто размышляет о значении естествознания в человеческой жизни, тот придет к заключению, что это значение не может исчерпываться усвоением естественнонаучных познаний, ибо эти познания никогда не могут привести человека ни к чему иному, как только к переживанию *того*, чем сама человеческая душа не является. Не в том, что человек познает в природе живет его душевное начало, а в самом процессе познавания. Душа переживает себя в процессе деятельности по отношению к природе. То, что она приобретает для себя в этой *полнокровной* деятельности, есть нечто иное, чем само знание о природе, а именно саморазвитие — как результат познания природы. Достижение этого развития человека тайноведение желает применить к сферам, которые лежат вне природы как таковой. Тайновед не стремится игнорировать значимости естествознания; мало того, он признает эту значимость в еще большей мере, чем сам

естествоиспытатель. Он знает, что без строгости представлений, господствующей в естествознании, не может основать никакой науки. Но он знает также и то, что если эта строгость была приобретена путем истинного проникновения в дух естественнонаучного мышления, то благодаря силе душевной, она может быть удержана для иных областей исследования.

При этом, однако, имеет место нечто, что может заставить призадуматься. При рассмотрении природы душа в гораздо большей мере ведома рассматриваемым объектом, чем при исследовании внечувственных миросодержаний. При этом последнем она должна в большей мере обладать способностью из чисто внутренних импульсов удержать сущность научного метода представлений. Поскольку очень многие люди подсознательно верят, что эта сущность может быть удержана только когда мы послушно следуем за путеводной нитью естественнонаучных явлений, то они бывают склонны решительно заявлять: как только эта путеводная нить оставлена, тотчас же душа и ее научный метод начинают блуждать в пустоте на ощупь. Такие люди не довели до своего сознания особенности этого метода; они образуют свое суждение на основании тех заблуждений, которые возникают, когда научное мышление не успело достаточно окрепнуть на изучении естественнонаучных явлений и когда, несмотря на это, душа все же стремится к изучению сферы внечувственного бытия. Тогда действительно возникает много ненаучных суждений о внечувственных мировых явлениях, — не потому, что такие суждения по существу своему не могут быть научными, но потому, что в этом особом случае отсутствует научное самовоспитание на основе естественнонаучного наблюдения.

Кто намеревается говорить от имени тайноведения, должен — в силу вышесказанного — соблюдать необходимую осторожность по отношению ко всем возможным неясностям, ведущим к соблазнам и заблуждениям, которые возникают, когда о тайнах мира берутся судить люди, чуждые научному строю мысли. Но было бы бесполезно говорить здесь, в самом начале тайноведческих исследований, о всех возможных заблуждениях, которые дискредитируют в душах людей охваченных предрассудками, любое исследование в этом направлении, так как такие люди на основании многих заблуждений приходят к выводу о неправомерности подобного стремления. Кроме того, поскольку у ученых или научно настроенных критиков отрицание тайноведения основано большей частью на вышеуказанном произвольном и априорном суждении и ссылка на заблуждения является — часто подсознательно — лишь отговоркой, предлогом, то объяснения с такими противниками были бы в значительной мере бесплодным занятием. Ведь им ничто не мешает сделать следующее безусловно основательное возражение: никак невозможно *a priori* установить, что вышеупомянутой твердой почвой под ногами обладает тот, кто полагает, будто другие люди находятся в заблуждении.

Поэтому стремящемуся к тайноведческому познанию остается лишь излагать то, что он считает возможным сказать. Суждение о его компетентности принадлежит только тем лицам, кто, тщательно избегая предвзятых и произвольных мнений, может объективно проникнуть во все особенности его сообщений о явных тайнах вселенского бытия. К задачам духовного исследователя принадлежит необходимость показать, как относятся излагаемые им факты к другим достижениям науки и жизни, какие возражения могут высказать противники и в какой мере непосредственная, внешняя чувственно воспринимаемая действительность подтверждает его наблюдения. Но духовный

исследователь никогда не должен стремиться к тому, чтобы его изложение воздействовало не через свое содержание, а благодаря приемам диалектики.

Часто можно услышать следующее возражение против тайноведческих сообщений: они не доказывают то, что излагают; они выставляют то или иное утверждение и говорят: это установлено тайноведением. Кто думает, что последующее изложение следует этой тенденции, тот не понимает его истинного смысла. Целью его было подготовить воспитанные на познании природы элементы душевной жизни к дальнейшему развитию так, чтобы они могли развиваться согласно своей собственной сущности; далее — привлечь внимание к тому, что при таком развитии душа сама подходит вплотную к сверхчувственным фактам. При этом предполагается, что всякий читатель, могущий проникнуться изложенным здесь, неизбежно наталкивается на эти факты. Отличие от естественнонаучного исследования становится, впрочем, очевидным в тот момент, когда исследователь вступает в духовнонаучную область. Для естествознания факты находятся в поле чувственного восприятия; научное изложение рассматривает необходимую при этом деятельность души как нечто отступающее на задний план — по сравнению со взаимодействием и течением чувственных фактов. Напротив, духовнонаучное изложение должно выдвинуть эту деятельность души на первый план, ибо читатель только тогда может подойти вплотную к фактам, когда в состоянии правомерным образом сделать такую деятельность души своею собственной. Факты духовного порядка, в отличие от естественнонаучных фактов, не предстают нашему восприятию *независимо* от деятельности души (впрочем, и по отношению к естествознанию мнение это ошибочно); они делаются объектами наблюдения только *посредством* соответствующей деятельности души. Изображающий духовно-научные факты исходит, следовательно, из предпосылки, что Читатель совместно с ним *ищет* эти факты. Его изображению придана такая форма, что он *повествует* о поиске этих фактов, причем в форме его рассказа господствует не личный произвол, но научный строй мыслей, воспитанный на естествознании. Поэтому он будет принужден говорить также и о *средствах*, которые ведут к созерцанию нечувственного — сверхчувственного — бытия; кто проникнется изложенными духовнонаучными фактами, тот вскоре заметит, что благодаря им он приобрел представления и идеи, которыми раньше не обладал. Таким образом, он приходит к новым, раньше ему неизвестным, мыслям также и относительно сущности «доказательств». Он начинает понимать, что «доказательства» в сфере естественнонаучного изложения суть нечто, что мы присоединяем к ней как бы извне. Но в духовнонаучном мышлении та деятельность, которую душа в естественнонаучном мышлении направляет на доказательства, проявляется уже в самом поиске фактов. Эти факты не могут быть найдены, если путь, ведущий к ним, не является сам *«доказательным»*. Действительно следующий этому пути уже пережил его доказующую силу; к его внутреннему опыту ничего не могли бы прибавить искусственно навязанные извне доказательства. Много недоразумений вызывает тот факт, что эта особенность тайноведения оставляется без внимания.

Всякое тайноведение прорастает из двух мыслей, которые могут, найти почву в каждом человеке. Для тайноведа эти две мысли выражают собой факты, которые можно пережить, если пользоваться для этого правильными средствами. Для многих уже сами эти мысли являются в высшей степени спорными утверждениями, допускающими много возражений, или даже чем-то таким, невозможность чего можно «доказать».

Обе эти мысли заключаются в том, что за видимым миром существует невидимый, *скрытый пока* для внешних чувств и прикованного к ним мышления, и что человек через развитие дремлющих в нем способностей способен проникнуть в этот скрытый мир.

Такого скрытого мира не существует, говорят одни. Мир, который человек воспринимает посредством своих внешних чувств, есть единственный мир. Его загадки могут быть разрешены из него самого. Если человек в настоящее время еще очень далек от того, чтобы быть в состоянии ответить на все вопросы бытия, то все же наступит время, когда чувственный опыт и опирающаяся на него наука смогут дать эти ответы.

Нельзя утверждать, что не существует скрытого мира за миром видимым, говорят другие; но человеческие познавательные силы не могут проникнуть в этот мир. У них есть границы, которых они не могут переступить. В таком мире пусть ищет своего прибежища потребность «веры»: истинная наука, опирающаяся на достоверные факты, не может заниматься подобным миром.

Третья группа считает своего рода дерзостью желание человека посредством познавательной работы проникнуть в область, по отношению к которой нужно отказаться от «знания» и ограничиться «верой». Приверженцы этого мнения считают незаконным стремление слабого человека проникнуть в мир, который может принадлежать исключительно религиозной жизни.

Приводится еще и довод, что возможно общее для всех людей познание фактов чувственного мира; относительно же сверхчувственных явлений вопрос может идти исключительно о личном мнении каждого человека и не следовало бы говорить об общезначимой достоверности по отношению к этим вещам.

Утверждается еще и многое иное.

Через размышление нам становится понятно, что рассмотрение видимого мира ставит перед человеком загадки, которые никогда не могут быть разрешены из фактов самого этого мира. Они не будут разрешены этим путем, даже когда наука об этих явлениях подвинется вперед сколь угодно далеко. Ибо видимые явления видимого мира своей собственной внутренней сущностью ясно указывают на существование скрытого мира. Кто этого не признает, тот замыкается перед загадками, которые всюду ясно выступают в фактах чувственного мира. Он просто *не желает* видеть известных вопросов и загадок, поэтому полагает, что все вопросы могут быть разрешены из чувственных фактов. Все те вопросы, которые он хочет ставить, действительно могут быть разрешены из фактов, относительно которых он надеется, что они с течением времени будут открыты. С этим утверждением можно согласиться. Но зачем же ждать ответов в известных областях тому, кто вовсе не ставит никаких вопросов? Ищущий тайноведения говорит только, что для него такие вопросы вполне естественны и что их следует признать законным проявлением человеческой души. Не может же наука быть втиснута в рамки тем, что человеку запретят свободно ставить вопросы.

На мнение, что познание человека имеет границы, которых он не может переступить и которые вынуждают его остановиться перед невидимым миром, должно быть сказано: не может быть никакого сомнения в том, что при помощи того рода познания, который здесь разумеется, *нельзя* проникнуть в невидимый мир. Кто считает *этот* род познания единственно возможным, тот не может прийти к иному мнению, а лишь к тому, что человеку не дано проникнуть в высший мир, который, может быть, и существует. Но далее следует заметить и следующее: можно развить *иной* род познания, и он ведет в сверхчувственный мир. Если считать такой род познания невозможным, то приходишь к точке зрения, что всякая речь о невидимом мире представляется сущей бессмыслицей.

Но для непредвзятого суждения ясно, что для такого мнения не может быть иного основания, как только то, что защищающему это мнение неизвестен этот род познания. Но как можно вообще судить о том, о чем утверждаешь, что оно тебе неизвестно? Беспристрастное мышление должно признать себя сторонником правила говорить лишь о том, *что знаешь*, и ничего не утверждать о том, чего *не знаешь*. Оно может говорить только о праве человека сообщать то, что он узнал, но не о праве считать невозможным то, чего он не знает или не желает знать. Ни за кем нельзя оспаривать права интересоваться сверхчувственным; но никогда не может оказаться настоящего основания, по которому кто-либо мог бы считать себя компетентным не только в том, что *он* может знать, а также и во всем том, чего «человек» не может знать.

Тем, которые объявляют дерзостью проникновение в область сверхчувственного бытия, духовное исследование ставит только на вид, что такое проникновение возможно и что это грех против данных человеку способностей, если он дает им заглохнуть, вместо того, чтобы развивать их и пользоваться ими.

Тот же, кто думает, что воззрения на невидимый мир должны всецело относиться к личному мнению и чувству, отвергает то, что является общим у всех человеческих существ. Пусть даже верно, что уразумение этих вещей каждый должен найти в самом себе; но так же является фактом и то, что лишь те люди, которые достаточно глубоко проникают в эту область, приходят не к различному, но к одинаковому разумению этих вещей. Разногласие существует лишь до тех пор, пока люди хотят приблизиться к высшим истинам не научно испытанным путем, а путями личного произвола. С другой стороны, надо согласиться также и с тем, что только тот может признать правильность таинovedческого пути, кто старается вжиться в него и понять его особенности.

Путь к таинovedению может найти в надлежащий момент каждый человек, который из видимого познает существование скрытого или даже только предполагает или смутно предчувствует его и который путем сознания, что познавательные силы способны к развитию, приходит к чувству, что скрытое может ему раскрыться. Человеку, которого эти душевные переживания приводят к таинovedению, последнее дает не только надежду, что он найдет ответ на известные вопросы, поставленные его стремлением к познанию, но еще и иную надежду — что он победит все, что задерживает и ослабляет жизнь. А в известном высшем смысле это ослабление жизни означает даже душевную смерть, когда человек оказывается вынужденным отвернуться от сверхчувственного или отрицать его. При известных условиях это приводит даже к отчаянию, когда человек теряет надежду, что скрытое может ему раскрыться. Эта смерть и это отчаяние в их многообразных формах являются в то же время внутренними душевными врагами таинovedения. Они наступают, когда иссякает внутренняя сила человека. Тогда вся сила жизни должна притекать извне, если человеку вообще суждено обладать ею. Он воспринимает тогда вещи, существа и события, которые доходят до его внешних чувств; он расчленяет их своим рассудком. Они доставляют ему радость и горе; они побуждают его к поступкам, на которые он способен. Так он может продолжать существовать некоторое время, но все же когда-нибудь придет момент, когда он испытает внутреннее умирание. Ибо то, что человек может таким образом впитывать в себя из мира, истощается. Это не утверждение, исходящее из личного опыта отдельного человека, а нечто, вытекающее из непредвзятого рассмотрения *всей* человеческой жизни. От этого истощения предохраняет то скрытое, что покоится в глубине вещей. Когда в человеке отмирает сила опускаться в эти глубины, чтобы почерпнуть из них все новую жизненную

силу, то под конец и внешняя сторона вещей оказывается уже не в состоянии поддерживать жизнь.

Дело обстоит отнюдь не так, что оно касается только отдельного человека, только его личного блага и горя. Именно в тайноведении для человека становится достоверностью, что с высшей точки зрения благо и горе отдельного человека тесно связаны со спасением и гибелью всего мира. Есть путь, на котором человек приходит к уразумению, что он причиняет зло всему миру и всем существам в нем, если не дает надлежащим образом раскрыться *своим* силам. Если человек опустошает свою жизнь тем, что теряет связь со сверхчувственным, то он не только разрушает в своем внутреннем мире нечто, умирание чего может под конец привести его к отчаянию, но и создает своей слабостью препятствие развитию всего мира, в котором он живет.

Но человек может обманываться. Он может отдаться вере, что скрытого не существует, что в доходящем до его внешних чувств и рассудка уже содержится все, что вообще только может существовать. Но это заблуждение возможно лишь для поверхности сознания, а не для глубины его. Чувства и желания не подчиняются этой обманчивой вере. Они всегда каким-нибудь образом будут жаждать скрытого. И когда оно бывает у них отнято, ввергается человек в сомнение, в жизненную неуверенность и даже в отчаяние. Познание, делающее скрытое явным, способно преодолеть всякую безнадежность, всякую жизненную неуверенность, всякое отчаяние, — словом, все то, что ослабляет жизнь и делает ее неспособной к должному служению в мироздании.

То, что оно придает жизни силу и крепость, а не одно лишь удовлетворение жажды знания, и является прекрасным плодом духовного познания. Источник, откуда такое познание черпает силу для работы и уверенность для жизни, неиссякаем. Никто, *однажды* действительно подошедший к этому источнику, не уйдет от него не подкрепленным при вторичном прикасании к нему.

Есть люди, которые ничего не хотят знать о таком познании на том основании, что уже в только что сказанном увидели нечто нездоровое. По отношению к поверхности жизни и к ее внешней стороне такие люди вполне правы. Они не хотят дать заглухнуть тому, что предлагает нам жизнь в так называемой действительности. Они видят слабость в том, что человек отвращается от действительности и ищет своего спасения в скрытом мире, который для них равнозначен фантастическому, вымышленному. Если, будучи духовным исследователем не хочешь впасть в болезненную мечтательность и слабость, то надо признать частичную правомерность таких возражений. Ибо они зиждятся на здравом суждении, которое только потому ведет не к цельной, а к половинчатой истине, что оно не проникает в глубины вещей, а останавливается на их поверхности. Если бы сверхчувственному познанию было свойственно ослаблять жизнь и удалять человека от истинной действительности, то такие возражения были бы, конечно, достаточно сильны, чтобы лишить почвы это духовное направление.

Но и по отношению к таким мнениям тайноведение вступило бы на неправильный путь, если бы захотело «защищать» себя в обыкновенном смысле этого слова. И здесь за него может говорить только непредвзятому суждению доступная ценность его, которая дает тому, кто углубится в него, истинную жизненную силу и крепость. Такая устремленность к духовному не делает человека чуждым миру мечтателем; наоборот, она снабжает его силами из тех источников жизни, из которых происходит его душевно-духовное существо.

И другие препятствия для понимания встают на пути некоторых людей, подошедших к тайноведению, хотя принципиально и то, что в духовнонаучном

изложении читатель находит описание душевных переживаний, через понимание которых он может приблизиться к сверхчувственному содержанию. На это следует смотреть как на идеал, который может проявиться во всей полноте только в оккультной практике. Сначала читатель должен воспринять, как сообщения, значительную сумму полученных из сверхчувственного опыта знаний, которых он пока еще не может лично пережить. Это и не может быть иначе; вышеуказанному принципу следует и эта книга. В ней изображается то, что автор ее полагает познанным о существовании человека, о его рождении и смерти, о пребывании в бестелесном состоянии в духовном мире; далее изображается развитие земли и человечества. Могло бы показаться, будто догматически излагается целый ряд мнимых истин, для признания которых требуется вера в авторитет. Но такое мнение было бы ошибочным. То, что можно знать о сверхчувственных явлениях и фактах, живет в авторе как живое душевное содержание; и если читатель может вжиться в это душевное содержание, то такое вживание возбуждает в его душе импульсы, которые впоследствии приводят его к соответствующим сверхчувственным фактам. Чтение о духовнонаучных фактах переживается иначе, нежели чтение о фактах чувственного характера. Когда мы читаем о сообщениях, касающихся чувственного мира, то мы лишь читаем о них. Когда же мы правильно читаем нечто, касающееся сверхчувственных фактов, то мы вживаемся в поток духовного бытия. Воспринимая результаты духовнонаучного наблюдения, читатель воспринимает и усваивает себе одновременно и собственный внутренний путь к этим познаниям. Правда, вначале он часто совсем не замечает этого. Он представляет себе вступление в духовный мир наподобие чувственных переживаний и поэтому находит, что читаемое им изложение слишком рассудочно. Но в процессе *истинного* мыслительного принятия духовных данных мы уже находимся в пределах духовного мира и нам остается тогда только понять, что незаметно для себя мы уже пережили то, что принимали за рассудочное сообщение. Об истинной природе этого переживания мы приобретем полную ясность, когда практически осуществим то, что изображается во второй (последней) части книги как «путь» к сверхчувственному познанию. Легко можно было бы подумать, что — соблюдая обратный порядок — этот путь должен был быть изображен раньше всего. Но дело обстоит иначе. Кто делает только «упражнения» для проникновения в сверхчувственный мир и при этом не обращает душевного взора на определенные факты сверхчувственного мира, для того этот мир остается неопределенным, спутанным хаосом. Человек учится вживаться — в некоторой степени наивно — в этот мир, получая сведения об определенных явлениях, имеющих там место; затем он отдает себе отчет в том, как он, оставляя в стороне эту наивность, вполне сознательно может подойти к переживаниям, через которые были добыты переданные ему сообщения. Если мы проникнем в описание тайноведческих фактов, то убедимся в том, что верный путь к сверхчувственному познанию может быть только таким. Мы поймем также всю неосновательность взгляда, будто сверхчувственные познания могут, как догмы, действовать в некоторой степени через силу самовнушения. Ибо содержание этих познаний приобретает на таком душевном пути, который устраняет всякую силу внушения и делает единственно возможным обращение к другим людям таким же образом, каким к ним приближаются все истины, апеллирующие к их здравому суждению. Причина того, что люди не замечают, что они живут в духовном мире, лежит не в опрометчивом принятии сообщений, основанном на внушении, но в тонкости и непривычности переживания, вызванного чтением. Благодаря принятию сообщений, излагаемых в первой части книги, читатель становится сначала сопознавателем (Mit-

Erkenner) сверхчувственного мира: через практическое выполнение душевных упражнений, данных во второй части книги, читатель делается самостоятельным познавателем этого мира.

По духу и *истинному* смыслу ни один настоящий ученый не сможет найти противоречий между своей, построенной на фактах чувственного мира, наукой и тем, как исследуется сверхчувственный мир. Ученый пользуется известными орудиями и методами. Орудия он добывает себе переработкой того, что дает ему «природа». Сверхчувственный метод познания также пользуется орудием. Только это орудие есть сам человек. И это орудие также должно быть сперва приготовлено для высшего исследования. Способности и силы, данные человеку «природой» сначала без его содействия, должны быть претворены в нем в высшие способности. Через это человек может сам себя сделать орудием для исследования сверхчувственного мира.

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

При рассмотрении человека с точки зрения духовного познания тотчас же вступает в силу все, что относится к этой науке вообще. Она основана на признании «явной тайны» в самом существе человека. Внешним чувствам и рассудку доступна только часть того, что раскрывается сверхчувственному познанию как совокупное существо человека. Эта часть есть *физическое тело*. Чтобы осветить понятие о физическом теле, следует прежде всего направить внимание на факт, простирающийся как великая загадка над всеми явлениями жизни: на смерть и, в связи с ней, на так называемую безжизненную природу, на царство минерального бытия, которое постоянно несет в себе смерть. Этим указывается на факты, разъяснение которых относится к задачам сверхчувственного познания и которым должна быть, посвящена значительная часть этой книги. Здесь же должны быть пока намечены для ориентировки только некоторые представления.

В области видимого мира физическое тело есть то, в чем человек тождествен минеральному бытию. То же, что отличает человека от минерала, не может рассматриваться как его физическое тело. Для непредвзятого рассмотрения важен прежде всего факт, что благодаря смерти раскрывается та часть человеческого существа, которая однородна с минеральным миром, — после наступления смерти. Можно указать на труп как на то в человеке, что после смерти подчинено законам, которые господствуют в минеральном царстве. Можно подчеркнуть тот факт, что в этом элементе человеческого существа, трупе, действительны те же вещества и силы, что и в сфере минерального бытия; необходимо, однако, подчеркнуть и то, что со смертью для этого физического тела наступает распад. Поэтому мы вправе также сказать: конечно, в физическом теле человека действуют те же вещества и силы, что и в минерале, но их деятельность во время жизни подчинена более высокому служению. Они действуют согласно с законами минерального мира лишь с наступлением смерти. Тогда они проявляются, как и должны проявляться, сообразно своей собственной сущности — именно как силы, разлагающие физическое тело.

Итак, в человеке следует резко отделять видимое от сокрытого. Ибо во время жизни сокрытое принуждено вести постоянную борьбу против веществ и сил минерального бытия в физическом теле. Когда эта борьба прекращается, начинается действие одних лишь минеральных сил. Этим указывается на ту точку, с которой наука о

сверхчувственном начинает свое рассмотрение. Ее задача состоит в определении того, что ведет означенную борьбу. А это именно и скрыто от внешних чувств. Оно доступно только ясновидящему наблюдению. Как достигает человек того, чтобы это «сокрытое» стало для него столь же видимым, как чувственные явления для обыкновенного зрения — об этом речь в одной из дальнейших глав этой книги. Здесь же, по указанной уже раньше причине, будет описано то, что открывается сверхчувственному наблюдению.

Сообщения о пути, которым достигается высшее зрение, только тогда могут иметь ценность для человека, когда он сначала из простой передачи ознакомится с тем, что раскрывает сверхчувственное исследование. Ибо *понимать* в этой области можно и то, чего сам еще *не наблюдаешь*. Путь, исходящий из понимания, и есть правильный путь, ведущий к духовному зрению.

Если даже то сокрытое, что в физическом теле ведет борьбу против распада, доступно наблюдению только при помощи высшего зрения, то в своих проявлениях оно явственно и для способности суждения, ограничивающейся видимым. Эти проявления выражаются в том образе или в той *форме*, в которую бывают сплочены во время жизни минеральные вещества и силы физического тела. Эта форма мало-помалу исчезает, и по наступлении смерти физическое тело становится частью остального минерального мира. Но сверхчувственное воззрение, как самостоятельный член человеческого существа, может наблюдать то, что во время жизни препятствует физическим веществам и силам идти своими путями, ведущими к разложению физического тела. Мы назовем этот самостоятельный член «эфирным телом», или «жизненным телом». Для того, чтобы с самого же начала не вкравлись недоразумения, необходимо относительно этих обозначений второго члена человеческого существа принять во внимание две вещи. Слово «эфир» употребляется здесь в ином смысле, нежели в современной физике. Последняя, например, пользуется словом «эфир» для обозначения носителя света. Здесь же значение этого слова должно быть ограничено в указанном выше смысле. Оно должно быть применено к тому, что доступно высшему зрению и что дает знать о себе чувственному наблюдению только в своих проявлениях, а именно тем, что может давать определенную форму или образ находящимся в физическом теле минеральным, веществам и силам. Слово «тело» также не должно быть понято превратно. Для обозначения высших явлений бытия приходится пользоваться словами обыденного языка. А они выражают для чувственного наблюдения только чувственное. В чувственном смысле «эфирное тело» отнюдь не является, конечно, чем-то телесным, каким бы тонким мы ни представляли себе это телесное*. Когда в изложении сверхчувственного исследователя дойдет до упоминания об этом «эфирном» или «жизненном» теле, то он касается уже той точки, где ему приходится встречать противоречие со стороны многих современных взглядов. Развитие человеческого духа привело к тому, что в наше время упоминание о таком члене человеческого существа рассматривается как что-то ненаучное. Материалистический образ мышления пришел к тому, что не видит в живом теле ничего иного, кроме сочетания физических веществ и сил, какое встречается и в так называемом безжизненном теле, в минерале. Но только в живом это сочетание сложнее, чем в безжизненном. Не так давно и в обыкновенной науке придерживались еще других взглядов. Кто проследит труды некоторых серьезных ученых первой половины девятнадцатого столетия, тому станет ясно, что и «настоящие естествоиспытатели» сознавали тогда, что в живом теле содержится еще нечто иное, чем в безжизненном минерале. Говори ли о «жизненной силе», и хотя под этой «жизненной силой» представляли себе не то, что было обозначено выше как «жизненное тело», в

основе означенного представления все же лежит смутное чувство, что существует нечто подобное. Эту «жизненную силу» представляли себе приблизительно так, как если бы она в живом теле присоединялась к физическим веществам и силам, вроде того, как магнитная сила — к чистому железу в магните. Затем наступило время, когда эта «жизненная сила» была удалена из области науки. Хотели для всех явлений удовлетвориться одними только физическими и химическими факторами. В настоящее время у некоторых естественнонаучных мыслителей опять наступил в этом отношении поворот к прежнему. Иные соглашаются с тем, что признание чего-то, похожего на «жизненную силу», все же не полная бессмыслица. Но даже и тот «ученый», который снисходит до такого допущения, не захочет быть заодно с выраженным здесь взглядом относительно «жизненного тела». Отстаивание точки зрения сверхчувственного познания в споре с такими взглядами не приводит обычно ни к чему. Задачей духовного познания было бы скорей признать, что материалистический образ представления является необходимым сопутствующим явлением великого успеха естествознания в наше время. Этот успех основан на громадном утончении средств чувственного наблюдения. И это присуще самому существу человека, что он в своем развитии доводит отдельные способности до известной степени совершенства за счет других способностей. Точное чувственное наблюдение, развившееся в такой значительной мере благодаря естествознанию, должно было отодвинуть на задний план разработку тех человеческих способностей, которые ведут в «сокрытые миры». Но теперь опять наступила пора, когда эта разработка стала необходимой. И к признанию сокрытого приводит не борьба с суждениями, вытекающими с логической последовательностью из отрицания этого сокрытого, а правильное освещение самого этого сокрытого. Тогда признают его те, для кого «настало время».

---

* Что обозначением «эфирное тело», «жизненное тело» не должно быть просто обновлено старое, отброшенное естественной наукой воззрение о «жизненной силе» — об этом автор этой книги высказался в своей «Теософии».

Это необходимо было сказать здесь только потому, чтобы не предполагалось незнакомство духовного исследования с точками зрения естественных наук, когда оно говорит об «эфирном теле», которое в некоторых кругах должно считаться совершенно фантастическим представлением.

Итак, это эфирное тело есть второй член человеческого существа. С точки зрения сверхчувственного познания ему присуща более высокая степень действительности, чем физическому телу. Описание того, каким его видит сверхчувственное познание, может быть дано только в следующих главах этой книги, когда станет яснее, в каком смысле надо принимать такие описания. Пока достаточно сказать, что эфирное тело всюду пронизывает физическое тело и что на него нужно смотреть как на своего рода строителя физического тела. Все органы поддерживаются в их форме и образе течениями и движениями эфирного тела. В основе физического сердца лежит «эфирное сердце», в основе физического мозга — «эфирный мозг» и т. д. Эфирное тело расчленено в самом себе, подобно физическому, но только сложнее, и в нем все находится в живом взаимном проникновении там, где в физическом теле имеются обособленные части.

Это эфирное тело человек имеет общим с растительным миром так же, как с миром минеральным он имеет общим тело физическое. Все живое имеет свое эфирное тело.

От эфирного тела сверхчувственное рассмотрение восходит к следующему члену человеческого существа. Чтобы составить представление об этом члене,

сверхчувственное рассмотрение указывает на явление сна, как при теле эфирном оно указывало на смерть. Все человеческое творчество, поскольку дело идет о видимом, основано на деятельности в бодрствующем состоянии. Но эта деятельность возможна только когда человек все снова и снова черпает из сна подкрепление для своих истощенных сил. Деятельность и мышление прекращаются во время сна, всякое горе, всякая радость исчезают для сознательной жизни. Точно так же при пробуждении человека из скрытых, таинственных источников поднимаются сознательные силы из бессознательности сна. Это то же самое сознание, которое при засыпании погружается в темные глубины и снова восходит при пробуждении. То, что заново пробуждает жизнь из состояния бессознательности, в смысле сверхчувственного познания и есть третий член человеческого существа. Его называют астральным телом (Astralieib). Как физическое тело не может сохранить своей формы при помощи одних только находящихся в нем минеральных веществ и сил, но должно быть пронизано для этого эфирным телом, так и силы эфирного тела не могут сами озарить себя светом сознания. Эфирное тело, предоставленное самому себе, должно было бы постоянно находиться в состоянии сна. Можно также сказать: оно могло бы поддерживать в физическом теле только растительное бытие. Бодрствующее эфирное тело просветлено телом астральным. Для чувственного наблюдения действие этого астрального тела исчезает, когда человек погружается в сон. Для сверхчувственного наблюдения астральное тело еще продолжает существовать, только оно является отделенным от эфирного тела или извлеченным из него. Чувственное наблюдение имеет дело не с самим астральным телом, а только с его действиями в видимом. А таковых во время сна непосредственно не существует. В том же смысле, в каком человек имеет свое физическое тело общим с минералами, а свое эфирное тело — общим с растениями, так и относительно своего астрального тела он однороден с животными. Растения находятся в постоянном состоянии сна. Кто неточно судит об этих вещах, легко может впасть в ошибку, приписав и растениям род сознания, какое имеют в бодрствующем состоянии животные и люди. Но это может произойти только если составить себе неточное представление о сознании. Тогда говорят, что растение, подвергнутое внешнему раздражению, совершает известные движения, как и животные. Говорят о *чувствительности* некоторых растений, которые, например, свертывают свои листья, когда на них воздействуют какие-нибудь внешние предметы. Но характерным для сознания является не то, что существо отвечает на действие известным противодействием, а что оно переживает внутри себя нечто, присоединяющееся к простому противодействию как что-то новое. Иначе можно было бы также говорить о сознании, когда кусок железа расширяется под влиянием тепла. Сознание имеется лишь тогда, когда, например, существо внутри себя под действием тепла переживает боль.

Что касается четвертого члена человеческого существа, приписываемого ему сверхчувственным познанием, то человек уже не имеет его общим с окружающим его миром видимого. Это то, что отличает его по отношению к другим существам, то, благодаря чему он является венцом ближайшим образом связанного с ним творения. Сверхчувственное познание составляет представление об этом четвертом члене человеческого существа, указывая на то, что и между бодрственными переживаниями есть существенные различия. Эти различия выступают сразу же, как человек направляет свое внимание на то обстоятельство, что в бодрствующем состоянии он постоянно находится, с одной стороны, среди переживаний, которые должны появляться и исчезать, а с другой стороны, у него есть переживания, при которых это не имеет места. Это

выступит особенно резко, если сравнить переживания человека с переживаниями животного. Животное переживает с большой равномерностью влияния внешнего мира и, под влиянием тепла и холода, ощущает страдание и радость, а при известных, равномерно протекающих процессах своего тела, — голод и жажду. Жизнь человека такими переживаниями не исчерпывается. Он может развить в себе страсти и желания, выходящие за пределы всего этого. У животного всегда можно было бы установить — если бы только можно было достаточно проследить это, — где вне тела или в теле находится побуждение к поступку, к ощущению. У человека это отнюдь не так. Он может породить желания и страсти, для возникновения которых нет достаточного повода ни внутри, ни вне его тела. Все, что входит в эту область, надо отнести к особому источнику. И этот источник в смысле сверхчувственного знания надо видеть в «Я» человека. Поэтому «Я» рассматривается как четвертый член человеческого существа. Если бы астральное тело было предоставлено самому себе, в нем протекали бы радость и боль, чувства голода и жажды; но тогда при этом не возникало бы ощущения, что во всем этом есть нечто *пребывающее*. Не пребывающее как таковое обозначается здесь как «Я», но то, чем переживается это пребывающее. Чтобы не возникло недоразумений в этой области, следует брать понятия в их совершенно точном значении. С восприятием чего-то длящегося, пребывающего в смене внутренних переживаний, начинается пробуждение «чувства Я». Не то, что существо ощущает, например, голод, может сообщить ему чувство «Я». Голод появляется, когда в данном существе снова сказываются обуславливающие его причины. Такое существо потому именно и набрасывается на пищу, что имеются эти возобновившиеся причины. Чувство «Я» наступает не тогда, когда эти возобновившиеся причины влекут к пище, но только если при предыдущем насыщении возникло удовольствие и осталось сознание этого удовольствия, так что к пище влечет не только *настоящее* переживание голода, но и *прошедшее* переживание удовольствия. Как физическое тело разлагается, если его не сдерживает тело эфирное, как эфирное тело погружается в бессознательность, если его не просветляет тело астральное, так астральное тело должно все снова и снова предавать прошлое *забвению*, если «Я» не спасает этого прошлого, перенеся его в настоящее. Что для физического тела — смерть, для эфирного тела — сон, то для астрального тела есть *забвение*. Можно также сказать: эфирному телу присуща жизнь, астральному телу — *сознание*, а «Я» присуще *воспоминание*.

Еще легче, чем впасть в ошибку, приписывая растению сознание, можно ошибиться, признавая у животного воспоминание. Ведь так легко принять за воспоминание, когда собака узнает своего хозяина, которого она, может быть, довольно долго не видела. Но в действительности такое узнавание основано вовсе не на воспоминании, а на чем-то совершенно ином. Собака ощущает известное притяжение к своему хозяину. Оно исходит из существа этого последнего. Это существо доставляет собаке удовольствие, когда ее хозяин находится вблизи нее, и присутствие хозяина каждый раз является поводом к возобновлению удовольствия. О воспоминании же можно говорить только тогда, когда какое-нибудь существо не только ощущает что-либо, переживая в настоящем, но и сохраняет переживания прошлого. Но даже и соглашаясь с этим, можно было бы все-таки впасть в ошибку, приписывая собаке воспоминание. А именно, можно было бы сказать: она тоскует, когда хозяин покидает ее, следовательно у нее остается воспоминание о нем. Но и такое суждение неверно. Благодаря совместной жизни с хозяином присутствие его становится для собаки потребностью, а потому отсутствие его

она ощущает подобным же образом, как и голод. Кто не делает таких различий, никогда не уяснит себе истинных жизненных отношений.

Вследствие определенных предрассудков могут возразить на изложенное, что ведь нельзя знать, существует ли у животного нечто схожее с человеческим воспоминанием. Такое возражение покоится на неумелом наблюдении. Кто умеет наблюдать, как протекают переживания животного, тот заметит различие этих переживаний от переживаний человека. Ему станет ясно, что животное действует так, как это обуславливается отсутствием воспоминаний. Для сверхчувственного наблюдения это очевидно. Но то, что это сверхчувственное наблюдение непосредственно наблюдает, может быть познано *в своих действиях* в этой области также и благодаря мысленному проникновению в него восприятием. Когда утверждают, что человек знает о *своем* воспоминании путем внутреннего душевного наблюдения, которое он не может применить к животному, то в основании этого утверждения лежит грубая ошибка. То, что человек может сказать о своей способности воспоминания, он не может почерпнуть из внутреннего душевного наблюдения, но только из того, что переживает в себе по отношению к вещам и событиям внешнего мира. Это он переживает относительно самого *себя*, других людей и животных одним и тем же путем. Человек поддается иллюзии, когда думает, что он судит только на основании внутреннего наблюдения о наличии воспоминаний. То, что лежит в основании воспоминания как сила, может быть названо явлением внутренним, но *суждение* об этой силе — также и по отношению к своей собственной личности — приобретает из внешнего мира, благодаря взгляду на жизненные отношения. Эти взаимоотношения можно рассматривать относительно самого себя точно так же, как и относительно животного. В этом вопросе наша обычная психология страдает от недоработанных и неточных представлений, которые приводят к большим заблуждениям из-за ошибок наблюдения. Для «Я» воспоминание и забвение означают нечто подобное тому, что есть для астрального тела бодрствование и сон. Как благодаря сну исчезают в небытие заботы и печали дня, так забвение простирает покров на тяжелые испытания жизни и гасит этим часть прошлого. И как сон необходим, чтобы заново укрепились истощенные жизненные силы, так человек должен вычеркнуть из воспоминания известные части своего прошлого, чтобы быть в состоянии свободно и непредвзято встретить новые переживания. Но именно из этого забвения появляются у него силы для восприятия нового. Подумайте о таком явлении, как изучение письма. Все частности, которые приходится пережить ребенку, чтобы научиться писать, забываются. Остается только способность писать. Как мог бы человек писать, если бы каждый раз, когда он брался за перо, в его душе вставали, как воспоминание, все переживания, через которые он должен был пройти при изучении письма.

Но воспоминание выступает в различных степенях. Уже и то является простейшей формой воспоминания, когда человек воспринимает предмет и затем, отвернувшись от него, сохраняет о нем *представление*. Это представление человек составил себе в то время, когда он воспринимал предмет. Здесь произошел некий процесс между его астральным телом и его «Я». Астральное тело сделало внешнее впечатление от предмета сознательным. Но если бы «Я» не приняло в себя этого знания и не сделало его своим достоянием, такое знание о предмете продолжалось бы лишь до тех пор, пока этот предмет был бы *налицо*. Здесь сверхчувственное исследование разделяет телесное от душевного. Когда имеют в виду возникновение знания о находящемся перед нами предмете, говорят об *астральном теле*. А то, что дает знанию длительность, обозначают как *душу*. Но в то же время из сказанного видно, как тесно связано в человеке астральное

тело с той частью души, которая сообщает знанию длительность. Оба они до некоторой степени соединены в один член человеческого существа. Поэтому это соединение часто обозначают и как астральное тело. Если хотят обозначить точно, то говорят также об астральном теле человека, как о *теле душевном*-, а о душе, поскольку она соединена с ним, — как о душе *ощущающей* (Empfindungsseele).

«Я» поднимается на более высокую ступень своего существа, когда оно направляет свою деятельность на то знание о предметах, которое оно сделало своим достоянием. Это та деятельность, через которую «Я» все более освобождается от предметов восприятия, чтобы работать в своей собственной области. Ту часть души, которой присуща эта деятельность, можно обозначить как «душу рассудочную» или «душу чувствующую» (Verstandes- oder Gemütsseele). Как душе ощущающей, так и душе рассудочной свойственно работать над тем, что они получают через впечатления от воспринятых внешними чувствами предметов и что они от них сохраняют в воспоминании. Здесь душа всецело отдается тому, что является для нее внешним. Но ведь извне получила она также и то, что делает своим собственным достоянием при помощи воспоминания. Однако душа может выйти за пределы всего этого. Она не только душа ощущающая и рассудочная. Сверхчувственное наблюдение может всего легче дать представление об этом выходе, указав на один простой факт, который надо только оценить во всем его объеме и значении. Это тот факт, что во всей совокупности слов данного языка есть только одно единственное имя, которое по своей сущности отличается от всех других имен. Это есть имя «Я». Всякое иное имя *каждый* человек может приложить к той вещи или к тому существу, которым оно присуще. «Я», как обозначение для существа, только тогда имеет смысл, когда это существо само применяет его к себе. Имя «Я» никогда не может извне достигнуть слуха человека, как его обозначение; только само существо может применить его к себе. «Я есмь Я только для меня; для всякого другого Я есмь Ты; и всякий другой для меня есть Ты». Этот факт есть внешнее выражение глубоко значительной истины. Подлинная сущность «Я» независима от всего внешнего; *поэтому* ничто внешнее не может назвать ее этим именем. Те религиозные верования, которые сознательно сохранили свою связь со сверхчувственным созерцанием, называют поэтому обозначение «Я» «неизреченным именем Божиим». Ибо, употребляя это выражение, указывают именно на то, что было отмечено выше. Ничто внешнее не имеет доступа к той части человеческой души, которая имеется здесь в виду. Здесь — «сокровенная святыня» души. Только существо, с которым душа однородна, может проникнуть сюда. «Бог, обитающий в человеке, говорит, когда душа познает себя как Я». Как душа ощущающая и душа рассудочная живут во внешнем мире, так третий член души погружается в Божественное, когда душа достигает восприятия своей собственной сущности.

В связи с этим легко может возникнуть недоразумение, будто тайноведение признает «Я» за *единое* с Богом. Но тайноведение вовсе не говорит, будто «Я» есть Бог, но только, что оно одинакового рода и существа с Божественным. Разве кто-нибудь утверждает, что капля воды, взятая из моря, есть само море, когда он говорит, что капля — той же сущности и того же состава, как и море? Если непременно прибегать к сравнению, то можно сказать: как капля относится к морю, так и «Я» относится к Божественному. Человек может найти в себе Божественное, ибо самая изначальная сущность его взята из Божественного. Таким образом, через этот третий член своей души человек приобретает внутреннее знание о самом себе, как через астральное тело он получает знание о внешнем мире. Поэтому тайноведение этот третий член души может назвать также

душой сознательной (Bewußtseinsseele). И в смысле этой науки душевное состоит из всех трех членов: души ощущающей, души рассудочной и души сознательной, подобно тому как телесное состоит из трех членов: физического тела, эфирного тела и астрального тела.

Психологические ошибки наблюдения, подобно вышеупомянутым, касательно способности воспоминания, затрудняют также и понимание сущности «Я». Многое, что людям кажется понятным, они склонны рассматривать как опровержение вышеуказанного, в то время как оно представляет подтверждение его. Это имеет например, место в одном из примечаний учебника психологии Эдуарда фон Гартмана «Основные понятия психологии» относительно «Я»: «Личные местоимения есть сравнительно поздний продукт развития языка и имеют для языка значение лишь в качестве сокращения. Слово «Я» есть сокращенная замена имени говорящего, замена, которую каждый говорящий употребляет лишь относительно себя, каким бы именем ни называли его другие люди. Самосознание может достигнуть очень высокого развития у животных и у необученных глухонемых, даже когда с ними не связано представление об имени собственном. Сознание собственного имени вполне может заменить недостающее употребление слова «Я». Благодаря пониманию этого факта рассеивается магический ореол, которым для многих окружено слово «Я», ибо оно ничего не может прибавить к понятию самосознания, но получает от него все свое содержание». Можно согласиться с этим взглядом, а также и с тем, что не следует окружать магическим ореолом слово «Я», что только затемняет вдумчивые наблюдения. Но для существа данной *вещи* вовсе не существенно, сколь постепенно рождается *словесное обозначение* для этой вещи. Существенно как раз то, что истинное существо «Я» в самосознании «древнее, чем слово «Я», и что человек принужден *это* особое слово употреблять для того, что он во взаимодействии во внешнем мире переживает иначе, чем это может пережить животное. Как о сущности треугольника нельзя узнать на основании того, как образовалось «слово» треугольник, точно так же сущность «Я» не зависит от того, как сложилось *развитие* слова «Я» в истории языка.

Лишь в душе сознательной раскрывается действительная природа «Я». Ибо если в ощущении и в рассудке душа теряется в другом, находящемся вне ее, то как душа сознательная она охватывает свою собственную сущность. Поэтому и «Я» может быть воспринято душой сознательной не иначе, как через известную внутреннюю деятельность. Представления о внешних предметах составляют сообразно тому, как эти предметы являются и исчезают; и эти представления продолжают работать с рассудком своею собственной силой. Но для того, чтобы «Я» восприняло само себя, оно не может только *отдаваться*; оно должно сначала внутренней деятельностью вызвать свое существо из собственных глубин, чтобы получить сознание его. С восприятием «Я» — с *обращением мысли на себя* — начинается внутренняя деятельность этого «Я». Благодаря этой деятельности восприятие «Я» в душе сознательной имеет для человека совершенно иное значение, чем наблюдение всего того, что доходит до него через три телесных члена и через два других члена души. Сила, выявляющая «Я» в душе сознательной, есть та же сила, которая сказывается и во всем остальном мире. Но только в теле и в низших членах души она выступает не непосредственно, а раскрывается в своих действиях постепенно. Ее низшее проявление есть проявление через физическое тело; затем она постепенно поднимается до того, что наполняет душу рассудочную. Можно было бы сказать, что с восхождением на каждую следующую ступень спадает один из покровов, которыми окутано это сокрытое. В том, что наполняет душу сознательную, сокрытое

вступает без покрова в самый внутренний храм души. Однако оно является тут именно только как капля из моря всепроникающей первосущности. Но человек должен здесь впервые охватить эту первосущность. Он должен познать ее в самом себе, тогда он может найти ее также и в ее проявлениях.

То, что проникает здесь, как капля, в душу сознательную, тайноведение называет *духом*. Так Связана душа сознательная с духом, который есть *сокрытое* во всем явном. Если человек хочет охватить дух во всем явном, он должен сделать это таким же образом, как он охватывает «Я» в душе сознательной. Он должен распространить на видимый мир ту деятельность, которая привела его к восприятию этого «Я». Но через это он развивается до более высоких ступеней своего существа. Он прибавляет к своим телесным и душевным членам нечто новое. Ближайшим делом является овладение еще и тем, что сокрыто в низших членах его души. И это происходит благодаря исходящей из «Я» работы человека над своей душой. Как совершает он эту работу, станет наглядным, если сравнить человека, еще всецело преданного низшим страстям и так называемым чувственным наслаждениям, с благородным идеалистом. Первый превращается в идеалиста, когда отказывается от известных низменных склонностей и обращается к высоким. Через это он *из своего «Я»* облагораживающим, одухотворенным образом подействовал на свою душу. И это может достигнуть такой степени, что в душе не будет возникать ни одной страсти, ни одного наслаждения без того, чтобы «Я» не было той властью, которая открывает им доступ. Таким образом, вся душа становится тогда откровением «Я», как прежде была им только душа сознательная. В сущности, вся культурная жизнь и все духовное стремление людей состоит в работе, имеющей своей целью это господство «Я». *Каждый* человек, живущий в наше время, занят этой работой, хочет он того или нет, сознает он этот факт или нет.

Но эта работа ведет к более высоким ступеням человеческого существа. Благодаря ей человек развивает новые члены своего существа. Они, как сокрытое, покоятся за видимым для него. Через эту исходящую из «Я» работу над своей душой человек может не только сделаться господином над душой, так что она начинает выявлять из видимого сокрытое, но может также и расширить эту работу. Он может распространить ее на астральное тело. Через это «Я» овладевает астральным телом, соединяясь с его сокрытой сущностью. Это астральное тело, завоеванное «Я» и преображенное им, может быть в тайноведении названо Самодухом (Geistselbst). (Это то же самое, что в восточной мудрости называют «Манас»). В Самодухе мы имеем перед собой более высокий член человеческого существа, который находится в нем как бы в зачаточном состоянии и все более выявляется по мере работы человека над самим собой.

Как человек овладевает своим астральным телом, проникая к скрытым за ними силам, так в течение развития происходит это и по отношению к эфирному телу. Но работа над эфирным телом более интенсивна, нежели над телом астральным, ибо то, что скрывается в эфирном теле, облачено в два покрова, а сокровенное астрального — только в один. Можно составить себе понятие о различии в работе над этими обоими телами, если указать на некоторые изменения, могущие произойти в человеке во время его развития. Подумаем сначала, как развиваются некоторые душевные свойства человека, когда «Я» работает над душой; как могут измениться наслаждения и желания, радость и горе. Человеку для этого достаточно только перенестись к временам своего детства. Что радовало его тогда, что причиняло ему страдания? Чему научился он в придачу к тому, что умел в детстве? Но все это служит только выражением того, как «Я» достигло господства над астральным телом. Ибо последнее и является носителем

наслаждения и страдания, радости и горя. И сравним с этим, как мало в сравнении с этим меняются некоторые свойства человека, например, его темперамент, более глубокие особенности его характера и т. д. Человек, который ребенком был вспыльчив, развиваясь, и в последующей своей жизни нередко сохраняет некоторые стороны своей вспыльчивости. Это так бросается в глаза, что существуют мыслители, которые совершенно отрицают возможность изменения основного характера человека. Они полагают, что характер остается на всю жизнь чем-то пребывающим и лишь проявляется то с одной, то с другой стороны. Но такое суждение покоится лишь на недостатке наблюдательности. Кто способен видеть такие вещи, для того ясно, что и характер и темперамент человека также меняются под влиянием его «Я». Конечно, это изменение, по сравнению с изменениями вышеуказанных свойств, протекает медленно. Можно сравнить отношение этих двух видов изменений с отношением движений часовой и минутной стрелок на часах. Силы, вызывающие эти изменения характера или темперамента, принадлежат к сокрытой области эфирного тела. Они однородны с силами, господствующими в царстве жизни, то есть с силами роста, питания и теми, которые служат размножению. Эти вещи получают надлежащее освещение при дальнейшем рассмотрении. Итак, «Я» работает над астральным телом не когда человек просто отдается наслаждению и страданию, радости и горю, а когда изменяются особенности этих душевных свойств. И таким же образом простирается работа на эфирное тело, когда «Я» направляет свою деятельность на изменение свойств его характера, его темперамента и т. д. И над этим изменением работает каждый человек, сознает он это или нет. Наиболее сильные импульсы, ведущие в обыкновенной жизни к этому изменению, суть религиозные импульсы. Когда «Я» все снова и снова отдается воздействию побуждений, притекающих из религии, они образуют в нем силы, действующие вплоть до эфирного тела и преображающие его подобно тому, как более слабые жизненные побуждения вызывают превращения астрального тела. Эти более слабые жизненные побуждения, которые человек получает путем учения, размышления, облагораживания чувств и т. д. подвержены многообразной изменчивости бытия; религиозные же ощущения налагают на все мышление, чувствование и воление печать чего-то единого. Они как бы проливают единый, общий свет на всю душевную жизнь. Человек думает и чувствует сегодня одно, а завтра другое. Это вызывается самыми разнообразными поводами. Но если кто благодаря своему религиозному ощущению — какого бы рода оно ни было — смутно чувствует нечто такое, что проходит через все ощущения, тот в одинаковой мере отнесет к этому основному ощущению как то, что он думает и чувствует сегодня, так и завтрашние переживания своей души. Благодаря этому религиозное исповедание имеет определяющее значение в душевной жизни; его влияния с течением времени все больше усиливаются, ибо их действие постоянно повторяется. Поэтому они приобретают силу воздействовать на эфирное тело. Сходным образом действует на человека истинное искусство. Когда он через внешнюю форму, через цвет и звук художественного произведения проникает воображением и чувством в духовные основы этого произведения, то импульсы, которые таким путем получает «Я», действуют на самом деле вплоть до эфирного тела. Если продумать эту мысль до конца, то можно определить, какое огромное значение имеет искусство для всего человеческого развития. Это лишь некоторые из явлений, побуждающих «Я» к воздействию на эфирное тело. В человеческой жизни существует много таких влияний, которые не столь очевидны для наблюдающего взгляда, как только что приведенные. Но и из них уже видно, что в человеке скрыт еще и иной член его существа, все более и более вырабатываемый его

«Я». Этот член можно обозначить как второй член духа, а именно как *Жизнедух* (Lebensgeist). (Это то же самое, что в восточной мудрости называют «Будхи»). Выражение «Жизнедух» потому оказывается подходящим, что в обозначаемом им действуют те же силы, которые действуют в «жизненном теле», только в этих силах, когда они проявляются как жизненное тело, не действует человеческое «Я». Когда же они проявляются как Жизнедух, то бывают проникнуты деятельностью «Я».

Интеллектуальное развитие человека, его очищение и облагораживание чувств и проявлений воли являются мерилем превращения астрального тела в Самодух; его религиозные переживания и многие опытные знания запечатлеваются в эфирном теле и превращают его в Жизнедух. При обычном течении жизни это происходит более или менее бессознательно; зато так называемое *посвящение* человека заключается в том, что ему через сверхчувственное познание указываются средства, с помощью которых он может вполне сознательно овладеть этой работой в Самодухе и Жизнедухе. Речь об этих средствах пойдет ниже, пока же необходимо было только указать, что в человеке, кроме души и тела, действует также и дух. Из дальнейшего одновременно выяснится, что этот дух принадлежит к *вечному* в человеке — в противоположность преходящему телу.

Но работой над астральным и эфирным телом еще не исчерпывается деятельность «Я». Она простирается также и на физическое тело. Некоторый налет влияния «Я» на физическое тело можно видеть в том, когда человек благодаря известным переживаниям, например, краснеет или бледнеет. Здесь «Я» на самом деле обуславливает процессы в физическом теле. А если благодаря действительности «Я» в человеке происходят изменения в смысле его воздействия на физическое тело, то это значит, что «Я» действительно связано со скрытыми силами, которые обуславливают его физические процессы. В тайноведении говорят, что в этой деятельности сказывается тогда работа «Я» над физическим телом. Это выражение не должно быть понято превратно. Не должно возникать даже и мысли, будто эта работа есть нечто грубо материальное. То, что в физическом теле является как грубо материальное, есть только видимое в нем. За этим видимым лежат скрытые силы его существа. А они духовного рода. Здесь речь идет не о работе над материальным, каковым является физическое тело, но о духовной работе над невидимыми силами, которые дают ему возникнуть и затем опять приводят к распаду. В обыкновенной жизни эта работа «Я» над физическим телом может доходить до сознания человека лишь с очень незначительной ясностью. Эта ясность достигается в полной мере лишь в том случае, когда под влиянием тайноведения человек сознательно берется за работу. Тогда выясняется, что в человеке существует еще и третий духовный член. Это тот, который тайноведение называет Духочеловеком (Geistesmensch) — в противоположность физическому человеку. (В восточной мудрости этот «Духочеловек» называется «Атма».)

Относительно Духочеловека легко может ввести в заблуждение то, что в физическом теле видят низший член человека и поэтому трудно бывает освоиться с мыслью, что работа над этим физическим телом должна исходить из наивысшего члена человеческого существа. Но именно потому, что физическое тело скрывает под тремя покровами действующего в нем духа, необходима человеческая работа наивысшего порядка, чтобы соединить «Я» с тем, что является сокрытым духом этого тела.

Таким образом, для тайноведения человек представляется существом, состоящим из различных членов. Телесного рода суть: физическое тело, эфирное тело и астральное тело. Душевного: душа ощущающая, душа рассудочная и душа сознательная. В душе «Я» распространяет свой свет, И духовного: Самодух, Жизнедух и Духочеловек. Из

вышеизложенного вытекает, что душа ощущающая и астральное тело тесно связаны между собою и в известном отношении составляют одно целое. Подобным же образом составляют одно целое душа сознательная и Самодух. Ибо в душе сознательной вспыхивает дух и из нее он пронизывает светом других членов человеческой природы. Сообразно с этим в тайноведении говорится также о следующем разделении человека: астральное тело и душу ощущающую соединяют в один член, точно так же душу сознательную и Самодух, а душу рассудочную — так как она причастна природе «Я» и так как она в известном отношении и есть само «Я», только не осознавшее своей духовной сущности, — называют просто «Я», и получают тогда семь частей человека: 1. физическое тело; 2. эфирное или жизненное тело; 3. астральное тело; 4. Я; 5. Самодух; 6. Жизнедух; 7. Духочеловек.

Даже для человека, привыкшего к материалистическим представлениям, это членение человека — с лежащим в его основе числом семь — не имело бы в себе того «неясно магического», которое он часто приписывает этому числу, если бы он точно придерживался смысла вышеприведенного изложения и сам заранее не вносил бы во все это «магического». Только с точки зрения более высоких форм наблюдения мира, и ни с какой иной, говорит тайноведение об этих «семи» членах человека, — как говорят о семи цветах спектра или семи звуках гаммы (рассматривая октаву как повторение основного тона). Как свет является в семи цветах, звук — на семи ступенях, так единая человеческая природа — в семи означенных членах. Как в звуке и цвете число семь не вносит с собою ничего «суеверного», так не имеет это места и в тайноведении. (Когда это однажды излагалось устно, было сделано возражение, что относительно цвета с числом семь дело обстоит не совсем так, ибо по ту сторону красного и фиолетового существуют еще другие цвета, только не воспринимаемые глазом. Но если принять в соображение и это, то сравнение с семью цветами все-таки сохраняет свое значение, так как существо человека продолжается как по ту сторону физического тела, так и по ту сторону Духочеловека; только для средств духовного наблюдения, о которых говорит пока тайноведение, эти продолжения человеческого существа «духовно невидимы», как цвета по ту сторону красного и фиолетового невидимы для физического глаза. Это замечание необходимо было сделать ввиду той легкости, с которой возникает мнение, будто тайноведение недостаточно считается с естественнонаучным мышлением и обнаруживает в этом отношении дилетантизм. Но кто правильно отнесется к тому, что хочет сказать тайноведение, тот может убедиться, что оно поистине нигде не находится в противоречии с подлинным естествознанием: ни в том случае, когда оно для наглядности приводит естественнонаучные факты, ни когда оно вступает со своими суждениями в непосредственное отношение к естественнонаучному исследованию).

СОН И СМЕРТЬ

Нельзя постичь сущности бодрствующего сознания без наблюдения того состояния, которое переживает человек во время сна; и нельзя приблизиться к загадке жизни, не занявшись рассмотрением смерти. В человеке, который живо не чувствует значения тайноведения, могут возникнуть сомнения относительно этой науки уже по поводу того, как она занимается рассмотрением сна и смерти. Тайно ведение умеет ценить

побудительные причины, из которых исходят такие сомнения. Ибо нет ничего непонятного, если кто говорит, что человек создан для длительной, действенной жизни и что его творчество зиждется на отдаче себя ей; а углубление в такие состояния, как сон и смерть, может проистекать лишь из склонности к праздно мечтательности и вести ни к чему иному, как к пустой фантастике. В отклонении такой «фантастики» люди легко могут усмотреть выражение здоровой души, а в отдаче себя подобной «праздной мечтательности» — нечто болезненное, свойственное только лицам, которым недостает жизненной силы и жизнерадостности и которые неспособны к «истинному творчеству». Было бы неправильным счесть такое суждение просто неверным. Ибо оно имеет в себе некоторую долю истины; это только четверть истины, которая должна быть дополнена остальными принадлежащими ей тремя четвертями. И в человеке, который отлично видит эту четверть истины, но ничего не подозревает об остальных трех четвертях, вызовет только недоверие, если начать оспаривать эту верную четверть. Необходимо безусловно признать, что рассмотрение того, что скрывают сон и смерть, болезненно, если оно ведет к ослаблению, к отращению от истинной жизни. В меньшей степени можно согласиться и с тем, что многое, издавна называвшееся в мире тайноведением и в настоящее время распространенное под этим именем, носит нездоровый, враждебный жизни отпечаток. Но это нездоровое вытекает отнюдь не из *истинного* тайноведения. Истинное положение вещей скорее в следующем: как человек не может постоянно бодрствовать, так и для действительных жизненных отношений во всем их объеме он не может обойтись без того, что может дать ему тайноведение. Жизнь продолжается во время сна, и силы, работающие и творящие во время бодрствования, черпают себе освежение и крепость из того, что дает им сон. Так происходит это с тем, что человек может наблюдать в видимом мире. Но область мира шире, нежели поле *этого* наблюдения. И то, что человек познает в видимом, *должно* быть дополнено и оплодотворено тем, что он может знать о невидимых мирах. Человек, который не черпал бы постоянно из сна подкрепления для своих ослабевших сил, привел бы свою жизнь к разрушению; точно также и рассмотрение мира, не оплодотворяемое познанием сокровенного, должно привести к запустению. То же относится и к «смерти». Живые существа подпадают смерти, чтобы могла возникнуть новая жизнь. Именно тайноведение бросает яркий свет на прекрасное изречение Гете: «Природа изобрела смерть, чтобы иметь много жизни». Как без смерти не могло бы быть жизни в обыкновенном смысле, так не может быть действительного познания видимого мира без знания о невидимом. Всякое познание видимого должно снова и снова погружаться в невидимое, чтобы мочь развиваться. Из этого ясно, что одно тайноведение делает возможной жизнь внешнего знания; но оно никогда не ослабляет жизни, когда появляется в своем истинном образе; оно укрепляет и постоянно освежает и оздоравливает ее, если эта жизнь, представленная самой себе, сделалась слабой и больной.

Когда человек погружается в сон, то изменяется связь между его членами, как она была описана выше в этой книге. Та часть спящего человека, которая покоится на ложе, содержит в себе физическое и эфирное тело, но не содержит астрального тела и «Я». Поскольку во сне эфирное тело остается связанным с физическим телом, то жизненная деятельность продолжается; ибо в то мгновение, как физическое тело будет представлено самому себе, оно должно распасться. Погашенными же оказываются во сне представления, страдание и наслаждение, радость и горе, способность проявлять сознательную волю и другие подобные явления бытия. Носителем всего этого является астральное тело. При непредвзятом суждении не может, конечно, возникнуть мнения,

будто во сне астральное тело со всем его наслаждением и страданием, со всем миром представлений и воли уничтожается. Оно существует, но в ином состоянии. Чтобы человеческое «Я» и астральное тело не только были исполнены наслаждения и страдания и всего вышеназванного, но также и сознательно воспринимали все это, необходимо, чтобы астральное тело было связано с эфирным и физическим телами. В бодрствующем состоянии оно связано с ними, во время же сна — нет. Оно вышло из них. Оно приняло иной род бытия, чем присущее ему во время его связи с физическим и эфирным телом. Это и есть задача тайноведения — рассмотреть этот иной род бытия в астральном теле. Для наблюдения во внешнем мире астральное тело во время сна исчезает; тайноведение должно проследить его теперь в его жизни, пока оно не овладеет снова физическим и эфирным телом при пробуждении. Как во всех случаях, когда дело касается познания сокрытых вещей и событий мира, для нахождения действительных явлений сна в их подлинном виде необходимо ясновидящее наблюдение; но при сообщении того, что может быть найдено этим наблюдением, сообщаемое бывает вполне понятным для истинно непредвзятого мышления. Ибо события сокрытого мира обнаруживаются в своих действиях в мире видимом. Когда видишь, как показания ясновидящего наблюдения объясняют видимые явления, то такое подтверждение самую жизнью служит тем доказательством, какого можно требовать в подобных вещах. Кто не желает воспользоваться указанными далее средствами для достижения ясновидящего наблюдения, может произвести следующий опыт. Он может пока принять сообщения ясновидящего и затем приложить их к видимым данным своих опытов. Таким путем он увидит, что благодаря этому жизнь станет понятной и ясной. И чем точнее и внимательнее будет он наблюдать обыкновенную жизнь, тем более убедится он в этом.

Если астральное тело во время сна и не переживает никаких представлений, если оно и не испытывает радости и горя и подобного им, оно все же не остается бездейственным. Напротив того, именно в состоянии сна и надлежит ему проявлять усиленную деятельность. Это деятельность, в которую оно — после того, как в течение некоторого времени находилось в общении с физическим и эфирным телами, — должно периодически (*rhythmischer Folge*) погружаться. Как часовой маятник, качнувшись влево и снова вернувшись в центральное положение, должен продолжать свой путь направо, точно так же астральное тело и находящееся в его лоне «Я» после того, как они в течение некоторого времени были активны в физическом и эфирном телах, должны — как результат этой деятельности — в течение последующего времени развивать в бестелесном состоянии свою деятельность в душевно-духовном окружении. После такого бестелесного состояния астрального тела и «Я» у обычного человека наступает, как результат пребывания астрального тела вместе с физическим и эфирным, бессознательность, ибо эта последняя являет собой *противоположность* состояния бодрствующего сознания, — точно так же, как движение маятника вправо является действием, противоположным движению маятника влево. Необходимость погрузиться в это состояние бессознательности ощущается духовно-душевной организацией человека как *усталость*. Усталость есть выражение того, что астральное тело и «Я» во время сна подготавливаются к тому, чтобы в последующем бодрствующем состоянии снова растворить в физическом и эфирном телах то, что возникло в них путем чисто органической — бессознательной — деятельности, пока они были свободны от духовно-душевной организации. Эта бессознательная созидательная деятельность с одной стороны, и, с другой стороны, то, что имеет место в человеческом существе во время состояния сознательности, — суть противоположные процессы, которые должны сменять друг

друга в ритмической последовательности. Физическое тело может сохранить присущие ему человеческие образ и форму лишь с помощью человеческого эфирного тела. Но эта человеческая форма физического тела может быть сохранена только таким эфирным телом, которому в свою очередь доставляются соответственные силы телом астральным. Эфирное тело — создатель, строитель физического тела. Но оно может правильно образовывать его только тогда, если побуждение к тому, как оно должно это делать, получено им от астрального тела. В последнем находятся *прообразы*, по которым эфирное тело дает физическому его облик. Во время бодрствования астральное тело не наполнено этими прообразами для физического тела или, по крайней мере, наполнено ими лишь до известной степени, ибо во время бодрствования душа ставит на место этих прообразов свои собственные образы. Когда человек направляет внешние органы чувств на окружающий его мир, то он именно через восприятие создает в своих представлениях образы, которые суть отображения окружающего его мира. Эти отображения бывают вначале помехой для тех образов, которые побуждают эфирное тело к сохранению физического тела. Этой помехи не было бы лишь в том случае, если б образы, которые могут дать эфирному телу надлежащие побуждения, человек мог доставлять своему астральному телу собственной деятельностью. Но именно эта помеха играет важную роль в человеческом бытии, а выражается она в том, что во время бодрствования прообразы для эфирного тела не действуют в полную свою силу. Во время бодрствования астральное тело совершает свою работу в пределах физического тела; во сне оно работает над ним извне*

---

* О природе утомления сравн. приложенные в конце книги «Частные вопросы из области тайноведения».

Как физическое тело нуждается, например, в средствах питания из внешнего мира, с которым оно однородно, так нечто подобное имеет место и для тела астрального. Представим себе физическое тело человека удаленным из окружающего его мира. Оно должно было бы погибнуть. Это показывает, что оно не может существовать без всего физического окружения. Действительно, вся Земля должна быть именно такой, какова она есть, чтобы на ней могли существовать физические человеческие тела. И, в сущности, все человеческое тело есть только часть Земли, в более широком смысле — даже часть всей физической вселенной. Оно относится к ней, как, например, палец руки ко всему человеческому телу. Отделите палец от руки, и он не сможет остаться пальцем. Он засохнет. То же самое произошло бы и с человеческим телом, если удалить его от того тела, членом которого оно является: от жизненных условий, которые ему доставляет Земля. Поднимите его на достаточное число миль над поверхностью Земли, и оно погибнет, как погибает палец, отрезаемый от руки. Если человек в применении к своему физическому телу менее замечает этот факт, нежели когда речь идет об отношении пальца к телу, то это основано главным образом на том, что палец не может разгуливать по телу, как человек по Земле, и что поэтому зависимость пальца больше бросается в глаза.

Как физическое тело включено в физический мир, к которому оно принадлежит, так и астральное тело принадлежит к своему миру. Но только бодрствование вырывает его из этого мира. То, что происходит при этом, можно уяснить себе с помощью сравнения. Представим себе сосуд с водой. Капля внутри всей этой водной массы не является чем-то обособленным. Но возьмем маленькую губку и дадим ей впитать в себя одну каплю из всей водной массы. Нечто в этом роде происходит и с астральным телом при пробуждении. Во время сна оно находится в подобном ему мире. Оно известным

образом принадлежит к нему. При пробуждении физическое тело и эфирное тело впитывают его в себя. Они наполняются им. Они содержат органы, посредством которых оно воспринимает внешний мир. Оно же, чтобы прийти к этому восприятию, должно выделиться из своего мира. Но только из этого своего мира может оно получить прообразы, необходимые ему для эфирного тела. Как физическому телу доставляются, например, средства питания из окружающей его среды, так астральное тело получает во время *состояния сна* образы из окружающего его мира. Оно тогда действительно живет вне физического и эфирного тела во вселенной, в той самой вселенной, из которой родился весь человек. В этой вселенной источник образов, благодаря которым человек получает свой облик. Он гармонически включен в эту вселенную. И во время бодрствования он выступает из этой всеобъемлющей гармонии, чтобы прийти к внешнему восприятию. Во время сна его астральное тело возвращается в эту гармонию вселенной. При пробуждении оно приносит из нее в свои тела столько силы, что на некоторое время может снова отказаться от пребывания в этой гармонии. Астральное тело возвращается во время сна в свою родину и при пробуждении приносит с собою в жизнь вновь укрепленные силы. Достояние, которое астральное тело приносит с собою при пробуждении, находит свое внешнее выражение в ощущении свежести, даруемом здоровым сном. Из дальнейшего изложения тайноведения будет видно, что эта родина астрального тела обширнее того окружающего физического мира, который в более тесном смысле относится к физическому телу. В то время, как человек, как физическое существо, есть член Земли, его астральное тело принадлежит мирам, в которые включены кроме нашей Земли и иные мировые тела. Таким образом, во время сна — что, как было сказано, может выясниться только из дальнейшего изложения — он вступает в мир, к которому принадлежат иные миры, чем наша Земля.

Кажется излишним указывать на легко могущее возникнуть недоразумение относительно этих фактов. Но это не будет лишним в наше время, когда существуют известные материалистические формы представления. Из той среды, где они господствуют, могут, конечно, сказать, что единственно научным было бы с точки зрения их физических условий исследовать такие вещи, как утомление. Если ученые и не пришли еще к согласию относительно физической причины утомления, несомненно все же одно: надо принять определенные физические процессы, лежащие в основе этого явления. Но когда же, наконец, признают, что тайноведение вовсе не находится в противоречии с этим утверждением? Оно допускает все, что говорится в этом направлении, как допускают, что для физического возникновения дома кирпичи кладутся рядами друг на друга и что, когда дом готов, его форма и взаимная связь частей могут быть объяснены чисто механическими законами. Но чтобы возник дом, необходима мысль строителя. Ее же не найти, если исследовать только физические законы. Как за физическими законами, которыми объясняется дом, стоят мысли его творца, так за тем, что вполне правильно приводит физическая наука, стоит то, о чем говорит тайноведение. Правда, это сравнение часто приводится, когда речь идет о доказательстве духовной основы мира. И его можно найти избитым. Но в таких вещах дело вовсе не в знакомстве с известными понятиями, а в том, чтобы при обосновании чего-либо им придан был надлежащий вес. Этому может помешать просто то обстоятельство, что противоположные представления имеют слишком большую власть над суждением и тем самым препятствуют надлежащим образом ощутить этот вес.

Промежуточное состояние между бодрствованием и сном есть состояние сновидения. Вдумчивому наблюдению сновидческие переживания представляются

пестрым, переменчивым миром образов, который таит в себе, однако, некоторую правильность и закономерность. Прилив и отлив образов, часто в беспорядочной смене — вот что вначале, по-видимому, являет этот мир. В своей сновидческой жизни человек освобожден от закона бодрствующего сознания, которое приковывает его к чувственному восприятию и к законам его способности суждения. И тем не менее сновидение содержит в себе нечто из таинственных законов, чарующих и привлекающих вещее чувство человека; они же бывают и более глубокой причиной того, что прекрасную игру фантазии, лежащую в основе художественного ощущения, люди охотно сравнивают со «сновидением». Достаточно только вспомнить некоторые характерные сновидения, чтобы найти подтверждение сказанному. Например, человеку снится, будто он отгоняет бросающуюся на него собаку. Он просыпается и ловит себя на том, что бессознательно сбрасывает с себя одеяло, которое непривычно, а потому обременительно легло на какую-нибудь часть тела. Что делает здесь сновидческая жизнь из чувственно воспринимаемого процесса? То, что было воспринято внешними чувствами в бодрственном состоянии, сон оставляет пока совершенно в области бессознательного. Но он удерживает нечто существенное, а именно тот факт, что человек хочет что-то *отстранить* от себя. И вокруг этого он ткет образное событие. Образы, как таковые, являются отзвуками бодрственной дневной жизни. В том, как они из нее заимствованы, есть нечто произвольное. У каждого есть ощущение, что при том же самом внешнем поводе сон мог бы породить и иные образы. Но ощущение, что человек должен что-то отстранить, они выражают символически. Сон творит символические образы; он символист. Внутренние процессы также могут превратиться в такие сновиденческие символы. Человеку снится, что около него трещит огонь. Он видит во сне пламя. Он просыпается и чувствует, что он слишком укрылся и ему стало жарко. Чувство слишком большого тепла символически выражается в образе. Во сне могут разыгрываться очень драматические переживания. Кому-нибудь снится, например, что он стоит над пропастью. Он видит, как к ней подбегает дитя. Сновидение заставляет его пережить все муки при мысли, как бы дитя по неосторожности не упало в пропасть. Он видит, как оно падает, и слышит внизу глухой удар тела. Он просыпается и видит, что предмет, висевший в комнате на стене, оторвался и при своем падении издал глухой звук. Этот простой процесс сновидческой жизни выражает в событии, которое разыгрывается в захватывающих образах. Пока нет никакой нужды вдаваться в размышления о том, каким образом в последнем примере мгновение глухого падения предмета распадается на ряд событий, продолжающихся, по-видимому, в течение известного времени. Заметим только, как сновидение превращает в *образ* то, что при бодрствовании являлось бы чувственным восприятием.

Отсюда видно, что как только внешние чувства прекращают свою деятельность, в человеке проявляется творческая сила. Эта та же творческая сила, которая имеется и во время глубокого, лишенного сновидения сна и которая являет там то душевное состояние, которое противоположно бодрственному состоянию души. Чтобы наступил такой сон без сновидений, астральное тело должно выделиться из эфирного и физического тела. Во время сновидения оно отделено от физического тела, поскольку не имеет никакой связи с его органами чувств; но с эфирным телом оно еще поддерживает некоторую связь. То, что процессы астрального тела могут быть восприняты в образах, происходит от этой его связи с эфирным телом. В то мгновение, когда прекращается и эта связь, образы погружаются в тьму бессознательности и наступает сон без сновидений. Произвольное же и часто нелепое в образах сновидений возникает оттого,

что астральное тело, вследствие своей отделенности от органов чувств физического тела, не может связать свои образы с соответствующими предметами и событиями внешней среды. Особенно ясно можно понять этот факт, рассматривая такое сновидение, в котором «Я» до некоторой степени расщепляется. Например, когда кому-нибудь снится, что он, будучи учеником, не может ответить на заданный ему учителем вопрос, между тем как учитель тотчас же вслед за вопросом сам отвечает на него. Так как тот, кому это снится, не может пользоваться органами восприятия своего физического тела, он не в состоянии отнести оба эти события к себе, как к одному и тому же человеку. Таким образом, чтобы познать себя как пребывающее «Я», человеку необходимы прежде всего внешние органы восприятия. Лишь в том случае, если бы человек приобрел способность сознавать свое «Я» иным путем, чем через такие органы восприятия, он мог бы воспринимать пребывающее «Я» также и вне своего физического тела. Таковую способность должно приобрести ясновидящее сознание, и в этой книге будет дальше речь о средствах, которые ведут к этому.

Смерть наступает также только благодаря изменению во взаимной связи между членами человеческого существа. То, что дает в этом отношении сверхчувственное наблюдение, также может быть зримо в своих действиях в видимом мире; непредвзятое суждение и здесь через наблюдение внешней жизни найдет подтверждение сообщений тайноведения. Но в этих фактах выражение невидимого в видимом менее явственно и здесь труднее вполне ощутить всю вескость подтверждений, черпаемых тайноведением в явлениях внешней жизни. Такие сообщения еще легче, чем многое другое, уже изложенное в этой книге, могут быть сочтены просто за продукт фантазии, особенно если отказаться от познания того, как в видимом повсюду имеется явное указание на сверхчувственное.

Если при переходе в сон астральное тело освобождается только от своей связи с эфирным и физическим телами, последние же остаются соединенными, — то со смертью наступает отделение физического тела от эфирного. Физическое тело остается предоставленным своим собственным силам и поэтому, как труп, должно распасться. Для эфирного же тела теперь со смертью наступает состояние, в котором оно никогда не находилось прежде в период между рождением и смертью, если не считать некоторых особенных состояний, о которых еще будет речь дальше. А именно, оно соединено теперь со своим астральным телом без участия физического тела. Ибо по наступлении смерти эфирное тело отделяется от астрального не сразу. Они сдерживаются некоторое время силой, существование которой вполне понятно. Ибо если бы ее не было, эфирное тело совсем не могло бы высвободиться из физического. Что оно связано с ним, показывает сон, при котором астральное тело не в состоянии порвать связь между этими двумя членами человека. Эта сила начинает действовать с наступлением смерти. Она высвобождает эфирное тело из физического, так что эфирное тело оказывается теперь соединено с астральным. Сверхчувственное наблюдение показывает, что связь эта после смерти для различных людей различна. Продолжительность ее измеряется днями. Об этом промежутке времени пусть будет здесь пока только упомянуто. Позднее астральное тело освобождается и от своего эфирного тела и идет своими путями дальше уже без него. Когда оба тела еще соединены, человек пребывает в таком состоянии, в котором может воспринимать переживания своего астрального тела. Пока у человека есть физическое тело, астральному тотчас же по выходе из него приходится начинать работу извне, чтобы освежить истощенные органы. По отделении физического тела эта работа отпадает. Но сила, которая тратится на нее, когда человек спит, остается и после смерти

и может быть потрачена на другое; она тратится теперь на то, чтобы сделать доступными восприятию процессы астрального тела.

Наблюдение, ограничивающееся явлениями, лежащими на поверхности, может, конечно, сказать: все это — утверждения, убедительные для одаренных сверхчувственным восприятием; для остальных же людей — по мнению таких противников — нет никакой возможности подойти вплотную к таким утверждениям и проверить их истинность. В действительности дело обстоит иначе. Все, что наблюдает сверхчувственное познание в этой удаленной от обычного восприятия области, может быть понято обычной способностью суждения, — *после того, как оно было найдено*. Эта способность суждения должна только занять правильную позицию по отношению к тем жизненным комплексам, которые имеют место в мире чувственного восприятия. Представление, чувство и воление находятся между собой и по отношению к переживаниям, которые человек имеет во внешнем мире, в такой взаимной связи, что они остаются непонятными, если род их явной деятельности не рассматривается как выражение деятельности, скрытой от чувственного восприятия. Эта явная деятельность становится доступной суждению только тогда, когда она, протекая в пределах физической деятельности человека, может рассматриваться как результат того, что установлено сверхчувственным познанием для нефизического бытия. Перед лицом этой деятельности и без помощи сверхчувственного познания человек находится как бы в темной комнате без света. Как человек начинает видеть физические предметы только при свете, так и то, что происходит в душевной жизни человека, становится понятным только при помощи сверхчувственного познания.

Во время связи человека с физическим телом внешний мир вступает в сознание в отображениях. После отделения этого тела становится доступным восприятию то, что переживает астральное тело, когда оно не связано с внешним миром при помощи физических органов чувств. Вначале у него нет новых переживаний. Связь с эфирным телом мешает ему пережить что-нибудь новое. Но зато оно обладает *воспоминанием* об истекшей жизни. И эфирное тело, которое еще существует, вызывает это воспоминание в виде обширной, исполненной жизни картины. Это первое переживание человека после смерти. Он воспринимает жизнь между рождением и смертью как расстилающийся перед ним ряд *образов*. Во время этой жизни, когда человек связан со своим физическим телом, воспоминание бывает только в бодрствующем состоянии. Оно имеется лишь постольку, поскольку это допускает физическое тело. Но для души не пропадает ничто из того, что производит на нее впечатление в жизни. Если бы физическое тело было для этого совершенным орудием, то можно было бы в каждое мгновение жизни вызвать перед душой все ее прошлое. Со смертью это препятствие исчезает. Пока у человека сохраняется эфирное тело, существует известное совершенство воспоминания. Но оно исчезает по мере того, как эфирное тело теряет форму, которую оно имело во время своего пребывания в физическом теле и которая похожа на физическое тело. Это является также причиной, почему астральное тело через некоторое время отделяется от эфирного тела. Оно может оставаться соединенным с ним только до тех пор, пока сохраняется его соответствующая физическому телу форма. В течение жизни между рождением и смертью отделение от эфирного тела происходит только в исключительных случаях и только на короткое время. Если, например, человек прищепит какой-нибудь из своих членов, то часть эфирного тела может выделиться из физического. Тогда о члене, с которым это произошло, говорят, что он «онемел». И то своеобразное чувство, которое при этом ощущается, происходит вследствие отделения эфирного тела. (Конечно,

материалистический образ представления может и здесь отрицать существование невидимого в видимом и сказать: все это происходит от физического нарушения, вызванного давлением). Сверхчувственное наблюдение может в подобном случае видеть, как соответствующая часть эфирного тела выступает из физического. Когда человек переживает необычный испуг или нечто подобное, то для значительной части тела может на очень короткое время наступить такое отделение эфирного тела. Это случается, когда человек видит себя по какой-нибудь причине неожиданно близким к смерти: когда он, например, тонет или когда ему в горах грозит падение в пропасть. Рассказы людей, имевших такое переживание, действительно близки к истине и могут быть подтверждены сверхчувственным наблюдением. Они передают, что в такие мгновения вся их жизнь вставала пред их душой как большая картина воспоминания. Из многих примеров, которые здесь можно было привести, укажем только на один, ибо он исходит от человека, для образа представления которого все, что говорится здесь о таких вещах, должно казаться пустой фантастикой. (Для вступившего на путь тайноведения бывает всегда очень полезно познакомиться с показаниями тех, кто почитает эту науку за фантастику. При таких показаниях не так легко упрекнуть наблюдателя в предвзятости. Пусть только тайноведы как можно больше учатся у тех, которые считают их стремления за бессмыслицу. Их не должно смущать, если они не встретят со стороны последних такого же интереса и к себе. Тайноведческое наблюдение само не нуждается, конечно, в таких вещах для *подтверждения* своих данных; этими указаниями оно хочет не доказать, а *пояснить*). Замечательный криминалист-антрополог и выдающийся во многих других областях естествознания исследователь Мориц Бенедикт рассказывает в своих воспоминаниях пережитый им самим случай, когда он однажды, купаясь, чуть не утонул и как в это мгновение вся жизнь его предстала ему в воспоминании словно в одной картине. Даже если другие и иначе описывают пережитые ими при подобных обстоятельствах картины, так, что они, по-видимому, имеют мало общего с событиями их прошлого, это не противоречит сказанному, ибо картины, возникающие при столь необычном состоянии отделения от физического тела, часто не так легко могут быть объяснены в их связи с жизнью. Но при правильном рассмотрении всегда можно найти эту связь. Не будет возражением и то, если, например, кто-нибудь, утопая, не имел описанного переживания. Необходимо принять в соображение, что оно может наступить *только* в том случае, когда эфирное тело действительно отделено от физического, но тем не менее остается в связи с астральным телом. Если же вследствие испуга ослабляется связь эфирного и астрального тел, то описанного переживания не бывает, ибо тогда наступает полная бессознательность, как во время сна без сновидений.

В первое время после смерти пережитое прошлое является объединенным в общей картине воспоминания. После отделения от эфирного тела астральное тело продолжает без него свое дальнейшее странствие. Нетрудно понять, что в астральном теле остается все то, что оно, благодаря собственной деятельности, сделало своим достоянием во время своего пребывания в физическом теле. «Я» до известной степени выработало Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека. Поскольку они оказываются развиты, они получают свое бытие не от тех органов, которые существуют в телах, а от «Я». Но это «Я» и есть именно та сущность, которая не нуждается для своего восприятия во внешних органах. Не нужны они ему и для того, чтобы по-прежнему владеть всем тем, что оно соединило с собой. Можно было бы возразить: почему же во время сна нет восприятия этого развитого Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека? Его нет по той причине, что «Я» между рождением и смертью приковано к физическому телу. Хотя во время сна оно и

находится с астральным телом вне физического тела, но все-таки остается тесно связанным с последним. Ибо деятельность его астрального тела направлена на физическое тело. Вследствие этого «Я» обращено в своем восприятии на внешний чувственный мир и не может поэтому получать откровений духовного в его непосредственном облике. Лишь со смертью наступает для «Я» такое откровение, ибо она освобождает его от связи с физическим и эфирным телами. В то мгновение, когда сознание выходит из физического мира, который при жизни приковывает к себе его деятельность, может для него вспыхнуть иной мир. Но есть причины, по которым связь с внешним чувственным миром и в это мгновение не прекращается для человека всецело. А именно, остаются некоторые вожеления, которые поддерживают эту связь. Это вожеления, порождаемые человеком как раз благодаря тому, что он создает свое «Я», как четвертый член своего существа. Вожеления и желания, вытекающие из существа трех низших тел, могут действовать только во внешнем мире; и когда эти тела отпадают, они прекращаются. Голод вызывается внешним телом; он умолкает, как только внешнее тело перестает быть связанным с «Я». Если бы «Я» не имело иных вожелений, кроме тех, что исходят из его собственной духовной сущности, оно могло бы с наступлением смерти почерпнуть полное удовлетворение из духовного мира, в который оно перешло. Но жизнь дала ему и иные вожеления. Она зажгла в нем жажду наслаждений, которые могут быть удовлетворены только с помощью физических органов, хотя сами вовсе и не вытекают из сущности самих этих органов. Не только три тела требуют своего удовлетворения через физический мир, но и само «Я» находит внутри этого мира наслаждения, для удовлетворения которых в духовном мире вообще не существует объекта. Для «Я» существуют в жизни двоякого рода желания. Такие, источник которых находится в телах и которые, следовательно, должны быть удовлетворены внутри тел, но зато и прекращаются с распадом их. Затем такие, которые вытекают из духовной природы «Я». Пока «Я» находится в телах, эти желания удовлетворяются также посредством телесных органов. Ибо в проявлениях органов тела действует скрытое духовное. И во всем, что воспринимают внешние чувства, они в то же время получают духовное. Это духовное, хотя и в иной форме, существует и после смерти. Все, чего жаждет «Я» от духовного внутри чувственного мира, оно сохраняет и тогда, когда внешних чувств уже нет. Если бы к этим двум видам желаний не присоединился еще третий, смерть означала бы только переход от вожелений, которые могут быть удовлетворены внешними чувствами, к таким, которые осуществляются в откровении духовного мира. Третий вид желаний — это те, которые «Я» порождает во время своей жизни в чувственном мире тем, что оно находит в нем наслаждение независимо от проявления в нем духовного. Самые низкие наслаждения могут быть откровениями духа. Удовлетворение, доставляемое голодному существу принятием пищи, есть откровение духа. Ибо через принятие пищи осуществляется то, без чего духовное в известном отношении не могло бы развиваться. Но «Я» может выйти за пределы того наслаждения, которое необходимо требуется этим фактом. Оно может стремиться к вкусной пище совершенно независимо от услуги, которая оказывается духу через принятие пищи. То же самое бывает и относительно других вещей чувственного мира. Благодаря этому зарождаются те желания, которые никогда не появились бы в чувственном мире, если бы в него не было включено человеческое «Я». Но такие желания не исходят из духовной сущности «Я». Пока «Я» живет в теле, оно *должно* иметь чувственные наслаждения, поскольку само оно духовно. Ибо в чувственном открывается дух. И «Я» приобщается духу, когда оно в чувственном мире отдается тому, что пронизано светом духа. Оно

останется приобщенным этому свету и тогда, когда чувственность уже не будет больше средою, через которую проходят лучи духа. Но в духовном мире не может быть осуществления таких желаний, в которых уже в чувственном не живет дух. С наступлением смерти для этих желаний отрезана возможность наслаждения. Наслаждение вкусной пищей может быть вызвано только тем, что имеются физические органы, которыми пользуются при принятии пищи: небо, язык и т. д. После отделения физического тела человек не имеет их больше. Если же «Я» еще испытывает потребность в таком наслаждении, то эта потребность останется неудовлетворенной. Поскольку это наслаждение соответствует духу, оно существует только до тех пор, пока имеются физические органы. Поскольку же «Я» породило его, не служа этим духу, после смерти оно остается в виде желания, которое тщетно жаждет удовлетворения.

О том, что происходит тогда в человеке, можно составить понятие, если представить себе, что кто-нибудь испытывает сильнейшую жажду в местности, где далеко вокруг нельзя найти воды. Так же бывает и с «Я», поскольку оно после смерти сохраняет неугасшие вожеления наслаждений внешнего мира и не имеет органов для их удовлетворения. Жгучую жажду, которая служит для сравнения с состоянием «Я» после смерти, следует, конечно, мыслить возросшей до бесконечности и представить себе распространенной на все имеющиеся еще вожеления, для которых отсутствует *всякая возможность* удовлетворения. Следующее состояние «Я» заключается в том, чтобы освободиться от этого притяжения, связывающего его с внешним миром. «Я» должно в этом отношении очиститься и освободиться. В нем должны быть уничтожены все желания, порожденные им внутри тела и не имеющие права на существование в духовном мире.

Как предмет охватывается огнем и сгорает, так распадается и разрушается после смерти описанный мир вожелений. Это открывает взору тот мир, который тайноведение обозначает как «пожирающий огонь духа». Этим «огнем» охватывается всякое вожеление чувственного рода, если это чувственное таково, что не является выражением духа. Такие представления об этих событиях, какие принуждено давать тайноведение, можно было бы найти безотрадными и страшными. Могло бы показаться ужасным, что надежда, для удовлетворения которой необходимы чувственные органы, должна после смерти превратиться в безнадежность; что желание, которое может удовлетворить только физический мир, должно превратиться в жгучее лишение. Но думать так можно лишь до тех пор, пока не поймешь, что все желания и вожеления, которые после смерти охватываются «пожирающим огнем», в высшем смысле представляют собой не благодетельные, а разрушительные силы жизни. Через эти силы «Я» устанавливает с чувственным миром более крепкую связь, чем это необходимо для восприятия из этого чувственного мира всего того, что ему надлежит воспринять. Чувственный мир есть откровение скрытого за ним духовного. «Я» никогда не могло приобщиться духу в той форме, в какой он может раскрываться только через телесные чувства, если бы оно отказалось пользоваться этими чувствами для своего приобщения духовному в чувственном. Но «Я» лишает себя истинной духовной действительности в мире, поскольку жаждет чего-нибудь от чувственного мира, когда при этом молчит духовное. Если чувственное наслаждение, как выражение духа, означает *возвышение* и развитие «Я», то наслаждение, не являющееся таким выражением, означает обеднение, оскудение «Я». Если такое вожеление и получает свое удовлетворение в чувственном мире, то его опустошающее действие на «Я» все-таки остается. Однако до самой смерти это разрушающее действие не бывает зримо для «Я». Поэтому при жизни

удовлетворение, следующее за таким вожделением, может породить новые подобные желания. И человек совсем не замечает, что он сам окутывает себя «пожирающим огнем». Только после смерти то, что окружает его уже и при жизни, становится видимым, и благодаря тому, что оно становится видимым, оно сказывается в то же время и в своем целительном, благотворном действии. Кто любит какого-нибудь человека, того ведь привлекает в нем не только то, что можно ощутить физическими органами. Но только о физическом можно сказать, что оно со смертью перестает быть доступным восприятию. В любимом человеке становится тогда видимым как раз то, для восприятия чего физические органы служили только средством. Единственно, что препятствует этой полной видимости, — существование такого вожделения, которое может быть удовлетворено только посредством физических органов. Но если бы это вожделение не было уничтожено, то сознательного восприятия любимого человека после смерти не могло бы наступить вовсе. С этой точки зрения представление о том страшном и безутешном, что могли бы нести для человека события после смерти, в описании тайноведения превращается в представление глубоко умиротворяющее и утешительное.

Ближайшие после смерти переживания еще в одном отношении совершенно отличаются от переживаний во время жизни. Во время очищения человек живет некоторым образом в обратном направлении. Он еще раз переживает все то, что испытал в жизни с момента рождения. Он начинает с событий, непосредственно предшествовавших смерти, и в обратном порядке еще раз переживает все вплоть до детства. И при этом перед его взором духовно проходит все, что во время жизни исходило не из духовной природы его «Я». Но и это все он переживает теперь в обратном виде. Человек, умерший, например, на 60-м году и причинивший на своем 40-м году кому-нибудь в порыве гнева физическую или душевную боль, еще раз переживает это событие, когда в своем обратном жизненном странствии после смерти доходит до своего сорокового года. Только он переживает уже не удовлетворение, которое он испытал при жизни благодаря этому поступку, а боль, которая была причинена им этому человеку. Но из вышесказанного можно в то же время увидеть, что только то ощущается в подобном событии после смерти мучительно, что родилось из вожделений «Я», корнящихся лишь во внешнем физическом мире. В действительности «Я» вредит не только другим, но и самому себе, удовлетворяя такие вожделения, только этот вред, наносимый самому себе, остается для него при жизни невидимым. После смерти весь этот мир губительных вожделений становится видимым для «Я». И к каждому существу, и к каждой вещи, в связи с которой загорелось такое вожделение, «Я» испытывает влечение уже для того, чтобы это вожделение, могло быть и уничтожено в «пожирающем огне» так же, как оно возникло. Лишь когда человек доходит до момента своего рождения, все подобные вожделения оказываются прошедшими через очистительный огонь; теперь ему ничто не препятствует вполне отдаться духовному миру и он вступает на новую ступень бытия. Как он оставил при смерти физическое, а вскоре затем и эфирное тело, так теперь распадается та часть астрального тела, которая может жить лишь в сознании внешнего физического мира. Таким образом, для тайноведения существуют три трупа: физический, эфирный и астральный. Мгновение, когда этот последний покидается человеком, определяется тем, что срок очищения составляет приблизительно треть того времени, которое прошло между рождением и смертью. Только позднее, когда ход человеческой жизни будет рассмотрен с точки зрения тайноведения, станет понятной причина, почему это так. Для сверхчувственного наблюдения в окружающем человека мире всегда видимы астральные трупы,

отброшенные людьми, которые из состояния очищения перешли в высшее бытие — совершенно так же, как и физическое восприятие там, где живут люди, имеет случай наблюдать физические трупы.

После очищения для «Я» наступает совершенно новое состояние сознания. Если до смерти к нему должны были притекать восприятия извне, чтобы на них мог упасть свет сознания, то теперь как бы изнутри изливается целый мир, доходящий до сознания. Между рождением и смертью «Я» также живет в этом мире, только этот мир облекается теперь уже в откровения внешних чувств. И только когда «Я», отрешившись от всякого чувственного восприятия, воспринимает себя в своем «самом внутреннем святой святых», обнаруживается непосредственно то, что обыкновенно является только под покровом чувственного. Как до смерти восприятие «Я» происходит внутри, так после смерти и очищения во всей своей полноте раскрывается изнутри духовный мир. В сущности, это откровение духовного мира наступает тотчас же по отложении эфирного тела, но только перед ним, как затемняющее облако, расстилается мир вожделений, еще обращенных на внешний мир. Это как если бы в блаженный мир духовного переживания вторгались черные демонические тени, возникающие из «огнем пожираемых» вожделений. Эти вожделения теперь не только тени, а действительные существа. Это обнаруживается сразу же, как только «Я» лишается физических органов и благодаря этому может воспринимать духовное. Эти существа являются тогда как искаженные образы и карикатуры того, что человеку было известно до тех пор через чувственное восприятие. Сверхчувственное наблюдение говорит, что этот мир очистительного огня населен существами, вид которых для духовного взора ужасен и причиняет страдание; их наслаждение состоит, по-видимому, в уничтожении, а страсть их направляется на зло, по сравнению с которым зло чувственного мира кажется незначительным. Все, что человек приносит с собою в этот мир из означенных вожделений, является для этих существ как бы пищей, благодаря которой заново усиливается и укрепляется их мощь. Набросанная здесь картина недоступного для внешних чувств мира покажется человеку менее невероятной, если он взглянет непредвзятым взором на какую-нибудь часть животного мира. Чем является духовному взору свирепо блуждающий волк? Что раскрывается в том, что воспринимают в нем внешние чувства? Не что иное, как душа, живущая и действующая в вожделениях. Внешний облик волка можно назвать воплощением этих вожделений. Не будь у человека никаких органов для восприятия этого облика, он все-таки должен был бы признать бытие соответствующего существа, — если бы невидимые вожделения этого существа сказывались в своих действиях и если бы повсюду блуждала невидимая для глаза сила, которая могла бы совершать все то, что совершает видимый волк. Правда, существа очистительного огня видимы не для чувственного, а только для сверхчувственного глаза; но мы имеем перед собой их явные действия: они состоят в разрушении «Я», когда оно дает им пищу. Эти действия становятся ясно видимыми, когда правомерное наслаждение возрастает до неумеренности и распутства. Ибо воспринимаемое внешними чувствами могло бы возбудить «Я», лишь поскольку наслаждение имеет основу свою в сущности «Я». Животное побуждается во внешнем мире к желанию только тем, чего жаждут его три тела. У человека есть более высокие наслаждения, ибо к трем телесным членам присоединяется еще четвертый — «Я». Но когда «Я» стремится к такому удовлетворению, которое служит не к сохранению и поддержанию, а к разрушению его сущности, то такое стремление не является действием ни его трех тел, ни его собственной природы, а только действием существ, которые остаются в своем подлинном облике скрытыми для внешних чувств, однако могут

именно подступать к высшей природе «Я» и побуждать его к вожделениям, не связанным с чувственностью, но только через нее могущим получать удовлетворение. Есть существа, которые питаются страстями и вожделениями более низкого свойства, нежели все животные страсти, ибо они не изживаются в чувственном, а захватывают духовное и тянут его вниз, в чувственную область. Поэтому облики таких существ представляются духовному взору более уродливыми и ужасными, чем облик самых хищных животных, в которых воплощаются ведь только страсти, имеющие основу в чувственном; и разрушительные силы этих существ безмерно превышают всю ярость разрушения, встречающуюся в чувственно воспринимаемом животном мире. Тайноведение расширяет, таким образом, кругозор человека, указывая на мир существ, который в известном отношении стоит ниже, чем видимый мир животных, приносящих разрушение.

Когда человек после смерти прошел через этот мир, он оказывается перед иным миром, духовным, который порождает в нем желание, находящее свое удовлетворение только в духовном. Но и теперь человек различает то, что принадлежит к *его* «Я» и то, что составляет окружающее — можно также сказать, духовный внешний мир — этого «Я». Но то, что он переживает в этом окружающем, притекает к нему таким же образом, как во время его пребывания в теле притекает к нему восприятие собственного «Я». Итак, если при жизни между рождением и смертью окружающий человека мир возвещает о себе через органы его тела, то по отложении всех этих тел язык нового мира проникает непосредственно в «самое внутреннее святилище» «Я». Все окружающее человека наполнено теперь существами, однородными с его «Я», ибо только «Я» имеет доступ к «Я». Как в чувственном мире человека окружают минералы, растения и животные, образующие этот мир, так после смерти человек окружен миром, состоящим из существ духовного рода. Однако человек приносит с собою в этот мир нечто такое, что не входит в состав окружающего его мира. Это то, что «Я» пережило в окружающем его мире. Вначале, непосредственно после смерти, пока эфирное тело было еще связано с «Я», сумма этих переживаний вставала в виде обширной картины воспоминания. Хотя само эфирное тело впоследствии и покидается, однако от картины воспоминания остается нечто — как непреходящее достояние «Я». Как если бы из всех переживаний и познаний, которые человек имел между рождением и смертью, был сделан экстракт, извлечение — вот чему можно уподобить то, что остается. Это духовный итог жизни, плод ее. Итог этот носит духовный характер: он содержит в себе все духовное, что раскрывается через внешние чувства. Но без жизни в чувственном мире он не мог бы состояться. Этот духовный плод чувственного мира «Я» ощущает после смерти как то, что является теперь его собственным, его внутренним миром и с чем оно вступает в мир, состоящий из существ, которые раскрываются таким образом, как может раскрываться самому себе в своей внутренней глубине только «Я». Как зародыш растения, который есть экстракт всего растения, развивается только будучи погруженным в иной мир — в землю, так развивается теперь то, что «Я» приносит с собой из чувственного мира, подобно зародышу, на который оказывает действие принявшее его отныне в себя духовное окружение. Тайноведение, когда ему приходится описывать происходящее в этой «стране духов» может давать, конечно, только образы. Но эти образы могут быть таковы, что они представляются настоящей действительностью сверхчувственному взору, когда он наблюдает соответствующие, невидимые чувственному глазу события. Описываемое здесь может быть сделано наглядным при помощи сравнений с чувственным миром. Ибо хотя оно и совершенно духовного рода, однако в известном

отношении имеет сходство с чувственным миром. Как в этом мире при воздействии того или иного предмета на глаз, является, например, цвет, так и в «стране духов» перед «Я» предстает цвет, когда на него действует какое-нибудь существо. Только цвет этот вызывается так, как в жизни между рождением и смертью может быть вызвано внутри только восприятие «Я». Это происходит не так, как если бы свет падал извне в человека, а так, как если бы другое существо непосредственно действовало на «Я» и побуждало его представить себе это действие в красочном образе. Так все существа в духовном окружении «Я» находят свое выражение в сияющем красками мире. Будучи другого происхождения, эти краски духовного мира носят, разумеется, несколько иной характер, чем чувственные краски. То же самое надо сказать и относительно других впечатлений, получаемых человеком из чувственного мира. Наибольшим сходством с впечатлениями этого чувственного мира обладают звуки духовного мира. И чем больше человек вживается в этот мир, тем больше он становится для него исполненной движения жизнью, которую можно сравнить со звуками и их гармонией в чувственной действительности. Только он чувствует звуки не как нечто, извне доходящее до его слуха, а как силу, через его «Я» струящуюся в мир. Он чувствует звук, как во внешнем мире чувствует свою собственную речь или пение, но только он знает, что в духовном мире эти льющиеся из него звуки суть в то же время проявления иных существ, изливающихся через него в мир. Еще более высокое проявление совершается в «стране духов», когда звук становится «духовным словом». Тогда через «Я» льется не только *исполненная движения* жизнь другого духовного существа, — такое существо само сообщает этому «Я» свою внутреннюю глубину. И когда через «Я» струится «духовное слово», то два существа живут одно в другом без того разделения, которое необходимо сопровождает каждое совместное бытие в чувственном мире. И совместное бытие «Я» с другими духовными существами после смерти действительно является таким.

Сверхчувственному сознанию открываются три области «страны духов», которые можно сравнить с тремя частями физического чувственного мира. Первая область составляет некоторым образом «материк» духовного мира, вторая — «область морей и рек» и третья — «атмосферу» (Luftkreis). То, что на Земле принимает физические формы и может быть воспринято физически органами, в своей духовной сущности воспринимается в первой области «страны духов». Там можно, например, познать силу, которая дает кристаллу его форму. Но открывающееся здесь является только как бы противоположностью того, что выступает в чувственном мире. Пространство, заполненное в чувственном мире каменной массой, представляется духовному взору как бы пустою полостью; но вокруг этой полости можно видеть силу, придающую камню его форму. Цвет, присущий камню в чувственном мире, представляется в духовном мире дополнительным цветом. Таким образом, красный камень при взгляде на него из страны духов будет зеленоватым, зеленый — красноватым и т. д. Также и другие качества являются в своей противоположности. Как камни, массы земли и т.п. образуют сушу — материк — чувственного мира, так описанные образования составляют сушу духовного мира. Все, что в чувственном мире является жизнью, составляет в духовном область моря. Чувственному взору жизнь является в своих действиях в растениях, животных и людях. Для духовного взора жизнь есть текучая сущность, которая подобно морям и рекам пронизывает страну духов. Еще лучше сравнить ее с кровообращением в теле. Ибо если моря и реки в чувственном мире распределены неправильно, то в распределении текучей жизни в стране духов господствует известная равномерность, как в кровообращении. Именно эта «текучая жизнь» и воспринимается в то же время как

духовное звучание. Третью область страны духов составляет его «атмосфера». Что в чувственном мире выступает как ощущение, то в области духа проникает все таким же образом, как на Земле воздух. Надо представить себе море текущих ощущений. Скорбь и страдание, радость и восторг проносятся в этой области подобно ветру и буре в воздушном круге чувственного мира. Представьте себе происходящую на Земле битву. Здесь стоят друг против друга не только видимые чувственные глазом фигуры людей, но также и чувства против чувств, страсти против страстей. Страдания заполняют поле битвы так же, как фигуры людей. Все страсти, все страдания, вся радость победы, какие живут на поле битвы — все это существует не только поскольку оно проявляется в чувственно воспринимаемых действиях, но и может быть видимо духовным чувством, как событие в атмосфере страны духов. В духовном мире такое событие — как гроза в физическом мире. И восприятие этих событий можно сравнить с восприятием слов в физическом мире. Поэтому говорят: как воздух окутывает и проникает земных существ, так «веющие духовные слова» — существ и события страны духов.

В этом духовном мире возможны еще и другие восприятия. Здесь есть также и то, что можно сравнить с теплотой и светом физического мира. Как теплота проникает земные вещи и существа, так в стране духов проникает мир мыслей. Только мысли надо представлять себе здесь как живые самостоятельные существа. Что человек постигает в видимом мире как мысли, это как бы тени того, что в стране духов живет как мыслесущества. Представьте себе мысль, как она бывает у человека, извлеченной из этого человека и одаренной, как деятельное существо, самостоятельной внутренней жизнью, и тогда вы получите слабое, образное выражение того, что наполняет четвертую область страны духов. То, что человек в своем физическом мире между рождением и смертью воспринимает как мысли, есть только откровение мира мыслей, как оно может произойти через органы тела. Но все те мысли человека, которые означают *обогащение* в физическом мире, берут начало в этой области. При упоминании о таких мыслях не следует иметь в виду одни только идеи великих изобретателей или гениальных личностей, но у каждого человека можно наблюдать, как ему «приходят в голову мысли», которыми он не только бывает обязан внешнему миру, но и преображает этот внешний мир. Поскольку дело касается чувств и страстей, побуждение к которым находится во внешнем мире, постольку эти чувства и т. д. могут быть восприняты в третьей области страны духов. Но все, что живет в человеческой душе таким образом, что человек становится творцом и действует преображающе и оплодотворяюще на окружающий его мир — все это в своем подлинном, сущностном облике раскрывается в четвертой области духовного мира. То, что находится в пятой области, можно сравнить с физическим *светом*. Он в своем подлинном облике — проявляющаяся *мудрость*. Существа, изливающие мудрость в свое окружение, как Солнце проливает свет на физические существа, принадлежат к этой области. То, на что падает свет этой мудрости, является в своем истинном смысле и значении для духовного мира, подобно тому, как и физическое существо являет свой цвет, когда оно освещается светом. Есть еще более высокие области страны духов. Их описание будет дано в этой книге дальше.

После смерти «Я» погружается в этот мир вместе с тем итогом, который оно приносит с собой из чувственной жизни. И этот итог еще соединен с той частью астрального тела, которая не была сброшена в конце очистительного периода. Отпадает ведь только та часть, которая после смерти своими вожделениями и желаниями была обращена к физической жизни. Погружение «Я» со всем тем, что оно приобрело из чувственного мира в мир духовный, можно сравнить с погружением семени в пригодную

для него землю. Как это семя притягивает к себе из своего окружения вещества и силы, чтобы развиться в новое растение, так развитие и рост составляет сущность «Я», погруженного в духовный мир. В том, что воспринимает какой-нибудь орган, скрыта также и сила, которая образует самый этот орган. Глаз воспринимает свет. Но без света не было бы глаза. Существа, проводящие свою жизнь в темноте, не вырабатывают в себе органа зрения. Таким образом, весь телесный человек сотворен скрытыми силами того, что воспринимается посредством органов тел. Физическое тело построено силами физического мира, эфирное тело — силами жизненного мира, а астральное тело сложилось из астрального мира. Когда «Я» переходит в страну духов, перед ним выступают те силы, которые остаются скрытыми для физического восприятия. То, что видимо в первой области страны духов, есть духовные существа, которые всегда окружают человека и которые построили также и его физическое тело. Таким образом, в физическом мире человек воспринимает не что иное, как откровение тех духовных сил, которые образовали его физическое тело. После смерти он находится среди самих этих творческих сил, являющихся ему теперь в своем подлинном, сокрытом прежде облике. Точно так же во второй области он находится среди сил, из которых состоит его эфирное тело; в третьей области к нему притекают силы, из которых сложилось его астральное тело. Также и более высокие области страны духов посылают ему теперь то, из чего он был построен во время жизни между рождением и смертью.

Эти существа духовного мира действуют отныне совместно с тем, что человек принес с собою как плод из прошлой жизни и что теперь становится зачатком. Через эту совместную деятельность человек и создается сначала вновь как духовное существо. Во время сна остаются физическое и эфирное тела. Астральное тело и «Я» хотя и находятся вне их, но еще связаны с ними. Влияния, которые они получают в таком состоянии из духовного мира, могут служить только для восстановления истощенных во время бодрствования сил. Но когда отброшены физическое и эфирное тело, а после очистительного периода также и части астрального тела, которые своими вожелениями были еще связаны с физическим миром, то все, что притекает к «Я» из духовного мира, служит не только для исправления, но и для нового созидания. И спустя известное время, о котором будет речь дальше в этой книге, вокруг «Я» слагается астральное тело, которое снова может жить в таком эфирном и физическом теле, какие присущи человеку между рождением и смертью. Человек может снова пройти через рождение и появиться в новом земном бытии, включившем в себя плод прежней жизни. До нового образования астрального тела человек является свидетелем своего воссоздания. Так как силы страны духов раскрываются ему не через внешние органы, а изнутри, как раскрывается «Я» в самосознании, то он может воспринимать это откровение до тех пор, пока его чувства еще не обращены на внешний мир восприятий. С того мгновения, как астральное тело снова образовано, эти чувства обращаются на внешнее. Астральное тело требует теперь опять внешних эфирного и физического тел. Тем самым оно отвращается от откровений внутреннего мира. Поэтому теперь наступает промежуточное состояние, когда человек погружается в бессознательность. Сознание может появиться снова лишь в физическом мире, когда образовались необходимые для физического восприятия органы. В это время, когда прекращается освещенное внутренним восприятием сознание, новое эфирное тело начинает присоединяться к астральному телу, и тогда человек может опять войти в физическое тело. В этих двух процессах присоединения может сознательно участвовать только такое «Я», которое породило из себя силы, скрыто действующие в эфирном и физическом теле, — Жизнедуха и Духочеловека. Пока человек еще не

настолько развит, присоединением этим должны руководить существа, которые в своем развитии ушли дальше, чем он сам. Такие существа направляют астральное тело к чете родителей, чтобы оно могло быть наделено соответствующим эфирным и физическим телом. — Прежде чем совершится присоединение эфирного тела, происходит нечто необычайно важное для вновь вступающего в физическое бытие человека. Он создал ведь в своей прошлой жизни задерживающие силы, которые проявились при его обратном странствии после смерти. Возьмем опять приведенный раньше пример. Предположим, что человек в порыве гнева на сороковом году своей прошлой жизни причинил кому-нибудь страдание. После смерти это страдание другого предстало перед ним как сила, задерживающая развитие его собственного «Я». И так происходит со всеми подобными событиями прошлой жизни. При новом вступлении в физическую жизнь перед «Я» опять стоят эти препятствия к развитию. Как с наступлением смерти перед человеческим «Я» вставала своего рода картина воспоминаний, так теперь возникает прозрение в наступающую жизнь. Опять видит человек подобную картину, показывающую ему теперь все препятствия, которые он должен устранить, чтобы его развитие могло идти дальше. И то, что он таким образом видит, становится исходною точкою для сил, которые человек должен взять с собою в новую жизнь. Картина страдания, причиненного им другому, становится силою, которая побуждает «Я» при его новом вступлении в жизнь искупить это страдание. Так прошлая жизнь действует определяющим образом на новую. Поступки, совершаемые в этой новой жизни, обусловлены в некотором роде поступками прошлой жизни. Эту закономерную связь прежнего бытия с последующим надо рассматривать как *закон судьбы*. Принято обозначать его заимствованным из восточной мудрости выражением «Карма».

Созидание нового телесного состава не является, однако, единственной деятельностью, которую надлежит человеку выполнить между смертью и новым рождением. Пока происходит это созидание, человек живет вне физического мира. Но тем временем этот мир движется в своем развитии дальше. В течение сравнительно коротких промежутков времени Земля меняет свое лицо. Какой вид имели несколько тысячелетий тому назад области, которые заняты теперь Германией? Когда человек появляется на Земле для нового существования, она обычно никогда не имеет того вида, какой она имела во время его последней жизни. За время его отсутствия на Земле очень многое изменилось. В этом изменении лица Земли тоже действуют скрытые силы. Они действуют из того же мира, в котором человек находится после смерти. И он сам принужден участвовать в этом преобразовании Земли. Но пока он через рождение в себе Жизнедуха и Духочеловека не приобрел ясного сознания о связи между духовным и его выражением в физическом, до тех пор участие это может протекать только под руководством высших существ. Он участвует в этом превращении земных условий. Можно сказать, что в промежуток времени между смертью и новым рождением люди так преобразуют Землю, что условия жизни на ней соответствуют тому, что развилось в них самих. Если мы в определенный момент наблюдаем какую-нибудь местность на Земле и затем по истечении долгого времени находим ее в совершенно измененном состоянии, то силы, вызвавшие это изменение, исходят от умерших. Таким образом, они находятся и между смертью и новым рождением в связи с Землей. Сверхчувственное наблюдение видит во всем физическом бытии откровение скрытого духовного. Для физического наблюдения изменение Земли обуславливается действием солнечного света, переменою климата и т. д. Для сверхчувственного наблюдения в луче света, падающего с Солнца на растение, действует сила умерших. Это наблюдение того, как человеческие души витают

над растениями, как они изменяют почву Земли и т.п. После смерти человек занят не только самим собой, не одной только подготовкой к своему новому земному существованию. Нет, он бывает призван тогда к духовной работе над внешним миром, как во время жизни между рождением и смертью он призван к работе физической.

Но не только жизнь человека из страны духов действует на условия физического мира, а также и обратно — деятельность в физическом существовании имеет свои последствия в духовном мире. Можно наглядно показать на примере, что происходит в этом отношении. Существует связь любви между матерью и ребенком. Эта любовь проистекает из притяжения между обоими, которое коренится в силах чувственного мира. Но она меняется с течением времени. Чувственные узы становятся все более духовными. И эти духовные узы завязываются не только для физического мира, но также и для страны духов. То же самое касается и других отношений. То, что создается духовными существами в физическом мире, продолжает существовать и в мире духовном. Друзья, тесно связанные между собою в жизни, остаются вместе и в стране духов и по отложении тел общение их становится еще более тесным, чем в физической жизни. Ибо как духи они существуют друг для друга так, как было сказано выше при описании того, как духовные существа открываются друг другу внутренним образом. И узы, заключенные между двумя людьми, приводят их к встрече и в новой жизни. Поэтому в истинном смысле можно сказать, что люди находят друг друга после смерти.

То, что произошло однажды с человеком между рождением и смертью и между смертью и новым рождением, повторяется снова. Человек опять возвращается на Землю, когда плод, приобретенный им в физической жизни, созрел в стране духов. Но это не есть повторение без начала и конца; напротив, человек некогда из иных форм существования перешел к формам, которые протекают вышеописанным образом, и в будущем перейдет опять-таки к другим. Эти переходные ступени прояснятся больше, когда в духе тайноведения будет описано дальше развитие вселенной в связи с человеком.

Процессы между смертью и новым рождением, конечно, еще более скрыты для внешнего чувственного наблюдения, нежели то, что лежит, как духовное, в основе видимого бытия между рождением и смертью. Что касается этой части скрытого мира, то чувственное наблюдение может видеть действия его только там, где они вступают в физическое бытие. Для чувственного наблюдения должен возникнуть вопрос: вступая через рождение в бытие, приносит ли с собой человек что-нибудь из того, что описывается тайноведением как процессы между предыдущей смертью и рождением? Всякий, найдя раковину улитки, в которой нет животного, признает, конечно, что эта раковина создана деятельностью животного, и не станет думать, будто она приняла свою форму благодаря одним только физическим силам. Точно так же всякий, кто наблюдает человека в жизни и видит что-нибудь такое, что не может происходить из этой жизни, может разумно допустить, что оно происходит из областей, описываемых тайноведением; особенно если таким образом проливается свет на то, что иначе было бы необъяснимо. Так что и здесь чувственно-рассудочному наблюдению могли бы из видимых действий стать понятны невидимые причины. И кто совершенно непредвзято рассматривает эту жизнь, тот с каждым новым наблюдением все более будет убеждаться, что это так. Дело только в том, чтобы найти правильную точку зрения для наблюдения этих действий в жизни. В чем сказываются, например, действия того, что тайноведение описывает как события времени очищения? Как проявляется действие того, что по

показаниям духовного исследования человек переживает после времени очищения в чисто духовной области?

Немало загадок встает здесь перед каждым, кто серьезно и глубоко наблюдает жизнь. Мы видим, как один рождается среди нужды и горя, наделенный лишь ничтожными способностями, так что он этими фактами, определяемыми самим рождением, является как бы предназначенным к жалкому существованию. Другого же с первого мгновения его жизни оберегают и лелеют заботливые руки и сердца; у него развиваются блестящие способности; у него все данные для плодотворной, дающей удовлетворение жизни. Два противоположных образа мышления можно встретить по поводу этого вопроса. Один из них будет придерживаться того, что могут воспринимать внешние чувства и что может понять связанный с этими чувствами рассудок. И что один человек рождается для счастья, а другой для несчастья, — для подобного образа мышления это не составляет вопроса. Если он даже не употребит слова «случай», то все-таки никогда не признает закономерной связи, которая это обуславливает. А что касается задатков и способностей, то такой образ представления ограничится тем, что «унаследовано» от родителей, дедов и других предков. Он откажется искать причины в духовных событиях, через которые человек прошел до своего рождения — вне линии наследственности своих предков — и благодаря которым выработал в себе свои задатки и способности. Другой же образ мышления не удовлетворится таким пониманием вещей. Он скажет: ведь и в видимом мире в любом месте или в любой среде не происходит ничего без причин, которые приходится предположить, чтобы объяснить, почему это так. Пусть даже человек во многих случаях не исследовал еще этих причин, но они существуют. Горный цветок не растет, в долине. В его природе заложено нечто, что приводит его в горную местность. Точно так же и в человеке должно существовать нечто такое, что заставляет его родиться в известной среде. Причинами, лежащими только в физическом мире, этого объяснить нельзя. Для того, кто мыслит глубже, это то же самое, как если бы факт нанесения одним человеком другому удара захотели бы объяснить не чувствами ударившего, а физическим механизмом его руки. Точно так же этот образ мышления должен остаться неудовлетворенным и всеми попытками объяснить задатки и способности одною только «наследственностью». Правда, о ней можно сказать: посмотрите, как известные задатки наследуются в семьях. В течение двух с половиной столетий членами семейства *Бах* наследовались музыкальные способности. Из семейства *Бернулли* вышло восемь математиков, которые в детстве были частью предназначены к совершенно другим занятиям. Но «унаследованные» способности всегда влекли их к особому призванию их семьи. Далее можно сослаться на то, как путем точного исследования ряда предков какого-нибудь лица можно показать, что дарование этого лица так или иначе проявлялось у его предков и что оно представляет собою как бы только сумму унаследованных задатков. Кто придерживается означенного второго образа мышления, не оставит, конечно, без внимания подобные факты, но для него они не могут быть тем, чем они являются для того, кто в своих объяснениях хочет опираться только на протекающие в чувственном мире процессы. Он укажет на то, что унаследованные задатки не могут сами собою сложиться в цельную личность, как металлические части часов не могут сами собою составить часов. Если же ему возразят, что сочетание задатков создается обоими родителями вместе и что это как бы заменяет часовщика, то он ответит: взгляните без предвзятости на то совершенно новое, что дано в каждой личности ребенка; оно не может происходить от родителей уже просто потому, что в них его нет.

Неотчетливость мышления может создать в этой области большую путаницу. Хуже всего, когда представители первого образа мышления объявляют представителей второго противниками того, что опирается на «точные факты». Но последним, может быть, вовсе не приходит в голову отрицать истинность или ценность этих фактов. Они, например, вполне признают, что определенная духовная способность и даже духовное направление «наследуется» в семействе и что известные задатки, соединенные и скомбинированные в потомке, создают значительную личность. Они охотно согласятся, если им сказать, что наиболее значительное имя стоит обычно не в начале, а в конце ряда кровного родства. Но не следует ставить им в упрек, если они на основании этого с необходимостью приходят к совершенно другим выводам, чем лица, которые не хотят идти дальше чувственно фактического. Последним можно ответить: конечно, человек являет черты своих предков, ибо та духовно-душевная сущность, которая вступает через рождение в физическое бытие, заимствует свою телесность у того, что дает ему наследственность. Но этим сказано только то, что существо несет на себе особенности той среды, в которую оно погрузилось. Это будет несомненно странным — тривиальным — сравнением, но непредвзятый читатель не откажет ему в обоснованности, если сказать: тот факт, что человеческое существо является облеченным в качества своих предков, так же мало объясняет происхождение личных свойств этого существа, как ничего не говорит о внутренней природе человека, упавшего в воду, то, что он стал мокрым. И далее можно сказать: если наиболее значительное имя стоит в конце рода, то это показывает, что носитель этого имени нуждался в этом роде, чтобы образовать себе тело, необходимое для выявления всей своей личности; но это совершенно не доказывает «унаследования» личного, как такового. Для здравой логики этот факт доказывает даже совсем противоположное. А именно: если бы личные дарования наследовались, то они должны были бы стоять в начале рода и затем, исходя отсюда, передаваться по наследству потомкам. Но так как они стоят в конце, то это является прямым доказательством, что они *не* передаются по наследству.

Однако нельзя отрицать, что не меньше путаницы вносят и те, которые говорят о духовной причинности в жизни. Они часто высказываются в слишком общих и неопределенных чертах. Когда говорят, что из унаследованных черт слагается личность человека, то это вполне можно сравнить с утверждением, будто металлические части часов не могут сами соединиться таким образом, чтобы через это соединение стрелки двигались вперед; значит, должно существовать нечто духовное, вызывающее это движение. На гораздо более верной, по сравнению с таким утверждением, почве стоит, конечно, тот, кто говорит: мне нет никакого дела до «мистических» существ,двигающих вперед; я хочу узнать механические соотношения, вызывающие движение стрелок. Дело вовсе не в том, чтобы только знать, что за всем механическим, например, за часами, стоит духовное (часовщик); и то единственное, что важно узнать — это мысли, которые в уме часовщика *предшествовали* изготовлению часов. Эти мысли можно снова найти в механизме.

Всякое пустое мечтание и фантазирование о сверхчувственном только вносит путаницу, ибо оно неспособно удовлетворить противников. И они бывают правы, говоря, что такое общее указание на сверхчувственных существ несколько не способствует пониманию фактов. Разумеется, такие противники могут сказать то же самое и относительно вполне *определенных* указаний духовной науки. Но тогда можно указать им на то, как в видимой жизни обнаруживаются действия скрытых духовных причин. Можно сказать: предположим, что это так, что существует то, что духовное

исследование считает установленным путем наблюдения, а именно, что человек после смерти прошел через период очищения и узнал тогда в душевном *переживании*, каким препятствием для дальнейшего развития является известный поступок, совершенный им в предыдущей жизни, В то время как он это переживал, в нем сложилось стремление исправить последствия этого поступка. Это стремление он приносит с собою в новую жизнь. И наличие этого стремления создает ту черту в его существе, которая приводит его на такое место, с которого он может начать исправление своего поступка. Если обратить внимание на совокупность таких побуждений, то можно найти причину рождения человека в той или иной среде, сообразной его судьбе. То же самое касается и другого предположения. Допустим снова правильность сообщаемого духовной наукой, признаем, что плоды истекшей жизни включаются в духовный зародыш человека и что страна духов, в которой он находится между смертью и новой жизнью, есть та область, в которой зреют эти плоды, чтобы, превратившись в задатки и способности, появиться затем в новой жизни и так сложить личность, что она явится результатом всего, что было приобретено в прошлой жизни. Кто сделает эти предположения и на основании их будет непредвзято наблюдать жизнь, тот увидит, что благодаря им все чувственно-фактическое может быть признано во всей своей полноте и истине, но в то же время ему станет понятным и все то, что неизбежно остается непонятным человеку с направленным на духовный мир образом мышления, если он стоит на одних только чувственных фактах. А главное, исчезает всякая нелогичность вроде той, какая была указана раньше: так как наиболее крупное имя стоит в конце рода, то, значит, и носитель его должен был унаследовать свое дарование от предков. Жизнь становится логически понятной благодаря добытым духовной наукой сверхчувственным фактам.

Добросовестный искатель истины, который без личного опыта в сверхчувственном мире захочет разобраться в фактах, сможет привести еще одно веское возражение. А именно, можно сказать, что недопустимо принимать существование каких-нибудь фактов на том только основании, что таким путем можно объяснить себе многое, остающееся иначе необъяснимым. Такое возражение не имеет, конечно, никакого значения для того, кто на основании сверхчувственного опыта знаком с соответствующими фактами. Далее в этой книге будет указан путь, могущий привести к знакомству не только с духовными фактами, которые здесь будут описаны, но и с законом духовной причинности в качестве собственного духовного переживания. Но для всякого, кто не захочет вступить на этот путь, вышеприведенное возражение может иметь известное значение. И ответ, который можно на него дать, будет ценным также и для того, кто решил сам идти указанным путем. Ибо при правильном понимании это будет даже *лучшим* первым шагом, какой может быть сделан на этом пути. Это всецело истинно: нельзя принимать какой-нибудь вещи, с существованием которой мы ничего не знаем, только потому, что этим путем можно объяснить себе что-нибудь, иначе остающееся необъяснимым. Но относительно приведенных духовных фактов дело обстоит все-таки иначе. Признание их имеет не только то интеллектуальное последствие, что благодаря им жизнь становится понятной, — через принятие в наши мысли этих предпосылок мы переживаем еще нечто совершенно иное. Представим себе следующий случай: с кем-нибудь происходит нечто такое, что вызывает в нем неприятные ощущения. Он может отнестись к этому двояко: пережить этот случай как что-то для него неприятное и отдаться неприятному ощущению, может быть, даже сильно огорчиться, но он может отнестись к этому и иначе. Он может сказать: в сущности, я сам в прошлой жизни создал в себе силу, которая привела меня к этому случаю; в

действительности я сам причинил себе это. И он может пробудить в себе все ощущения, которые могут проистекать из подобной мысли. Разумеется, чтобы эта мысль получила такое значение для жизни ощущений и чувств, необходимо пережить ее с самой глубокой серьезностью и величайшей силой. Кому это удастся, тот приобретет новый опыт, который лучше всего можно пояснить сравнением. Предположим, что два человека имеют перед собой сургуч. Один из них будет интеллектуально размышлять о «внутренней природе» сургуча. Эти размышления могут быть очень умными. Но если эта «внутренняя природа» ничем не проявляется, то ему могут спокойно возразить: это пустые фантазии. Другой же натрет сургуч сукном и затем покажет, что сургуч притягивает мелкие тела. Между мыслями, прошедшими в голове первого человека и побудившими его к размышлению, и мыслями второго существует значительная разница. Мысли первого не имеют никаких фактических последствий. Мысли же второго извлекли из скрытого состояния некоторую силу, т. е. нечто фактическое. Так же обстоит дело и с мыслями человека, представляющего себе, что он прежней жизнью сам породил в себе силу, которая приводит его к встрече с определенным событием. Уже одно это представление пробуждает в нем действенную силу, благодаря которой он может встретить это событие совсем иначе, чем если бы у него не было этого представления. Вследствие этого ему становится ясной необходимость и существенность этого события, которое иначе он мог бы счесть за простой случай. И он непосредственно убеждается: у меня была правильная мысль, ибо она обладала силою вскрыть для меня этот факт. Если повторять подобные внутренние процессы, то они станут средством постоянного притока внутренних сил и таким образом своей плодотворностью докажут свою правильность. И мало-помалу эта правильность начнет сказываться с достаточной силой. В духовном, душевном, а также и в физическом отношении такие процессы действуют оздоравливающим, благотворным образом на жизнь. Человек замечает, что он становится благодаря этому в правильное отношение к жизни, между тем как, признавая единственно только жизнь между рождением и смертью, он отдается во власть призрачного. Через такое знание человек становится душевно сильнее. Конечно, такое чисто внутреннее доказательство духовной причинности каждый может получить только сам в своей внутренней жизни. Но получить это может каждый. Кто не приобрел его, тот, конечно, не может судить о его доказывающей силе. Но кто приобрел его, тот уже едва ли может сомневаться. Не нужно, однако, удивляться, что это так. Ибо то, что так всецело связано с самой внутренней сущностью человека, с его личностью, может быть достаточно доказано, конечно, лишь в самом внутреннем переживании. Против этого нельзя, конечно, возразить, что такой вопрос, отвечающий самому внутреннему переживанию, каждый человек должен разрешить в себе сам и что он не может быть предметом духовной науки. Разумеется, каждый должен сам пройти через это переживание, подобно тому, как каждый должен сам понять доказательство математических положений. Но путь, которым это переживание может быть достигнуто, действителен для всех людей, как действителен для всех метод доказательства математических положений.

Нельзя отрицать, что — не считая, конечно, сверхчувственных наблюдений — только что приведенное доказательство, опирающееся на могущество соответственных мыслей, порождающих душевные силы, является единственным доказательством, способным устоять перед судом всякой непредвзятой логики. Все другие доводы, конечно, очень вески, но во всех них будет что-нибудь такое, что может дать повод для нападок противника. Но кто усвоил себе достаточно непредвзятое воззрение, тот уже в

возможности и в самом факте воспитания человека увидит нечто, доказывающее с логической силой, что в телесной оболочке стремится к бытию духовное существо. Он сравнит животное с человеком и скажет себе: у первого с рождением выступают характерные для него качества и способности — как нечто определенное и законченное, по которому ясно видно, как оно предначертано наследственностью и разовьется во внешнем мире. Взгляните, как цыпленок уже с рождения определенным образом совершает жизненные отправления. В человеке же через воспитание вступает в отношение к его внутренней жизни нечто такое, что может и не иметь никакой связи с его наследственностью. И он может быть в состоянии усвоить себе действия таких внешних влияний. Всякий воспитатель знает, что навстречу таким влияниям должны подниматься силы изнутри человека; если этого нет, то обучение и воспитание теряют всякое значение. Для непредвзятого воспитателя даже очень резко обозначается граница между унаследованными задатками и теми внутренними силами человека, которые просвечивают сквозь эти задатки и которые проистекают из прежних жизней. Конечно, для подобных вещей невозможно привести таких «веских» доказательств, какие приводятся для известных физических явлений при помощи весов. Но зато эти вещи и составляют интимную сторону жизни. И кто это чувствует, для того доказательны и эти неосязаемые доводы; и даже более доказательны, чем осязаемая действительность. Тот факт, что можно дрессировать животных, т. е. что они до некоторой степени через воспитание приобретают известные качества и способности, не может служить возражением для того, кто умеет смотреть на сущность вещей. Ибо не говоря о том, что в мире повсюду встречаются переходы, результаты дрессировки у животного отнюдь не сливаются так с его личным существом, как это бывает у человека. Указывают даже, что способности, которые прививаются домашним животным при совместной жизни с человеком, передаются наследственно, т. е. действуют тотчас же, как родовые, а не личные. Дарвин описывает, как собаки приносят поноску без всякого обучения и никогда не видел этого раньше. Можно ли сказать то же самое относительно человеческого воспитания?

Существуют, однако, мыслители, которые на основании своих наблюдений отказались от взгляда, будто человек создается извне при помощи одних только унаследованных сил. Они возвысились до мысли, что духовная сущность, индивидуальность, предшествует телесному бытию и сама слагает его. Но многие из них все-таки не могут понять, что земная жизнь повторяется и что в промежуточном между двумя жизнями бытия плоды прошлой жизни являются силами, участвующими в созидании новой. Приведем одного из таких мыслителей. Иммануил Герман Фихте, сын великого Фихте, излагает в своей «Антропологии» наблюдения, которые приводят его (на стр. 528) к следующему общему выводу: «Родители не являются таковыми в полном смысле. Они дают органическое вещество, и не только его, но одновременно и то среднее, чувственно-душевное, что проявляется в темпераменте, в своеобразной душевной окраске, в определенном складе наклонностей и т.п., и общим источником чего является «фантазия» в том более обширном, указанном нами смысле. Во всех этих элементах личности примесь и своеобразное участие душ родителей несомненны. Поэтому есть полное основание считать личность за чистый продукт акта порождения, если к тому же понимать этот акт — на что мы должны были решиться — как действительный душевный процесс. Но подлинного, заключительного средоточия личности здесь как раз еще нет; ибо при более глубоком наблюдении оказывается, что и эти душевные особенности суть только оболочка и *род орудия* для вмещения в себя

подлинно духовных, идеальных задатков человека; они способны содействовать или препятствовать их развитию, но отнюдь не способны породить их. И далее там говорится: «Каждый предсуществует в своем духовном основном образе, ибо с духовной точки зрения ни один индивидуум не похож на другого, как ни один вид животных не похож на остальные» (стр. 532). Эти мысли ограничиваются тем, что вводят в физическую телесность человека духовную сущность. Но так как ее образующие силы не объясняются причинно из прежних жизней, то при каждом возникновении личности такая духовная сущность должна была бы снова происходить из божественной первоосновы. Но при этой предпосылке не было бы возможности объяснить сродство, существующее между задатками, стремящимися выявиться из внутренней глубины человека, и тем, что в течение жизни доходит до этой внутренней глубины человека из внешней земной среды. Внутренней глубине человека, которая для каждого отдельного человека исходила бы из божественной первоосновы, должно бы быть совершенно чуждым то, с чем она соприкасается в земной жизни. Это не имеет места только в том случае — как оно и есть в действительности: если эта внутренняя глубина человека была уже раньше связана с внешним миром, если она живет в нем не в первый раз. Непредвзятый воспитатель может ясно заметить: из результатов земной жизни я сообщаю моему воспитаннику нечто, что хотя и чуждо его качествам, полученным им только по наследству, но все-таки ощущается им так, как будто он уже участвовал в этой работе, породившей эти результаты. Только повторные земные жизни в связи с изложенными духовной наукой фактами, происходящими в духовной области между двумя земными жизнями, — только это может дать удовлетворительное объяснение жизни современного человечества, освещаемой со всех сторон. Здесь определенно говорится: «современного человечества». Ибо духовное исследование показывает, что некогда на самом деле начался кругооборот земных жизней и что для вступающей в телесную оболочку духовной сущности человека существовали тогда иные условия, чем теперь. В следующих главах будет говориться об этом состоянии человеческого существа в первобытные времена. Когда таким образом на основании данных духовной науки будет показано, как это человеческое существо получило свой теперешний облик в связи с развитием Земли, то тогда можно будет дать и более точное указание на то, как духовное ядро человеческого существа из сверхчувственных миров вступает в телесные оболочки и как постепенно слагается закон духовной причинности, «человеческая судьба».

РАЗВИТИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕК

Из предыдущего изложения видно, что существо человека построено из четырех членов: физического тела, жизненного тела, астрального тела и из носителя «Я». «Я» работает внутри трех прочих членов и изменяет их. Через такое изменение возникают на более низкой ступени — душа ощущающая, душа рассудочная и душа сознательная. На более высокой ступени человеческого бытия образуются Самодух, Жизнедух и Духочеловек. Эти члены человеческой природы находятся в многообразнейших отношениях со всей вселенной. И их развитие связано с развитием этой вселенной.

Рассматривая это развитие, можно проникнуть в более глубокие тайны человеческого существа.

Ясно, что жизнь человека в самых разнообразных направлениях связана с окружающим миром, с ареною, на которой он развивается. Теперь уже и внешняя наука фактическими данными была вынуждена признать, что сама Земля, это место обитания человека в самом широком смысле слова, прошла через известное развитие. Эта наука указывает на такие состояния в земном бытии, во время которых человек в своей современной форме еще не существовал на нашей планете. Она показывает, как человек от простых культурных состояний медленно и постепенно развился до современных условий бытия. Таким образом, и эта наука приходит к воззрению, что существует связь между развитием человека и развитием его небесного тела — Земли.

Духовная наука*. прослеживает эту связь с помощью того познания, которое черпает свои факты из утонченного духовными органами восприятия. Она прослеживает человека в его становлении в обратном порядке. Ей открывается, что подлинная внутренняя сущность человека прошла на Земле через ряд жизней. Но таким образом духовное исследование приходит к очень отдаленному моменту в прошлом, когда эта внутренняя человеческая сущность в первый раз вступила во внешнюю жизнь в современном смысле. Это было первым земным воплощением, когда «Я» начало действовать внутри трех тел: астрального тела, жизненного тела и физического тела. И затем оно перенесло с собою плоды этой работы в следующую жизнь.

* Духовная наука, как это видно из общего рассмотрения, равнозначна здесь «тайноведению», сверхчувственному познанию.

Если указанным образом довести рассмотрение в обратном порядке до этого момента, то можно заметить, что «Я» застаёт такое состояние Земли, когда три тела, физическое, жизненное и астральное, оказываются уже развитыми и находятся в известной связи между собой. «Я» впервые соединяется с существом, состоящим из этих трех тел. Отныне «Я» принимает участие в дальнейшем развитии трех тел. Раньше они без этого человеческого «Я» развились до той ступени, на которой застало их тогда это «Я».

Духовная наука должна углубиться в своем исследовании еще дальше в прошлое, если она хочет ответить на вопросы: как достигли эти три тела такой ступени развития, на которой могли принять в себя «Я», и как возникло само это «Я» и достигло способности действовать внутри этих тел?

Ответ на эти вопросы возможен только в том случае, если проследить в духовнонаучном смысле становление самой земной планеты. Путем такого исследования мы приходим к началу этой земной планеты. Способ рассмотрения, который основывается только на данных физических чувств, не может прийти к заключениям, имеющим какое-либо отношение к этому началу Земли. Одно из воззрений, пользующееся такими заключениями, приходит к выводу, что все вещественное Земли образовалось из первоначальной туманности. В задачу этой книги не может входить ближайший разбор таких представлений. Ибо для духовного исследования важно рассмотреть не только материальные процессы земного развития, но главным образом лежащие за вещественным духовные причины. Когда мы видим перед собой человека, поднимающего руку, то это поднятие руки может побудить к двоякого рода размышлению. Можно исследовать механизм руки и остального организма и описать процесс, как он протекает чисто физически. Но можно обратить духовный взор и на то,

что происходит в душе человека и служит душевным побуждением к поднятию руки. Подобным же образом опытный в духовном восприятии исследователь видит за всеми процессами чувственно-физического мира духовные процессы. Для него все превращения в вещественном земной планеты суть откровения духовных сил, лежащих за вещественным. Но когда такое духовное наблюдение над жизнью Земли все дальше углубляется в прошлое, оно доходит до

такой точки развития, когда все вещественное только еще начинает быть. Это вещественное развивается из духовного. До этого существует только духовное. Путем духовного наблюдения мы воспринимаем духовное и видим, как в дальнейшем это духовное частично как бы уплотняется в вещественное. Мы имеем здесь перед собой процесс, протекающий — но на более высокой ступени — совершенно так же, как в наблюдаемом нами сосуде с водой благодаря искусному охлаждению постепенно образуются куски льда. Как в данном случае то, что прежде было только водою, уплотняется в лед, так посредством духовного наблюдения можно проследить, как из предшествовавшего чисто духовного состояния как бы сгущаются вещественные предметы, процессы и существа. Так физическая земная планета развилась из духовного мирового существа; и все, что вещественно связано с этой земной планетой, уплотнилось из того, что дотоле было соединено с ней духовно. Однако не следует представлять себе, что все духовное когда-либо превращается в вещественное; в последнем мы всегда имеем перед собой только превращенные части первоначального духовного. При этом духовное и во время вещественного периода развития остается, собственно, руководящим и управляющим началом.

Ясно, что тот способ представления, который придерживается только чувственно-физических процессов и того, о чем на основании этих процессов заключает рассудок, ничего не может высказать о духовном, о котором здесь идет речь. Предположим, что есть некое существо, обладающее лишь такими чувствами, которые могут воспринимать только лед, а не то более тонкое состояние воды, из которого при охлаждении образуется лед. Для такого существа вода не существовала бы и оно только тогда могло бы получить какое-нибудь восприятие воды, если бы часть ее превратилась в лед. Так для человека остается сокрытым лежащее за земными явлениями духовное, если он признает только то, что существует для физических чувств. И если на основании физических фактов, воспринимаемых им в настоящее время, он делает правильные выводы о прошлых состояниях земной планеты, то он может прийти только до той точки ее развития, когда предшествовавшее духовное частично уплотнилось в вещественное. Для такого способа рассмотрения это предшествовавшее духовное столь же мало видимо, как и то духовное, которое и теперь невидимо действует за вещественным.

Лишь в последних главах этой книги может быть сказано о путях, следуя которым, человек приобретает способность оглянуться в духовном восприятии на прежние состояния Земли, о которых здесь идет речь. Пока же только упомянем, что для духовного исследования не исчезли факты даже самых отдаленных прошлых времен. Когда какое-нибудь существо проходит свое телесное бытие, то с его телесной смертью исчезает все вещественное. Не так «исчезают» духовные силы, которые произвели из себя это телесное. Они оставляют свои следы, свои точные отображения в духовной основе мира. И кто сквозь видимый мир может возвысить свое восприятие до невидимого, тот видит, наконец, перед собою нечто такое, что можно сравнить с огромной духовной панорамой, в которой отмечены все прошлые события мира. Эти непреходящие следы всего духовного называются в тайноведении «Хроникой Акаши»,

обозначая сущность Акаши — в противоположность преходящим формам — как духовное пребывающее мирового вершения. Но и здесь опять-таки необходимо сказать, что исследования в сверхчувственных областях бытия могут производиться только при помощи духовного восприятия, следовательно, и в рассматриваемой здесь области — только через чтение «Хроники Акаши». Однако и в данном случае остается в силе сказанное в этой книге раньше о подобных вещах. *Исследованы* могут быть эти сверхчувственные факты только путем сверхчувственного восприятия; но раз они исследованы и сообщаются тайноведением, то могут быть *поняты* и обыкновенным мышлением, если только оно действительно непредвзято. В дальнейшем будет сообщено в духе тайноведения о состояниях развития Земли. Будут прослежены превращения нашей планеты вплоть до того жизненного состояния, в котором она находится в настоящее время. Если кто-нибудь рассмотрит то, что он имеет в настоящее время перед собой только в чувственном восприятии, и затем примет в себя сообщения тайноведения о том, как с самого далекого прошлого развивалось это настоящее, то при действительно непредвзятом мышлении он сможет сказать себе: во-первых, сообщаемое тайноведением вполне логично; во-вторых, я могу понять, что вещи стали такими, какими они предстоят мне, если я приму, что сообщаемое сверхчувственным исследованием верно. Под «логичным» понимается в этой связи, конечно, не то, будто в каком-нибудь изложении тайноведческого исследования не может оказаться ошибок в логическом отношении. И в данном случае о «логичном» говорится в том же смысле, в каком принято говорить об этом в обыкновенной жизни физического мира. Как там ставится требование логичности изложения, хотя отдельное лицо, описывающее ту или иную область фактов, может впадать в логические ошибки, так и в сверхчувственном исследовании. Может даже случиться и так, что исследователь, могущий воспринимать в сверхчувственных областях, впадет в ошибки в логическом изложении, и тогда его может поправить кто-нибудь другой, вовсе не обладающий сверхчувственным восприятием, но зато владеющий способностью здравого мышления. Но против примененной в сверхчувственном исследовании логики ничего нельзя возразить по существу. И можно было бы даже совсем не подчеркивать, что, исходя из чисто логических оснований, ничего нельзя возразить против самих фактов. Как в области физического мира нельзя бывает доказать логически, существует ли кит или нет, но надо его увидеть, так и сверхчувственные факты могут быть показаны только при помощи духовного восприятия. Следует подчеркнуть необходимость для наблюдателя сверхчувственных областей, прежде чем он сам собственным восприятием приблизится к духовным мирам, составит себе сначала определенное воззрение при помощи логики, а также путем уразумения того, как чувственно видимый мир становится всюду понятным, если допустить правильность сообщений тайноведения.

Всякое переживание в сверхчувственном мире остается неуверенным — и даже опасным — блужданием наугад, если пренебречь описанным подготовительным путем. Поэтому в этой книге, прежде чем будет говориться о самом пути сверхчувственного познания, будут сообщены сверхчувственные данные о земном развитии. При этом необходимо также принять во внимание, что кто чисто мыслительно разбирается во всем, что имеет сказать сверхчувственное познание, тот отнюдь не находится в том же положении, как человек, слушающий рассказ о физическом явлении, которого он сам не может видеть. Ибо само мышление есть уже сверхчувственная деятельность. Оставаясь чувственным, оно не может само привести к сверхчувственным явлениям. Но мышление, примененное к сверхчувственным, сообщаемым тайноведением явлениям, *само собою*

вращается в сверхчувственный мир. И это один из наилучших путей прийти к самостоятельному восприятию в сверхчувственной области, когда через размышление о том, что сообщает сверхчувственное познание, мы вращаемся в высший мир. Такое вступление в этот мир сопровождается наибольшей ясностью. Поэтому известное направление духовнонаучного исследования и считает *такое* мышление самой плодотворной первоначальной ступенью всякого духовнонаучного обучения. Вполне понятно также, что в этой книге не может быть указано относительно всех частных духовно воспринятого развития Земли, каким образом сверхчувственное этих частных подтверждается в видимом. Но это и не имелось в виду, когда говорилось, что сокрытое всюду может быть показано в своих видимых действиях. Имелось в виду, собственно, то, что человеку на каждом шагу может стать ясным и понятным все, что предстает перед ним, если он видимым явлениям дает освещение, ставшее для него доступным благодаря духовнонаучному исследованию. Только на отдельных характерных случаях будут указаны дальше примеры подтверждений сокрытого видимого, чтобы этим показать, как мы можем сделать это в практической жизни везде, где только захотим.

Если проследить развитие Земли в обратном порядке, то мы придем в смысле вышеизложенного духовнонаучного исследования к духовному состоянию нашей планеты. Продолжая этот путь исследования еще дальше вглубь, мы найдем, что это духовное проходило уже раньше через известного рода физическое воплощение. Мы встречаем, таким образом, прошлое физическое планетарное состояние, которое впоследствии перешло в духовное и затем, через новое овеществление, превратилось в нашу Землю. Таким образом, наша Земля представляет собою перевоплощение древней планеты. Но духовная наука может углубиться еще дальше в прошлое. И она находит тогда, что весь процесс был повторен еще дважды. Наша Земля прошла, таким образом, через три предшествующих планетарных состояния, между которыми всегда лежали промежуточные состояния духовности. Чем дальше мы прослеживаем воплощения в обратном порядке, тем физическое оказывается, конечно, все более и более тонким.

Против нижеследующего изложения можно возразить: как может здравое суждение допустить существование состояний мира, лежащих далеко позади нас и подобных тем, о которых здесь говорится? На это возражение следует ответить, что для того, кто верно сумеет увидеть в открытом для чувств мире действующее в нем скрытое духовное, — для того понимание столь удаленных от нас этапов развития не станет чем-то невозможным. Только для того, кто не признает этого сокровенного духовного начала для настоящего времени, теряет всякий смысл изложение такого развития, какое имеется здесь в виду. Тому же, кто признает это, при взгляде на современное нам состояние мира все предыдущие состояния существуют так же необходимо, как для пятидесятилетнего человека — его раннее состояние годовалого ребенка. Можно было бы возразить, что рядом с пятидесятилетним человеком всегда существуют и годовалые дети, а также все возможные переходные ступени. Это несомненно. Но столь же несомненно это и для того развития духовного, которое имеется здесь в виду. Кто в этой области приходит к верному суждению, понимает и то, что при правильном и полном наблюдении настоящего момента, включающем и духовную сторону явлений, наряду со ступенями бытия, которые развились до совершенства наших дней, действительно существуют и прошлые состояния развития — как рядом с пятидесятилетними людьми мы находим и годовалых детей. В пределах земных свершений нашего времени мы можем наблюдать и

первоначальные вершения (Urgeschehen), если только окажемся в состоянии различить следующие один за другим состояния развития.

В том образе, в каком человек развивается в настоящее время, он выступает лишь в четвертом из характеризованных планетарных воплощений — на Земле в собственном смысле. И существенным для этого образа является состав человека из четырех членов: из физического тела, жизненного тела, астрального тела и «Я». Но этот образ не мог бы появиться, если бы он не был подготовлен фактами предшествовавшего развития. Это приготовление совершилось путем развития во время прежнего планетарного воплощения существ, которые имели уже три из теперешних четырех членов человека: физическое тело, жизненное тело и астральное тело. Эти существа, которых в известном отношении можно назвать предками человека, еще не имели «Я», но они настолько развили три остальных члена и связь между ними, что созрели для последующего принятия в себя «Я». Таким образом, предок человека в прежнем планетарном воплощении достиг известного состояния зрелости своих трех членов. Это состояние перешло в состояние духовности. И из последнего образовалось потом новое физическое планетарное состояние — состояние Земли. В нем содержались как бы в зачатках созревшие предки человека. Тем, что вся планета прошла через состояние духовности и появилась в новом образе, она доставила содержащимся в ней зачаткам с физическим, жизненным и астральным телом не только нужные условия, чтобы развиться опять до той высоты, на которой они стояли уже раньше, но еще и другую возможность: по достижении этой высоты возвыситься над собою через принятие «Я». Итак, развитие Земли распадается на две части. В первом периоде сама Земля является перевоплощением прежнего планетарного состояния. Но это повторение, вследствие того, что ему предшествовало состояние духовности, выше, чем состояние предыдущего воплощения. И Земля содержит в себе зачатки предков человека с прежней планеты. Сначала они развиваются до той высоты, на которой они уже находились раньше. Когда они ее достигают, первый период закончен. Земля же, благодаря своей более высокой ступени развития, может развить теперь эти зачатки еще дальше, а именно, сделать их способными к принятию «Я». Второй период развития Земли есть период развития «Я» в физическом, жизненном и астральном телах.

Как через развитие Земли человек поднимается таким образом на более высокую ступень, так происходило это и раньше при прежних планетарных воплощениях. Ибо уже при первом из этих воплощений Земли существовало что-то от человека. Поэтому если проследить развитие существа человека в далеком прошлом первого из приведенных планетарных воплощений, то это прольет свет и на современное его существо. В сверхчувственном исследовании это первое воплощение планеты можно назвать Сатурном; второе можно обозначить как Солнце, третье — как Луну, четвертым является Земля. При этом необходимо твердо помнить, что эти тайноведческие обозначения пока не следует приводить в связь с одноименными обозначениями, применяемыми к членам нашей современной солнечной системы. В тайноведении Сатурн, Солнце и Луна суть названия для прошлых форм развития, через которые прошла Земля. Какое отношение эти миры древних времен имеют к небесным телам, образующим современную солнечную систему, будет видно из дальнейшего рассмотрения. Тогда же станет ясно, почему выбраны эти имена.

Дальнейшее описание условий четырех названных планетарных воплощений может быть сделано лишь в самых общих чертах. Ибо процессы, существа и их судьбы на Сатурне, Солнце и Луне поистине так же многообразны, как и на самой Земле. Поэтому в

описании могут быть выдвинуты лишь отдельные черты этих условий, которые могут наглядно представить, каким образом состояния Земли развивались из прежних состояний. При этом надо также принять во внимание, что чем дальше углубляться в прошлое, тем эти состояния становятся все менее похожими на современные. И все-таки их можно описать, пользуясь для характеристики только представлениями, заимствованными из современных земных условий. Так, если, например, в применении к этим прежним состоянием сверхчувственного, говорится о свете, о теплоте или о чем-нибудь подобном, то не следует упускать из виду, что под этим подразумевается не совсем то, что обозначают теперь как свет и теплоту. И все же такой способ обозначения правилен, ибо на более ранних ступенях развития наблюдателю сверхчувственного является нечто, из чего в настоящее время произошли свет, теплота и т. д. И кто вникает в подобные описания, тот уже из самой связи, в какой представлены эти вещи, сможет легко заключить, какие надо выработать представления, чтобы получить характерные образы и сравнения для тех фактов, которые имели место в отдаленнейшем прошлом.

Разумеется, это затруднение становится особенно значительным по отношению к тем планетарным состояниям, которые предшествуют лунному воплощению. Во время последнего царили условия, которые все-таки еще являют известное сходство с земными. Тот, кто пытается дать описание этих условий, в сходствах с современностью находит еще известные точки опоры, чтобы сверхчувственным путем добытые восприятия выразить в ясных представлениях. Иначе обстоит дело, когда описывается развитие Сатурна и Солнца. То, что там представляется ясновидящему наблюдению, в высшей степени отлично от предметов и существ, принадлежащих в настоящее время к жизненной среде человека. И вследствие этого различия бывает вообще крайне трудно ввести эти довременные факты в круг сверхчувственного сознания. Но так как современное существо человека не может быть понято, если не проследить его развития до состояния Сатурна, то это описание должно быть все-таки дано. И такое описание не может, конечно, быть превратно понято тем, кто будет помнить о существовании этой трудности и кто будет иметь поэтому в виду, что многое из сказанного должно явиться скорее только намеком и указанием на соответственные факты, чем их точным описанием.

Можно было бы найти противоречие между здесь и далее сказанным и тем, что было сказано выше о продолжении существования прошлого в настоящем. Можно было бы подумать: рядом с современным состоянием Земли мы не находим состояний Сатурна, Солнца и Луны, нигде не находим мы также и человеческих образов, соответствующих изображенным здесь, но существовавшим в предыдущие эпохи мирового развития. Разумеется, людей древнего Сатурна, древнего Солнца и древней Луны не встретить теперь наряду с земным человеком — так, как мы встречаем трехлетнего ребенка наряду с пятидесятилетним человеком. Но *внутри* земного человека его прежние состояния могут быть восприняты сверхчувственно. Чтобы понять это, достаточно овладеть способностью различения, которую необходимо распространить на все многообразие жизненных взаимоотношений. Ибо подобно тому, как наряду с пятидесятилетним человеком существует трехлетний ребенок, точно так же наряду с живущим, бодрствующим человеком Земли существуют труп, спящий человек и сновидящий человек. И хотя эти различные формы проявления человеческого бытия и не кажутся на первый взгляд тем, чем они в действительности являются, т. е. различными этапами развития, тем не менее верный взгляд распознает в этих формах вышеназванные ступени.

Из современных четырех членов человеческого существа физическое тело самое древнее. Оно является также тем членом, который достиг в своем роде наибольшего совершенства. И тайноведческое исследование показывает, что этот член человека существовал уже во время развития Сатурна. Из последующего изложения выяснится, что облик, который физическое тело имело на Сатурне, был, конечно, чем-то совершенно отличным от современного физического тела человека. Это земное физическое тело человека может устоять в своей природе только благодаря тому, что оно находится в такой связи с жизненным телом, астральным телом и «Я», как это было описано в предыдущих главах этой книги. Подобной связи на Сатурне еще не существовало. Тогда физическое тело проходило первую ступень своего развития и в него еще не было включено человеческое жизненное тело, астральное тело и «Я». Во время развития Сатурна оно только созревало для принятия в себя жизненного тела. Для этого Сатурн должен был сначала перейти в состояние духовности и затем перевоплотиться в Солнце. Во время солнечного воплощения снова развилось как бы из сохранившегося зачатка то, чем стало физическое тело на Сатурне; и только тогда могло оно проникнуться эфирным телом. Благодаря этому включению эфирного тела, физическое тело изменило свой характер; оно поднялось на вторую ступень совершенства. Нечто подобное произошло и во время лунного развития. Предок человека, каким он перешел в своем развитии с Солнца на Луну, включил в себя на ней астральное тело. Тем самым физическое тело было изменено в третий раз и поднялось таким образом на третью ступень своего совершенства. Жизненное тело было при этом также изменено; оно стояло теперь на второй ступени своего совершенства. На Земле в предка человека, состоящего из физического тела, жизненного тела и астрального тела, было включено «Я». Благодаря этому физическое тело достигло своей четвертой степени совершенства, жизненное тело — третьей, астральное тело — второй; «Я» стоит лишь на первой ступени своего бытия.

Если отдаться непредвзятому рассмотрению человека, то нетрудно будет правильно представить себе эти различные степени совершенства отдельных членов. Достаточно только сравнить в этом отношении физическое тело с астральным. Конечно, астральное тело, как душевный член, стоит на более высокой ступени развития, чем физическое. И когда оно в будущем усовершенствуется, то для всего существа человека будет иметь гораздо большее значение, чем современное физическое тело. Но *в своем роде* это последнее достигло известной вершины своего развития. Представим себе только строение сердца, созданного в духе величайшей мудрости, чудесное строение мозга и т. д., или даже отдельной части кости, например, верхнего конца бедренной кости. Мы находим на конце этой кости закономерно сооруженный остов или сеть из тонких пластинок. Все в целом соединено так, что при затрате наименьшего количества материала достигается самое благоприятное действие на поверхность суставов, например, самое целесообразное распределение трения, а тем самым и правильный род движения. Так находим мы полное мудрости устройство в частях физического тела. А кто далее обратит внимание на гармонию во взаимодействии частей, создающем из них целое, тот найдет, конечно, правильным сказанное о своего рода совершенстве этого члена человеческого существа. При этом не важно, что в некоторых частях может происходить что-либо, по-видимому, нецелесообразное или что в строении и в отправлениях могут наступать нарушения. Можно даже найти, что подобные нарушения в известном смысле являются только необходимыми теневыми сторонами исполненного мудрости света, разлитого во всем физическом организме. А теперь сравним с этим астральное тело как носителя наслаждения и страдания, вожделий и страстей. Какая

неустойчивость царит в нем по отношению к наслаждению и страданию, какие разыгрываются в нем вожделения и страсти, часто бессмысленные и противоречащие высшему назначению человека! Астральное тело находится теперь лишь на пути к достижению гармонии и внутренней законченности, которые уже можно найти в физическом теле. Можно было бы также показать, что и жизненное тело оказывается хотя и более совершенным в своем роде, чем астральное тело, однако менее совершенным, чем физическое. Подобным же образом окажется при соответствующем рассмотрении, что подлинное ядро человеческого существа, его «Я», находится в настоящее время лишь в начале развития. Ибо много ли выполнило до сих пор это «Я» из своей задачи так преобразить другие члены человеческого существа, чтобы они были откровением его собственной природы? То, что может быть таким образом добыто путем внешнего наблюдения, для знакомого с духовной наукой подкрепляется еще и другим. Можно было бы сослаться на то, что физическое тело постигают болезни. Духовная наука в состоянии показать, что большая часть всех болезней происходит оттого, что извращенности и заблуждения в астральном теле передаются жизненному телу и окольным путем через последнее разрушают совершенную в самой себе гармонию физического тела. Более глубокая связь, которой здесь можно было только коснуться, и истинная причина многих болезненных процессов ускользают от того научного рассмотрения, которое ограничивается только физически чувственными фактами. Эта связь в большинстве случаев сказывается в том, что повреждение астрального тела влечет за собою болезненные явления физического тела не в той же самой жизни, в которой произошло повреждение, а лишь в следующей. Поэтому относящиеся сюда законы имеют значение только для того, кто может признать повторность человеческой жизни. Но, даже при нежелании считаться с такими более глубокими познаниями, уже обыкновенное наблюдение жизни показывает, что человек предается слишком многим наслаждениям и вожделениям, подрывающим гармонию физического тела. А наслаждения, вожделения, страсти и т. д. имеют свое пребывание не в физическом, а в астральном теле. Это последнее во многих отношениях еще настолько несовершенно, что может разрушать совершенство физического тела. Необходимо отметить здесь, что такие рассуждения не преследуют цели доказать то, что сообщается духовной наукой о развитии четырех членов человеческого существа. Доказательства берутся из духовного исследования, показывающего, что физическое тело имеет за собой четыре превращения на пути к более высоким степеням совершенства, между тем как другие члены человека имеют их соответственно меньше. Здесь надо было указать, что эти сообщения духовного исследования относятся к фактам, которые в своих действиях сказываются и в доступных внешнему наблюдению степенях совершенства физического тела, жизненного тела и т. д.

Если мы хотим составить себе образное, приближающееся к действительности представление об условиях, бывших во время развития Сатурна, то следует принять в соображение, что во время этого развития еще не было, в сущности, ничего из вещей и творений, принадлежащих в настоящее время к Земле и причисляемых к минеральному, растительному и животному царствам. Существа этих трех царств образовались лишь в позднейшие периоды развития. Из воспринимаемых ныне физически земных существ был тогда только человек. Но и от него существовало тогда лишь физическое тело, как оно было описано выше. В настоящее время к Земле принадлежат не только существа

минерального, растительного, животного и человеческого царств, но еще и другие существа, которые не выявляются в физической телесности.

Такие существа были и во время развития Сатурна. И последствием их деятельности на арене Сатурна было дальнейшее развитие человека.

Если направить органы духовного восприятия сперва не на начало и конец, а на средний период этого сатурнического воплощения, то мы встретим состояние, сводящееся главным образом к «теплоте». Нельзя найти ни следа газообразных или жидких, ни тем более твердых составных частей. Все эти состояния выступают лишь в позднейших воплощениях. Предположим, что человеческое существо с современными органами чувств приблизилось бы, как наблюдатель, к этому состоянию Сатурна. Оно не получило бы ни одного из доступных ему чувственных впечатлений, кроме ощущения теплоты. Предположим, что такое существо приблизилось бы к Сатурну; достигнув занимаемой Сатурном части пространства, оно восприняло бы только, что эта часть обладает иным тепловым состоянием, чем остальное окружающее пространство. Но оно нашло бы в той части пространства не равномерную теплоту, а разнообразнейшую смену более теплых и более холодных областей. По известным линиям оно восприняло бы излучающуюся теплоту. И эти линии не тянулись бы везде только прямо, но благодаря тепловым различиям образовывали бы правильные формы. Мы имели бы перед собой как бы расчлененное в себе мировое существо, проявляющееся в смене состояний и состоящее только из теплоты.

Современному человеку трудно представить себе что-нибудь, состоящее только из теплоты, так как он не привык познавать теплоту за нечто, существующее само по себе, а привык воспринимать ее только в теплых или холодных газообразных, жидких или твердых телах. Особенно тому, кто усвоил себе представления современной физики, покажется бессмысленным говорить о «теплоте» так, как это делается выше. Такой человек, пожалуй, скажет: существуют твердые, жидкие и газообразные тела, теплота же означает только состояние, в котором находится одна из этих трех форм телесности. Когда мелкие частицы какого-нибудь газа находятся в движении, то это движение воспринимается как теплота. Где нет этого газа, там не может быть такого движения, а значит, не может быть и теплоты. Для духовнонаучного исследования дело обстоит иначе. Для него теплота есть нечто, о чем он говорит в том же смысле, как о газе, о жидкости или о твердом теле. Она для него только еще более тонкая субстанция, нежели газ. И последний для него не что иное, как уплотненная теплота в том же смысле, в каком жидкость есть уплотненный пар, или твердое тело — уплотненная жидкость. Таким образом, духовный исследователь говорит о тепловых телах, как он говорит о газо- и парообразных телах. Но если мы хотим в этой области идти за духовным исследователем, то необходимо признать, что существует душевное восприятие. В доступном физическим чувствам мире теплота безусловно представляется состоянием твердого, жидкого или газообразного вещества; но это состояние есть именно лишь внешняя сторона теплоты или же ее действие. Физики говорят только об этом действии теплоты, а не о ее внутренней природе. Попробуем совершенно отрешиться от всякого действия теплоты, получаемого через внешние тела, и представим себе только внутреннее переживание, которое мы имеем при словах: «я чувствую, что мне тепло», «я чувствую, что мне холодно». Только это внутреннее переживание может дать представление о том, чем был Сатурн в вышеописанный период своего развития. Можно было бы пройти всю часть пространства, которую он занимал, и не встретить ни газа, который производил бы какое-нибудь давление, ни твердого или жидкого тела, от

которого можно было бы получить какое-нибудь световое впечатление, но в каждой точке пространства, без впечатления извне, можно было бы внутренне почувствовать: здесь та или иная степень теплоты.

В мировом теле такого рода нет условий, необходимых для животных, растительных и минеральных существ нашего времени. (Поэтому едва ли нужно отмечать, что вышесказанное в действительности никогда не могло бы иметь места. Современный человек, как таковой, никогда не мог бы стать в положение наблюдателя древнего Сатурна. Это описание должно было только служить для пояснения). Существа, которые предстают при сверхчувственном наблюдении Сатурна, стояли на совершенно иной ступени развития, чем нынешние, чувственно воспринимаемые земные существа. Там были прежде всего существа, не имевшие такого физического тела, как современный человек. При этом, когда речь идет здесь о «физическом теле», следует избегать мысли о современной физической телесности человека. Напротив, нужно тщательно различать физическое тело от минерального. Физическое тело это то, которое управляется физическими законами, наблюдаемыми в настоящее время в минеральном царстве. Современное физическое тело человека не только управляется такими законами, но оно, кроме того, еще проникнуто минеральным веществом. О таком физически-минеральном теле на Сатурне еще не может быть речи. Там существует только физическая телесность, управляемая физическими законами; но эти физические законы проявляются только в тепловых действиях. Итак, физическое тело есть тонкое, легкое, эфирное тепловое тело. И из таких тепловых тел состоит весь Сатурн. Эти тепловые тела — первый зачаток современного физически-минерального человеческого тела. Оно возникло из теплового тела благодаря тому, что в него вошли образовавшиеся лишь впоследствии газообразные, жидкие и твердые вещества. Среди существ, возникающих перед направленным на Сатурн сверхчувственным сознанием, о которых можно говорить как об обитателях Сатурна, были кроме человека и такие, которые вообще не нуждались в физическом теле. Низшим членом их существа было эфирное, или жизненное тело. Зато они обладали еще одним членом сверх тех, которые входят в состав человеческого существа. Человек имеет своим наивысшим членом Духочеловека. Эти же существа обладали еще более высоким членом. Между жизненным телом и Духочеловеком они обладают всеми описанными в этой книге членами, которые есть и у человека: астральным телом, «Я», Самодухом и Жизнедухом. Как наша Земля окружена воздушной атмосферой, так был окружен ею и Сатурн; только у него эта «атмосфера» была духовного рода*. Она состояла, собственно, из только что названных и еще других существ. Происходило постоянное взаимодействие между тепловыми телами Сатурна и означенными существами. Последние погружали члены своего существа в физические тепловые тела Сатурна. И хотя в самих этих тепловых телах не было никакой жизни, в них выражалась жизнь обитавших вокруг них существ. Их можно было бы сравнить с зеркалами. Но только они отражали не образы названных живых существ, а их жизненные состояния. Итак, в самом Сатурне нельзя было бы найти ничего живого; но он действовал оживляюще на свое окружение в небесном пространстве, отражая в него, как эхо, посылаемую ему жизнь. Весь Сатурн являлся как бы зеркалом небесной жизни. Очень высокие существа, жизнь которых отражал Сатурн, называются в духовной науке «Духами Мудрости». (В христианской духовной науке они носят название «Kyriotes», то есть «Господства»). Их деятельность на Сатурне начинается не с описанной средней эпохи его развития. В это время она является даже в известном смысле уже законченной. Прежде чем они могли достигнуть отражения своей собственной жизни от тепловых тел

Сатурна, им необходимо было сначала довести эти тепловые тела до того, чтобы они могли производить это отражение. Поэтому их деятельность началась вскоре после начала развития Сатурна. В этот период телесность Сатурна была еще неустроенной вещественностью, которая не могла ничего отражать. И рассматривая эту неустроенную вещественность, мы переносимся путем духовного наблюдения к началу развития Сатурна. То, что можно наблюдать тогда, еще совершенно не носит позднейшего теплового характера. Чтобы характеризовать это состояние, можно сослаться только на одно свойство, сравнимое с человеческой волей. Это сплошь одна только воля. Итак, мы имеем здесь дело с совершенно духовным состоянием. Если проследить, откуда исходит эта «воля», то видно, как она возникает через изливание возвышенных существ, которые, пройдя в своем развитии лишь по едва угадываемым нами ступеням, достигли такой высоты, что при начале развития Сатурна могли из своего собственного существа изливать «волю». После того, как это изливание продолжалось некоторое время, к воле присоединяется деятельность вышеозначенных «Духов Мудрости». Благодаря этому совершенно бескачественная до тех пор воля приобретает свойство отражать жизнь в небесном пространстве. Существ, которые ощущают свое блаженство в этом изливании воли в начале развития Сатурна, духовная наука называет «Духами Воли». (В христианской эзотерической науке они называются «Престолами»). После того, как через совместное действие воли и жизни была достигнута известная ступень развития Сатурна, начинается действие других существ, находящихся равным образом в окружении Сатурна. Это «Духи Движения». (В христианстве — «Dynamis», «Силы»). У них нет ни физического, ни жизненного тела. Их низший член — астральное тело. Когда сатурнические тела достигли способности отражать жизнь, эта отраженная жизнь могла проникнуться качествами, присущими астральным телам «Духов Движения». Последствием этого является то, что с Сатурна как бы извергаются в небесное пространство изъявления ощущений, чувств и другие подобные душевные силы. Весь Сатурн представляется одушевленным существом, проявляющим симпатии и антипатии. Но эти душевные проявления отнюдь не его собственные, а только отброшенные назад душевные действия «Духов Движения». После того, как и это продолжалось в течение известного времени, начинается деятельность следующих существ, а именно «Духов Формы». Низший член их также астральное тело. Но оно находится на иной ступени развития, нежели астральное тело «Духов Движения». Если как эти последние сообщают отраженной жизни только общие проявления ощущений, астральное тело «Духов Формы» (в христианстве — «Exusiai», «Власти») действует так, что проявления ощущений извергаются в мировое пространство как бы отдельными существами. Можно было бы сказать, что благодаря «Духам Движения» Сатурн является в целом одушевленным существом. «Духи Формы» делят эту жизнь на отдельные живые существа, так что он является теперь совокупностью таких душевных существ. Представим себе ради образа ягоду шелковицы или ежевики, состоящую из отдельных ягодок. Так и Сатурн для сверхчувственного познания составлен в данную эпоху развития из отдельных сатурнических существ, правда, не обладающих собственной жизнью и собственной душой, но отражающих жизнь и душу своих обитателей. В это состояние Сатурна вступают теперь существа, имеющие своим низшим членом также астральное тело, но доведшие его до такой ступени развития, что оно действует как современное человеческое «Я». Через этих существ из окружения Сатурна взирает на него это «Я». И оно сообщает свою природу отдельным существам Сатурна. Так с Сатурна посылаются в мировое пространство нечто, являющееся подобным действию

человеческой личности в кругу современной жизни. Существ, вызывающих такое действие, называют «Духами Личности» (в христианстве — «Archai», «Начала»). Они сообщают телесностям Сатурна видимость личного характера. Однако на самом Сатурне находится не личность, а только как бы ее отражение, скорлупа личности. Настоящую свою личность «Духи Личности» имеют в окружении Сатурна. В силу того именно, что эти «Духи Личности» описанным образом заставляют сатурнические тела отражать свою сущность, последним сообщается та тонкая вещественность, которая была описана прежде как «теплота». Во всем Сатурне нет внутренней жизни; но «Духи Личности» познают образ своей собственной внутренней жизни, притекающей к ним с Сатурна, в виде теплоты.

---

* Для точного выражения внутреннего переживания при духовном исследовании вместо «Сатурн был окружен воздушной атмосферой» следовало бы сказать: «Когда сверхчувственное познание охватывает сознанием Сатурн, перед этим познанием предстает также воздушная атмосфера Сатурна» или: «предстают те или иные существа». Переход к способу выражения «здесь есть то или иное» должен быть допущен, ибо, в сущности, тот же прием речи употребляется для действительного душевного переживания при чувственном восприятии, но в отношении к дальнейшему изложению это допущение следует постоянно иметь в виду. Впрочем, это вытекает из данного в настоящей книге изложения.

В то время, как все это происходит, «Духи Личности» находятся на той ступени, на которой в настоящее время стоит человек. Они проходят тогда свою эпоху человечества. Если мы хотим взглянуть на этот факт непредвзято, то должны представить себе, что какое-нибудь существо может быть человеком, не обладая вовсе тем обликом, который в настоящее время присущ человеку. «Духи Личности» являются на Сатурне «людьми». Низшим членом они имеют не физическое тело, а астральное тело и «Я». Поэтому переживания этого астрального тела они не могут выражать в таком физическом и жизненном теле, как современный человек; и они не только имеют «Я», но и знают об этом, ибо теплота Сатурна, отражая это «Я», доводит его до их сознания. Они «люди», но в иных условиях, чем земные.

В дальнейшем развитии Сатурна следуют факты иного рода, чем бывшие дотоле. Если раньше все было отражением внешней жизни и внешнего ощущения, теперь начинается своего рода внутренняя жизнь. В мире Сатурна то там, то здесь начинает вспыхивать и снова погасать световая жизнь. В разных местах появляется трепетное мерцание, а кое-где как бы сверкание молний. Тепловые тела Сатурна начинают мерцать, светиться и даже сиять. Достижение этой ступени развития снова дает возможность некоторым существам проявить свою деятельность. Это те самые, которые в духовной науке известны, как «Духи Огня» (в христианстве — «Archangeloi», «Архангелы»). Эти существа, хотя и имеют астральное тело, однако на означенной ступени своего бытия не могут сообщать своему астральному телу никакого чувства или ощущения, если бы не могла действовать на тепловые тела, достигшие на Сатурне описанной ступени. Это действие дает им возможность познавать свое собственное бытие по тому действию, которое они производят. Они не могут сказать себе: «Я есмь», но говорят приблизительно так: «Окружающее меня дает мне быть». Они воспринимают, и их восприятия состоят в описанных световых действиях на Сатурне, которые суть в некотором роде их «Я». Это сообщает им особого рода сознание. Оно обозначается как образное сознание. Его можно представить себе вроде человеческого сновидческого сознания, только степень живости следует представить себе гораздо большей, чем при

человеческом сновидении, и мы имеем здесь дело не с приливом и отливом лишенных реальности образов сновидения, а с такими образами, которые имеют действительное отношение к световой игре Сатурна. При этом взаимодействии между Духами Огня и тепловыми телами Сатурна в общий процесс развития вводятся теперь зачатки человеческих органов чувств. Органы, посредством которых человек в настоящее время воспринимает физический мир, вспыхивают в своих первых тонких эфирных зачатках. Внутри Сатурна и сверхчувственному восприятию становятся доступными человеческие фантомы, не являющие в себе ничего, кроме световых прообразов органов чувств. Эти органы чувств являются, таким образом, плодом деятельности Духов Огня; но в их образовании участвуют не только эти духи. Одновременно с Духами Огня на арене Сатурна выступают другие существа. Существа, достигшие такого высокого развития, что они могут пользоваться этими зачатками чувств для созерцания мировых процессов в жизни Сатурна. Это «Духи Любви» (в христианстве — «Серафимы»). Не будь их, Духи Огня не могли бы иметь описанного выше сознания. Они созерцают процессы на Сатурне с таким сознанием, которое дает им возможность переносить их, как образы, на Духов Огня. Сами же они отказываются от всех преимуществ, которые они могли бы иметь через созерцание процессов на Сатурне от всякого наслаждения, от всякой радости; они отдают все это, чтобы этим могли воспользоваться Духи Огня.

За этими событиями следует новый период бытия Сатурна. К световой игре присоединяется нечто другое. Многим может показаться бредом, если высказать то, что представляется тогда сверхчувственному познанию. Внутри в Сатурне как бы волнуются и переливаются вкусовые ощущения. Сладкое, горькое, кислое и т. д. наблюдается в различных местах внутри Сатурна; а вовне, в небесном пространстве, все это воспринимается как звук, как своего рода музыка.

Во время этих событий некоторые существа снова находят возможность развить деятельность на Сатурне. Это «Сыны Сумерек или Жизни» (в христианстве — «Angeloï», «Ангелы»). Они вступают во взаимодействие с находящимися внутри Сатурна приливающими и отливающими вкусовыми силами. Благодаря этому их эфирное, или жизненное, тело развивает такую деятельность, что ее можно обозначить как своего рода обмен веществ. Они вносят жизнь вовнутрь Сатурна. Благодаря этому в Сатурне происходят процессы питания и выделения. Но не Ангелы непосредственно вызывают эти процессы, а *благодаря их деятельности* возникают они. Эта внутренняя жизнь дает возможность вступить в мировое тело еще другим существам — «Духам Гармонии» (в христианстве — «Херувимам»). Они сообщают «Сынам Жизни» род смутного сознания. Оно еще более смутно и сумеречно, чем сновидческое сознание современного человека. Это такое же сознание, какое присуще человеку во время сна без сновидений. Оно ведь настолько значительно, что как бы «совсем не доходит до сознания» человека. Однако оно существует. Оно отличается от дневного сознания по степени, а также и по роду. Такое же «сонное сознание без сновидений» имеют в настоящее время растения. Если оно и не доставляет никаких восприятий внешнего мира в человеческом смысле, то все же управляет жизненными процессами и приводит их в гармонию с внешними мировыми процессами. На той ступени Сатурна, о которой идет речь, «Сыны Жизни» не могут воспринимать этого управления, но «Духи Гармонии» воспринимают его, поэтому они и являются действительными руководителями. Вся эта жизнь разыгрывается в упомянутых уже человеческих фантомах. Поэтому они являются духовному взору оживленными; но их жизнь есть все же только кажущаяся жизнь. Это жизнь «Сынов Жизни», которые некоторым образом пользуются, — чтобы изжить себя, — человеческими фантомами.

Направим теперь внимание на эти человеческие фантомы с кажущейся жизнью. Во время описанного периода Сатурна форма их постоянно меняется. Они бывают похожи то на один образ, то на другой. В дальнейшем ходе развития образы становятся более определенными; кратковременно пребывающими. Это происходит от того, что они проникаются теперь действиями духов, описанных уже в начале развития Сатурна, а именно — «Духов Воли» («Престолов»). Вследствие этого сам человеческий фантом приобретает простейшую и самую смутную форму сознания. Эту форму сознания нужно представить себе еще более смутной, чем сознание во время сна без сновидений. В современных условиях такое сознание имеют минералы. Оно приводит внутреннюю сущность в созвучие с физическим внешним миром. На Сатурне «Духи Воли» управляют этим созвучием. И вследствие этого человек оказывается как бы отпечатком самой жизни Сатурна. Человек являет на этой ступени в малом виде то же самое, что жизнь Сатурна в большом. И этим был заложен первый зачаток того, что и в теперешнем человеке находится еще в зародыше: зачаток «Духочеловека» (Атма). Вовнутрь (в Сатурне) эта смутная человеческая воля открывается сверхчувственному восприятию в своих действиях, которые можно сравнить с «запахами». Наружу, в небесное пространство, исходит проявление как бы от личности, но только не руководимой внутренним «Я», а управляемой, как машина, извне. Управляют этим «Духи Воли».

Если окинуть предыдущее взглядом, станет ясно, что, начиная с описанного среднего состояния развития Сатурна, ступени этого развития можно было характеризовать путем сравнения их действий с ощущением современных органов чувств. Можно было сказать: развитие Сатурна проявляется как теплота; затем к этому присоединяется световая игра, далее — вкусовая и звуковая игра; наконец, выступает нечто, что вовнутрь Сатурна проявляется, как ощущения запахов, а наружу — как машинообразно действующее человеческое «Я». Как предстает перед сверхчувственным сознанием развитие Сатурна до теплого состояния? Этого нельзя сравнить решительно ни с чем, доступным внешнему чувственному ощущению. Тепловому состоянию предшествует такое, которое в настоящее время человек переживает только в своем внутреннем существе. Когда он отдается представлениям, которые он сам образует в своей душе, — причем побуждение к ним не бывает навязано ему внешним впечатлением, — то он имеет в себе нечто, чего не могут воспринимать физические чувства, и что скорее может быть воспринято только высшим зрением ясновидящего. Тепловому состоянию Сатурна предшествуют проявления, которые могут стать восприятиями только для ясновидящего. Три таких состояния могут быть названы: чисто душевная теплота, не воспринимаемая внешне; чисто духовный свет, который внешне есть тьма; и, наконец, духовно сущностное, законченное в самом себе и не нуждающееся ни в каком внешнем существе, чтобы осознать себя. Чистая внутренняя теплота сопровождает появление «Духов Движения»; чистый духовный свет — появление «Духов Мудрости»; чистая внутренняя сущность связана с первым излиянием «Духов Воли».

Итак, с появлением теплоты Сатурна наше развитие выступает впервые из внутренней жизни, из чистой духовности во внешне проявляющееся бытие. Особенно трудно будет освоиться с этим современному сознанию, если с тепловым состоянием Сатурна впервые появляется также и то, что называют «временем». Предыдущие состояния вовсе не временны. Они принадлежат к той области, которую в духовной науке можно назвать «областью пребывающего» (Dauer). Поэтому все, что говорится в этой книге о таких состояниях в «области пребывающего», надо понимать так, что

выражения, касающиеся временных условий, употребляются только для сравнения и пояснения. То, что некоторым образом предшествует «времени», может быть охарактеризовано на человеческом языке только при помощи выражений, заключающих в себе представление о времени. Надо помнить, что хотя первое, второе и третье состояния Сатурна вовсе не следовали в нашем смысле «одно за другим», однако их нельзя описать иначе, как следующими одно за другим. Впрочем, несмотря на свою «пребываемость» или одновременность, они зависят друг от друга таким образом, что эту зависимость можно сравнить с последовательностью во времени.

Этим указанием на первые состояния развития Сатурна проливается свет и на все дальнейшие вопросы о «происхождении» этих состояний. Чисто рассудочно, конечно, вполне возможно относительно каждого начала спрашивать опять о «начале этого начала». Но по отношению к фактам это неприменимо. Достаточно только представить себе это на сравнении. Когда мы находим где-нибудь на дороге колею, то мы можем спросить: откуда она взялась? Нам могут ответить: от повозки. Далее можно спросить опять: откуда ехала эта повозка и куда? Опять возможен ответ, основанный на фактах. Затем можно еще спросить: кто сидел в повозке, какие намерения были у лица, которое в ней ехало, что оно делало? Наконец, мы придем к такой точке, когда все вопросы должны естественно прекратиться в силу самих фактов. Кто будет продолжать спрашивать и после этого, тот удалится от цели первоначально поставленного вопроса. Он только как бы по шаблону будет еще продолжать ставить вопросы. В случаях, подобных только что приведенному здесь для сравнения, легко заметить, где факты ставят предел вопросам. Не так легко уяснить себе это по отношению к великим мировым вопросам. Но при действительно точном рассмотрении мы все-таки заметим, что все вопросы на тему «откуда» должны прекратиться при вышеописанных состояниях Сатурна. Ибо здесь мы касаемся области, где существа и события обосновываются уже не тем, откуда они происходят, а сами собой.

Результатом развития Сатурна является достижение человеческим зачатком известной ступени развития. Он достигает низшего, смутного сознания, о котором была речь выше. Не следует представлять себе, что его развитие начинается лишь в последней стадии Сатурна. «Духи Воли» действуют на протяжении всех состояний. Но только в последнем периоде результат выступает для сверхчувственного восприятия особенно явственно. Вообще нет резкой границы между деятельностями отдельных групп существ. Когда говорится: сперва действуют «Духи Мудрости» и т. д., то это не значит, что они действуют только тогда. Они действуют в течение всего развития Сатурна; но только в указанные периоды их действие можно лучше всего наблюдать. Отдельные существа имеют тогда как бы водительство.

Таким образом, все развитие Сатурна является работою Духов Мудрости, Движения, Формы и т. д. над тем, что было излито «Духами Воли». Эти духовные существа при этом сами проходят развитие. Например, «Духи Мудрости», после того как они получили свою жизнь отраженной от Сатурна, стоят уже на другой ступени, чем раньше. Плод этой деятельности повышает способности их собственного существа. Следствием этого является то, что по завершении этой деятельности для них наступает нечто, подобное сну для человека. За периодами их деятельности по отношению к Сатурну следуют такие, в течение которых они как бы живут в иных мирах. Тогда их деятельность бывает отвращена от Сатурна. Поэтому ясновидящее восприятие видит в описанном развитии Сатурна период подъема и понижения. Подъем продолжается до образования теплового состояния. Затем, вместе со световой игрой, начинается уже отлив. И далее, когда

человеческие фантомы, благодаря «Духам Воли», принимают образ, духовные существа мало-помалу отходят: развитие Сатурна замирает; оно исчезает как таковое. Наступает своего рода промежуток покоя. Человеческий зачаток переходит при этом как бы в состояние растворения; но это не такое состояние, при котором он исчезает; оно скорее похоже на состояние зерна, покоящегося в земле, чтобы стать новым растением. Так покоится человеческий зачаток в лоне мира для нового пробуждения. И когда наступает срок его пробуждения, то и вышеописанные духовные существа приобретают уже себе в иных условиях способности, благодаря которым могут работать далее над человеческим зачатком. «Духи Мудрости» приобрели в своем эфирном теле способности не только наслаждаться отражением жизни, как на Сатурне; они в состоянии теперь изливать из себя жизнь и одарять ею других существ. «Духи Движения» находятся теперь на той ступени, на которой были на Сатурне «Духи Мудрости». Низшим членом их существ было там астральное тело. Теперь им присуще эфирное, или жизненное тело. Сообразно этому и другие духовные существа поднялись на следующую ступень развития. Поэтому все эти духовные существа при дальнейшем развитии человеческого зачатка могут действовать иначе, чем они действовали на Сатурне. Но в конце развития Сатурна зачаток человека растворился. Для того, чтобы развившиеся дальше духовные существа могли снова начать свою деятельность там, где они ее прекратили, этот зачаток человека должен еще раз кратко повторить те ступени, которые он прошел на Сатурне. Это именно и наблюдается сверхчувственным восприятием. Человеческий зачаток выступает из своего скрытого состояния и начинает самостоятельно развиваться при помощи сил, которые были привиты ему на Сатурне. Он выходит из тьмы как волевое существо, достигает видимости жизни, душевности и т. д., вплоть до того машинообразного проявления личности, которое было у него в конце развития Сатурна.

Результатом второго из упомянутых периодов развития, «ступени Солнца», является подъем человеческого существа к более высокому состоянию сознания, чем то, которого оно достигло на Сатурне. По сравнению с нынешним сознанием человека, это солнечное состояние, конечно, может быть названо «бессознательностью». Ибо оно до некоторой степени подобно тому, в котором находится теперь человек во время сна, совершенно лишённого сновидений. Или его можно также сравнить с низшей ступенью сознания, в котором теперь дремлет наш растительный мир. Для сверхчувственного созерцания не существует «бессознательности», а только различные степени сознательности. Все в мире сознательно. Человеческое существо приобретает в течение развития Солнца более высокую степень сознания благодаря тому, что в него включается тогда эфирное, или жизненное тело. Прежде чем это может произойти, должны, как сказано выше, повториться состояния Сатурна. Это повторение имеет совершенно определенный смысл. А именно, по истечении промежутка покоя, о котором была речь в предыдущем изложении, то, что было прежде Сатурном, выступает из «мирового сна» как новое мировое тело, как Солнце. Но вместе с тем изменились и условия развития. Духовные существа, деятельность которых на Сатурне была уже описана, поднялись до других состояний. Но на новообразовавшемся Солнце зачаток человека является вначале тем, чем он стал на Сатурне. Он должен сначала так преобразить те различные стадии развития, которые он усвоил на Сатурне, чтобы они подходили к условиям на Солнце. Поэтому эпоха Солнца начинается с повторения событий Сатурна, причем они приспособляются к изменившимся условиям жизни Солнца. Когда человеческое существо настолько подвинулось, что достигнутая им на Сатурне высота развития

оказалась в соответствии с условиями на Солнце, то названные «Духи Мудрости» начинают изливать в физическое тело эфирное, или жизненное тело. Итак, более высокая ступень, которой человек достигает на Солнце, может быть охарактеризована тем, что образовавшееся уже на Сатурне в зачатке физическое тело поднимается на вторую ступень совершенства, становясь носителем эфирного, или жизненного тела. Это эфирное, или жизненное тело достигает во время солнечного развития первой степени своего совершенства. Но чтобы физическое тело достигло второй степени совершенства, а жизненное тело — первой, необходимо было в дальнейшем ходе солнечной жизни вмешательство других духовных существ — подобно тому, как это было уже описано относительно ступени Сатурна. Когда «Духи Мудрости» начинают свое излияние жизненного тела, то Солнце, бывшее до тех пор темным, начинает светиться. Одновременно с этим в зачатке человека наступают первые проявления внутренней деятельности; начинается жизнь. То, что на Сатурне пришлось охарактеризовать как видимость жизни, становится теперь действительной жизнью. Это излияние продолжается некоторое время. По истечении этого времени для человеческого зачатка наступает важная перемена, а именно, он расчленяется на две части. Если прежде физическое тело и жизненное тело составляли одно целое, будучи тесно связаны между собою, то теперь физическое тело начинает отделяться как особая часть. Но и это отделившееся физическое тело остается проникнуто жизненным телом. Таким образом, мы имеем теперь дело с двучленным человеческим существом. Одна часть есть переработанное жизненным телом физическое тело, другая часть только жизненное тело. Но это отделение протекает в течение одного из промежутков покоя солнечной жизни. Во время этого промежутка наступившее уже свечение снова погасает. Разделение происходит как бы во время «мировой ночи». Однако этот период покоя гораздо короче упомянутого выше промежутка между развитием Сатурна и Солнца. По истечении периода покоя «Духи Мудрости» продолжают некоторое время так же работать над двучленным человеческим существом, как они это делали прежде над одночленным. Затем начинают свою деятельность «Духи Движения». Они пронизывают своим собственным астральным телом жизненное тело человеческого существа. Благодаря этому последнее приобретает способность совершать известные внутренние движения в физическом теле. Это движения, которые можно сравнить с движением соков в современном растении.

Тело Сатурна состояло из одной только тепловой субстанции. Во время солнечного развития эта тепловая субстанция уплотняется до состояния, которое можно сравнить с современным состоянием газа или пара. Это то состояние, которое можно обозначить как «воздух». Первые признаки такого состояния сказываются после того, как «Духи Движения» начали свою деятельность. Сверхчувственному сознанию представляется следующее зрелище. Внутри тепловой субстанции появляется нечто вроде тонких образований, которые силами эфирного тела приводятся в упорядоченные движения. Эти образования являют физическое тело человеческого существа на соответствующей ему теперь ступени развития. Они совершенно проникнуты теплотой, а также как бы заключены в тепловую оболочку. Эти тепловые образования с включенными в них воздушными формами — последние находятся в упорядоченном движении — можно назвать в физическом отношении человеческим существом. Поэтому, если придерживаться вышеприведенного сравнения с современным растением, то нужно помнить, что мы имеем дело не с плотным растительным образованием, а с воздушным или газовым*. обликом, движение которого можно сравнить с движениями соков в

современном растении. По истечении некоторого времени наступает снова период покоя; после него продолжают действовать Духи Движения, пока к их деятельности не присоединяется деятельность Духов Формы. Их действие заключается в том, что постоянно менявшиеся дотоле газовые образования принимают пребывающие формы. И это также происходит благодаря тому, что Духи Формы дают изливаться и вливаться своим силам в жизненное тело человеческого существа. Газовые образования прежде, когда на них действовали одни только Духи Движения, находились в непрерывном движении, ни на одно мгновение не сохраняли они своего облика. Теперь же они мимолетно принимают различимые формы. Спустя некоторое время снова наступает период покоя; после него Духи Формы опять продолжают свою деятельность. А затем наступают совершенно новые условия в развитии Солнца.

* Газ открывается ясновидящему сознанию через световое действие, которое от него исходит. Поэтому можно было бы говорить также о световых обликах, открывающихся духовному зрению.

В этот момент Солнце достигло середины своего развития. Тем временем Духи Личности, достигшие на Сатурне своей человеческой ступени, восходят к более высокой степени совершенства. Они поднимаются выше этой ступени. Они достигают сознания, которого еще не имеет современный человек на нашей Земле при обыкновенном ходе своего развития. Он достигнет его, когда Земля, т. е. четвертая из планетарных ступеней развития, придет к своей цели и вступит в следующий планетарный период. Тогда человек будет воспринимать вокруг себя не только то, что ему сообщают внешние физические чувства, но будет в состоянии наблюдать в образах внутренние душевные состояния окружающих его существ. Он будет иметь образное сознание, однако при сохранении полного самосознания. В его созерцании образов не будет ничего сновидческого, смутного, но он будет воспринимать душевное, хотя и в образах, однако так, что эти образы будут выражением действительности, как теперь физические краски и звуки. В настоящее время человек только при помощи духовнонаучного обучения может подняться к такому созерцанию. Об этом обучении будет говориться на дальнейших страницах этой книги. Этого созерцания достигают как нормального дара своего развития, Духи Личности в середине ступени Солнца. И именно благодаря этому они приобретают способность во время солнечного развития действовать на новообразовавшееся жизненное тело человеческого существа таким же образом, каким они действовали на Сатурне на физическое тело. Как там теплота отражала им их собственную личность, так теперь газовые образования отражают им в световом сиянии образы их созерцающего сознания. Они сверхчувственно созерцают то, что происходит на Солнце. И это созерцание отнюдь не есть одно простое наблюдение. Это происходит так, как если бы в образах, излучающихся от Солнца, проявлялась часть той силы, которую земной человек называет любовью. И если ясновидчески всмотреться точнее, то можно найти причину этого явления. В излучаемый Солнцем свет внесли свою деятельность высокие существа. Это названные уже выше «Духи Любви» (в христианстве — «Серафимы»). Они работают отныне вместе с Духами Личности над человеческим эфирным, или жизненным телом. Благодаря этой деятельности само эфирное тело поднимается на одну ступень выше на пути своего развития. Оно приобретает способность не только видоизменять находящиеся в нем газовые образования, но и так обрабатывать их, что появляются первые признаки размножения живых человеческих существ. Из сформировавшихся газовых образований как бы

изгоняются (выпотеваются) выделения, которые слагаются в облики, похожие на свои материнские образования.

Для характеристики дальнейшего развития Солнца необходимо указать на один факт мирового становления, имеющий величайшее значение. Он заключается в том, что в течение каждой эпохи отнюдь не все существа достигают цели своего развития. Некоторые из них отстают на пути к этой цели.

Так, во время развития Сатурна не все Духи Личности действительно достигли предназначенной им там ступени человечества, как было описано выше. А также и не все образовавшиеся на Сатурне физические человеческие тела достигли степени зрелости, делающие их способными стать на Солнце носителями самостоятельного жизненного тела. В результате этого на Солнце оказываются существа и образования, которые не подходят к его условиям. Они должны теперь во время развития Солнца нагнать упущенное на Сатурне. Поэтому во время ступени Солнца духовно можно наблюдать следующее. Когда Духи Мудрости начинают свое излияние жизненного тела, Солнце как бы мутнеет. Оно пронизывается образованиями, которые принадлежат еще к собственно Сатурну. Это тепловые образования, которые не в состоянии соответственным образом уплотниться в воздухе. Это человеческие существа, отставшие на ступени Сатурна. Они не могут стать носителями правильно развившегося жизненного тела. То, что осталось таким образом от тепловой субстанции Сатурна, расчленяется на Солнце на две части. Одна часть как бы впитывается человеческими телами и она образует отныне внутри человеческого существа род его низшей природы. Так принимает человеческое существо на Солнце в свою телесность нечто такое, что отвечает собственно ступени Сатурна. Как тело человека на Сатурне дало возможность Духам Личности подняться на ступень человечества, так теперь эта сатурническая часть человека совершает на Солнце то же самое для Духов Огня. Они поднимаются на ступень человечества, пронизывая эту сатурническую часть человеческого существа излиянием своих сил, как это совершали на Сатурне Духи Личности. Это происходит также в середине солнечного развития. К этому времени сатурническая часть человеческого существа оказывается настолько созревшей, что при помощи ее Духи Огня (Archangeloi) могут пройти свою человеческую ступень. Другая часть тепловой субстанции Сатурна отчленяется и приобретает самостоятельное бытие наряду с человеческими существами Солнца. Эта часть образует теперь второе царство рядом с человеческим. Царство, которое вырабатывает на Солнце одно только совершенно самостоятельное физическое тело, и притом как тепловое тело. Вследствие этого вполне развившиеся Духи Личности не могут направлять свою деятельность на самостоятельное жизненное тело, как было описано выше. Но ведь и некоторые Духи Личности отстали на ступени Сатурна. Они не достигли тогда ступени человечества. Между ними и приобретшим самостоятельность вторым солнечным царством существует притяжение. Они должны теперь на Солнце так относиться к отставшему царству, как их ушедшие вперед собратья относились к человеческим существам еще на Сатурне. Ведь они там тоже создали лишь физическое тело. Но на самом Солнце отставшим Духам Личности не представляется возможности для такой работы. Поэтому они выделяются из Солнца и образуют вне его самостоятельное мировое тело. Таким образом, оно выступает из Солнца. С него действуют отставшие Духи Личности на описанных существах второго солнечного царства. Так создались два мировых образования из одного, которое было прежде Сатурном. Солнце имеет отныне в своем окружении второе мировое тело, которое представляет своего рода возрождение Сатурна, новый Сатурн. С этого Сатурна второму

солнечному царству сообщается характер личности. Поэтому внутри этого царства мы имеем дело с существами, которые на самом Солнце не обладают личностью. Но они отражают Духам Личности на новом Сатурне их собственную личность. Сверхчувственное сознание может наблюдать среди человеческих существ на Солнце тепловые силы, которые принимают участие в правильном развитии Солнца и в которых надо видеть деятельность упомянутых духов нового Сатурна.

Относительно человеческого существа в середине развития Солнца нужно принять во внимание следующее. Оно расчленено на физическое тело и жизненное тело. В нем протекает деятельность ушедших вперед Духов Личности в союзе с деятельностью Духов Любви. К физическому телу примешана часть отставшей сатурнической природы. В ней протекает деятельность Духов Огня. Во всем, что создают Духи Огня в отставшей сатурнической природе, нужно видеть предвестники современных органов чувств земного человека. Было показано, как уже на Сатурне в тепловой субстанции эти Духи Огня были заняты выработкой зачатков органов чувств. В том, что было совершено Духами Личности в союзе с Духами Любви (Серафимами), можно признать первый зачаток современных человеческих желез. Но вышесказанным не исчерпывается работа живущих на новом Сатурне Духов Личности. Они простирают свою деятельность не только на названное второе солнечное царство, но устанавливают также род связи между этим царством и человеческими чувствами. Тепловые субстанции этого царства вливаются и изливаются через человеческие зачатки чувств. Благодаря этому человеческое существо приходит на Солнце к своего рода восприятию находящегося вне его низшего царства. Это восприятие, естественно, только смутное, вполне соответствующее смутному сатурническому сознанию, о котором была речь выше. И оно состоит главным образом из различных тепловых действий.

Все сказанное здесь относительно середины развития Солнца продолжается в течение некоторого времени. Затем снова наступает промежуток покоя. После него некоторое время все идет таким же образом дальше до того момента в развитии, когда человеческое эфирное тело становится настолько зрелым, что отныне может начаться совместная работа «Сынов Жизни» (Ангелов) и «Духов Гармонии» (Херувимов). Теперь для сверхчувственного сознания наступают внутри человеческого существа откровения, которые можно сравнить с вкусовыми восприятиями и которые вовне проявляются как звуки. Нечто подобное было уже сказано относительно развития Сатурна. Только здесь, на Солнце, все это является в человеческом существе более внутренним, исполненным более самостоятельной жизни. Благодаря этому «Сыны Жизни» приобретают то смутное образное сознание, которого достигли Духи Огня на Сатурне. «Духи Гармонии» (Херувимы) помогают им в этом. Собственно, это они ясновидчески созерцают то, что совершается теперь в развитии Солнца. Только они отказываются от всех плодов этого созерцания, от ощущения возникающих полных мудрости образов и дают им вливаться, подобно великолепным волшебным явлениям, в сновидческое сознание «Сынов Жизни». Последние же в свою очередь внедряют эти образы своего созерцания в эфирное тело человека, так что оно достигает все более высоких ступеней развития. Снова наступает промежуток покоя; снова все восстает от мирового сна, и после того, как вышеописанное состояние продлилось еще некоторое время, человеческое существо оказывается настолько зрелым, что может теперь привести в движение собственные силы. Это те силы, которые в конце периода Сатурна были влиты в человеческое существо Престолами. Это человеческое существо разливается, живя внутренней жизнью, которую в ее проявлении для ясновидящего сознания можно сравнить с внутренним восприятием

запаха. Наружу же, в небесное пространство, это человеческое существо проявляется как личность, но, разумеется, такая, которая не управляется внутренним «Я». Оно представляется скорее растением, которое действует как личность. Относительно конца развития Сатурна было уже указано, что личность проявлялась как машина. И как там развился первый зачаток того, что и в современном человеке находится еще в зачаточном состоянии, а именно «Духоче ловека» (Атма), так и здесь образуется первый зачаток «Жизнедуха» (Будхи). После того как все это продолжалось в течение некоторого времени, снова наступает промежуток покоя. Как и раньше в подобных случаях, после этого перерыва деятельность человеческого существа продолжается еще некоторое время.

Затем наступают условия, которые представляются как новое воздействие Духов Мудрости. Благодаря ему человеческое существо приобретает способность ощущать первые признаки симпатии и антипатии к своему окружающему. Во всем этом еще нет настоящего ощущения, но есть, однако, предвестие ощущения. Ибо внутренняя жизнедеятельность, которую в ее проявлении можно было охарактеризовать как восприятие запаха, сказывается наружу в своего рода примитивном языке. Если внутренне воспринимается вызывающий симпатию запах — или вкус, или мерцание, и т. д., — то человеческое существо выражает это наружу звуком, и тоже самое происходит соответственным образом при внутренне несимпатичном восприятии. Благодаря всем описанным событиям достигается настоящий смысл развития Солнца для человеческого существа. Оно поднялось на более высокую ступень сознания сравнительно с тем, какое оно имело на Сатурне. Это есть сонное сознание.

Спустя некоторое время наступает момент в развитии, когда связанные с солнечной ступенью высшие существа должны перейти в другие сферы, чтобы переработать то, что они сами заложили в себе своею деятельностью над человеческим существом. Наступает великий промежуток покоя, какой был между развитием Сатурна и Солнца. Все, что образовалось на Солнце, переходит в состояние, которое можно сравнить с состоянием растения, когда его растительные силы покоятся в семени. Но подобно тому, как силы роста снова выступают на свет в новом растении, так после промежутка покоя выступает вновь из мирового лона вся бывшая на Солнце жизнь и начинается новое планетарное бытие. Смысл такого периода покоя — «мирового сна» — станет понятен, если обратить духовный взор на один из названных родов существ, например, на Духов Мудрости. На Сатурне они не были еще на такой ступени, чтобы мочь излить из себя эфирное тело. Лишь благодаря переживаниям, которые они имели на Сатурне, они подготовились к этому. Во время перерыва они превращают теперь то, что было в них только подготовлено, в действительную способность. Таким образом, на Солнце они оказываются на такой высоте, что могут излить из себя жизнь и одарить) человеческое существо жизненным телом.

После промежутка покоя из «мирового сна» опять выступает то, что было прежде Солнцем. Это значит, что оно опять становится доступно силам ясновидящего восприятия, которые могли наблюдать его раньше и для которых оно исчезло во время промежутка покоя. Но в этом вновь выступившем планетарном существе, которое в тайноведении может быть названо «Луною» (и которое не следует смешивать с частью его, каковою является в настоящее время земная луна), обнаруживается двойное. Во-первых, то, что во время периода Солнца отделилось как «новый Сатурн», снова находится внутри нового планетарного существа. Итак, этот Сатурн во время

промежутка покоя опять соединился с Солнцем. Все, что было в первом Сатурне, выступает пока снова как единое мировое образование. Во-вторых, образовавшиеся на Солнце жизненные тела человеческого существа во время промежутка покоя были впитаны тем, что образует духовную оболочку планеты. Так что в этот момент они не являются в соединении с отвечающими им физическими человеческими телами, но последние выступают пока сами по себе. Хотя они содержат в себе все, что было в них выработано на Сатурне и Солнце, им не достает эфирного, или жизненного тела. Да они и не могут тотчас же принять в себя это эфирное тело, ибо оно само во время промежутка покоя прошло через развитие, к которому они еще не приспособлены. Для достижения этой приспособленности, в начале лунного развития наступает прежде всего новое повторение событий Сатурна. Физическое человеческое существо проходит при этом повторно ступени развития Сатурна, но только при совершенно изменившихся условиях. На Сатурне в нем действовали только силы теплового тела, теперь же в нем находятся также и силы выработанного газового тела. Но последние выступают не тотчас же в начале развития Луны. В начале все обстоит так, как если бы человеческое существо состояло только из тепловой субстанции и внутри ее дремали силы газа. Затем приходит время, когда появляются их первые признаки. И наконец, в последнем периоде повторения Сатурна, человеческое существо выглядит уже так, как во время своего живого состояния на Солнце. Но вся жизнь оказывается еще призрачной жизнью. Сперва наступает промежуток покоя, подобный кратким перерывам во время солнечного развития.

Затем вновь начинается излияние жизненного тела, для которого физическое тело теперь созрело. Это излияние, как и повторение Сатурна, происходит опять в течение трех отличных друг от друга эпох. Во время второй из этих эпох человеческое существо настолько, приспособлено к новым условиям Луны, что Духи Движения могут обратить в дело приобретенную ими способность. Она заключается в том, что они из своей собственной сущности вливают в человеческие существа астральное тело. Они подготовились к этой работе в течение солнечного развития, а в период покоя между Солнцем и Луной претворили подготовленное в означенную способность. Это излияние опять продолжается некоторое время, затем наступает один из малых промежутков покоя. После него излияние продолжается до тех пор, пока не начинают своей деятельности Духи Формы. Благодаря тому, что Духи Движения вливают астральное тело в человеческое существо, последнее приобретает первые душевные качества. Оно начинает сопровождать ощущениями процессы, которые совершаются в нем благодаря обладанию жизненным телом и которые во время солнечного развития были растительного характера, и начинает чувствовать благодаря им удовольствие (Lust) и неудовольствие (Unlust). Но оно остается при такой смене внутренних приливов и отливов удовольствия и неудовольствия, пока в дело не вступают Духи Формы. Тогда эти сменяющиеся чувства подвергаются превращению и в человеческом существе появляется то, что можно рассматривать как первый признак желания и вожделения. Существо стремится к повторению того, что доставило ему однажды удовольствие, и старается избежать того, что оно ощутило как что-то неприятное. Но так как Духи Формы не отдают человеческому существу своей собственной сущности, а лишь вливают и изливают свои силы, то вожделение лишено внутренней жизни и самостоятельности. Оно направляется Духами Формы. Оно носит инстинктивный характер.

На Сатурне физическое тело человеческого существа было тепловым телом; на Солнце наступило уплотнение до состояния газа или «воздуха». Так как во время развития Луны вливается астральное, то физическое в определенный момент достигает дальнейшей ступени уплотнения; оно приходит в состояние, которое можно сравнить с современной жидкостью. Это состояние может быть обозначено как «вода». Но под этим подразумевается не наша нынешняя вода, а всякая жидкая форма бытия. Физическое человеческое тело принимает теперь постепенно форму, состоящую из трех родов вещественных образований. Самым плотным является «водное тело»; оно пронизывается воздушными течениями, а все в целом проникнуто, в свою очередь, тепловыми действиями.

Но и во время солнечной ступени не все образования достигли соответствующей полной зрелости. Поэтому на Луне находятся образования, которые стоят еще на сатурнической ступени, и такие, которые достигли только солнечной ступени. Вследствие этого, наряду с правильно развившимся человеческим царством возникают два других царства. Одно, состоящее из существ, остановившихся на ступени Сатурна и имеющих поэтому только физическое тело, которое и на Луне не может еще стать носителем самостоятельного жизненного тела. Это низшее царство Луны. Второе состоит из существ, оставшихся на ступени Солнца и не достигших поэтому достаточной зрелости, чтобы включить в себя на Луне самостоятельное астральное тело. Они образуют особое царство между только что названным и правильно развившимся человеческим царством. Но происходит еще и нечто другое: вещества с одними только тепловыми силами и вещества с одними только воздушными силами также пропитывают человеческие существа. Таким образом выходит, что эти существа содержат в себе на Луне сатурническую и солнечную природу. Вследствие этого в человеческой природе происходит своего рода раздвоение. И когда начинается деятельность Духов Формы, это раздвоение вызывает в лунном развитии нечто очень значительное. В мировом лунном теле начинает подготавливаться расщепление. Часть его субстанции и его существа отделяется от остального. Из единого мирового тела образуются два. Одно из них некоторые высокие существа, которые еще раньше были тесно связаны с единым мировым телом, делают местом своего обитания. Другое же занимают человеческие существа, оба выше охарактеризованные низшие царства и некоторые высшие существа, не перешедшие на первое из мировых тел. Одно из этих мировых тел с высшими существами является как возрожденное и утонченное Солнце; другое же есть новообразование в собственном смысле, «древняя Луна» — как третье после сатурнического и солнечного планетарное воплощение нашей Земли. Из возникших на Луне субстанций возрожденное Солнце берет с собою при своем отделении только «теплоту» и «воздух»; на том, что осталось как Луна, кроме этих двух субстанций можно обнаружить еще водное состояние. Этим разделением достигается то, что вышедшие вместе с возродившимся Солнцем существа не задерживаются пока в своем дальнейшем развитии более плотными лунными существами. Таким образом, они могут беспрепятственно продвигаться в своем собственном становлении. Но тем самым они приобретают еще большую силу, чтобы действовать теперь извне, со своего Солнца, на лунных существ. И эти последние также приобретают благодаря этому новые возможности развития. С ними остались соединенными прежде всего Духи Формы. Они закрепляют вожеления и природу желаний, и это постепенно выражается в дальнейшем уплотнении физического тела человеческих существ. То, что до этого было в этом теле водным, принимает тягуче-жидкую форму; соответственным же образом уплотняются и

воздухообразные и тепловые образования. Сходные процессы происходят и в обоих низших царствах.

В результате выделения лунного тела из солнечного первое относится к последнему так, как некогда тело Сатурна относилось ко всему окружающему мировому развитию. Тело Сатурна было образовано из тела «Духов Воли» (Престолов). Из его субстанции излучалось обратно в мировое пространство все то, что переживали находившиеся в его окружении вышеназванные духовные существа. И благодаря последующим событиям это отражение постепенно пробуждалось к самостоятельной жизни. Ведь всякое развитие основано на том, что сначала из окружающей жизни отделяется самостоятельное существо; потом в отделившемся существе, как бы через отражение, запечатлевается окружающее, а затем это отделившееся существо самостоятельно развивается дальше. Так и лунное тело отделилось от солнечного и отражало вначале жизнь солнечного тела. Если бы не произошло ничего другого, то мы имели бы дело со следующим мировым процессом. Существовало бы солнечное тело, в котором приспособленные к этому телу духовные существа имели бы свои переживания в тепловой и воздушной стихии. Наряду с этим солнечным телом было бы лунное тело, в котором другие существа, однородные с солнечными, развивали бы свои переживания в тепловой, воздушной и водной среде. Следующий шаг от солнечного воплощения к лунному заключался бы в том, что солнечные существа имели бы перед собой свою собственную жизнь, как бы отраженную лунными процессами, и, таким образом, могли бы наслаждаться ею, что было для них еще невозможно во время солнечного воплощения. Но развитие не остановилось на этом процессе. Произошло нечто, имевшее наиглубочайшее значение для всего последующего развития. Некоторые существа, приспособленные к лунному телу, завладевают находящейся в их распоряжении стихией воли (наследием Престолов) и развивают через это собственную жизнь, которая слагается независимо от солнечной жизни. Наряду с лунными переживаниями, находящимися под одним только солнечным влиянием, возникают самостоятельные лунные переживания: состояние как бы мятежа и восстания против солнечных существ. И различные возникшие на Солнце и Луне царства, прежде всего царство предков человека, вовлекаются в эти состояния. Вследствие этого лунное тело духовно и вещественно заключает в себе двоякую жизнь: одну, которая стоит в тесной связи с солнечной жизнью, и другую, которая «отпала» от нее и идет независимыми путями. Это расчленение на двоякую жизнь сказывается отныне во всех последующих событиях лунного воплощения.

То, что представляется ясновидящему сознанию в этот период развития, можно охарактеризовать в следующих образах. Вся основная масса Луны образована из полуживого вещества, находящегося то в замедленном, то в более живом движении. Но это еще не минеральная масса в смысле каменных пород и других составных частей Земли, по которым ступает современный человек. Можно было бы назвать это царством растений-минералов; только нужно представить себе, что все основное тело Луны состоит из этой растительно-минеральной субстанции подобно тому, как в наше время Земля — из каменных пород, пахотной земли и т. д. Как в наше время громоздятся скалистые глыбы, так в лунной массе отлагались более твердые части, которые можно сравнить с твердыми древесными или роговыми образованиями. И как теперь растения поднимаются из минеральной почвы, так почва Луны была покрыта и проникнута вторым царством, состоящим из своего рода растений-животных. Их субстанция была мягче, чем основная масса, и подвижнее в самой себе. Подобно вязкому морю это

царство тянулось над другим царством. И сам человек мог быть обозначен как человеко-животное. Он заключал в своей природе составные части двух других царств. Но его существо было всецело пронизано жизненным и астральным телами, на которые действовали исходящие из отделившегося Солнца силы высших существ. Таким образом облагораживался его облик. Духи Формы дали ему облик, благодаря которому он оказался приспособленным к лунной жизни, тогда как Духи Солнца сделали его существом, возвысившимся над этой жизнью. Он имел силу облагородить свою собственную природу с помощью дарованных ему этими духами способностей и даже поднять на более высокую ступень то, что было в нем сродного с низшими царствами.

С духовной точки зрения события, о которых здесь говорится, могут быть описаны следующим образом. Предок человека был облагорожен существами, отпавшими от солнечного царства. Это облагораживание простиралось прежде всего на все, что могло быть пережито в стихии воды. На эту стихию солнечные существа, господствовавшие в стихиях теплоты и воздуха, имели меньше влияния. Следствием этого для предка человека было то, что в его организации стали оказывать действие два рода существ. Одна часть этой организации была совершенно проникнута действиями солнечных существ. В другой части действовали отпавшие лунные существа. Вследствие этого последняя часть была самостоятельнее первой. В первой могли возникать лишь такие состояния сознания, в которых жили солнечные существа; в последней же жило своего рода мировое сознание, как оно было присуще состоянию Сатурна, но только теперь на более высокой ступени. Благодаря этому предок человека представлялся себе «отображением мира», между тем как его «солнечная часть» чувствовала себя только «отображением Солнца». И в человеческой природе оба эти существа вступили теперь в своего рода борьбу. И в эту борьбу влияние солнечных существ внесло равновесие тем, что сделало вещественную организацию, которая обуславливала самостоятельное мировое сознание, преходящей и подверженной разрушению. Эта часть организации от времени до времени подлежала выделению. В течение выделения и некоторое время спустя предок человека являлся существом, зависевшим от одного только солнечного влияния. Его сознание становилось менее самостоятельным: он жил в нем, совершенно отдавшись солнечной жизни. Затем самостоятельная лунная часть опять возобновлялась. Спустя некоторое время этот процесс неизменно повторялся. Так предок человека жил на Луне в сменяющихся состояниях более ясного и более смутного сознания; и эта смена сопровождалась изменением его существа в вещественном отношении. Он время от времени слагал с себя лунное тело и затем снова принимал его.

С физической точки зрения означенные царства Луны обнаруживают большое разнообразие. Минералы-растения, растения-животные и животные-люди различаются по группам. Это станет понятным, если принять во внимание, что, благодаря отставанию некоторых образований, на каждой из прежних ступеней развития воплощались формы самых разнообразных качеств. Существуют образования, являющие первоначальные качества Сатурна, образования средней эпохи этого мирового тела и конца его. То же самое относится и ко всем ступеням развития Солнца.

И подобно тому как отстают связанные с развивающимся мировым телом образования, так происходит это и с некоторыми существами, связанными с этим развитием. Благодаря тому, что ход мирового становления дошел до Луны, возникло уже несколько ступеней таких существ. Существуют Духи Личности, не достигшие еще на Солнце своей ступени человечества; но есть и такие, которые на Луне довели свое восхождение до человеческой ступени. Отстали также и некоторые из Духов Огня,

которые на Солнце должны были стать людьми. Как во время солнечного развития некоторые отставшие Духи Личности выступили из солнечного тела и дали возникнуть Сатурну как особому мировому телу, так происходит это и в течение лунного развития: некоторые из вышеописанных существ выделяются на особые мировые тела. До сих пор говорилось лишь о разделении на Солнце и Луну; но по указанным причинам из лунного тела, появившегося после большого солнечно-лунного перерыва, отделяются еще и другие мировые образования. Через некоторое время мы имеем дело с системой мировых тел; наиболее развитым из них, как это легко усмотреть, следует считать новое Солнце. И такое же притяжение, какое было между отставшими царствами Сатурна и Духами Личности на новом Сатурне, как это было описано выше относительно солнечного развития, образуется теперь между каждым из таких мировых тел и соответствующими лунными существами. Если бы мы захотели проследить здесь в отдельности все возникающие мировые тела, это повело бы слишком далеко. Достаточно было указать на причину, почему из единого мирового образования, которое в начале развития человечества появляется как Сатурн, постепенно выделяется ряд мировых тел.

После того, как началась деятельность Духов Формы на Луне, развитие в том роде, как это было изложено, продолжается некоторое время дальше. Затем снова наступает перерыв. В течение его более грубые части трех лунных царств остаются в состоянии своего рода покоя, а более тонкие части, особенно астральное тело человеческих существ, отделяются от этих более грубых образований. Они приходят в такое состояние, в котором высшие силы возвышенных солнечных существ могут особенно сильно действовать на них. После промежутка покоя они опять проникают собою те части человеческого существа, которые состоят из более грубых веществ. Тем, что они в течение перерыва — в свободном состоянии — приняли в себя эти мощные силы, они могут сделать грубые вещества зрелыми для действия, которое после некоторого времени должно быть оказано на них правильно развившимися Духами Личности и Духами Огня.

Эти Духи Личности поднялись тем временем на ступень, на которой они обладают «инспиративным сознанием». Они могут теперь не только воспринимать в образах внутренние состояния других существ, как это было при ясновидящем образном сознании, но им стал доступен как бы на духовном языке звуков и внутренний мир самих этих существ. Духи же Огня поднялись до той высоты сознания, которая была присуща Духам Личности на Солнце. Поэтому оба эти рода духов могут воздействовать на созревшую жизнь человеческого существа. Духи Личности действуют на астральное, а Духи Огня на эфирное тело человеческого существа. Астральное тело благодаря этому получает характер личности. Оно не только переживает теперь в себе радость и страдание, но также и относит их к себе. У него нет еще полного сознания «Я», которое говорит себе: «Я есмь»; но оно чувствует себя несомым и хранимым другими существами из своего окружающего. И как бы взирая на них, оно может сказать себе: мое бытие держится этим окружающим. Духи Огня действуют теперь на эфирное тело. Под их влиянием движение сил в эфирном теле становится все более и более внутренней жизнедеятельностью. То, что возникает при этом, находит свое физическое выражение в движении соков и в явлениях роста. Газовые субстанции уплотнились в водные; можно говорить о своего рода питании в том смысле, что воспринятое извне изменяется и перерабатывается внутри. Если помыслить себе нечто среднее между питанием и дыханием в современном смысле, то можно получить представление о том, что происходило тогда в этом направлении. Питательные вещества черпались человеческим

существом из царства растений-животных. Эти растения-животные следует представлять себе паряще-плавающим и — или же слегка приросшими — в окружающей их стихии, подобно тому, как современные низшие животные живут в воде, или надземные животные — в воздухе. Однако эта стихия не есть ни вода, ни воздух в современном смысле, а нечто среднее из них: род густого пара, в котором, как бы растворенные в самых разнообразных течениях, движутся туда и сюда самые различные субстанции. Растения-животные являются только как бы уплотненными, правильными (regelmäßige) формами этой стихии, физически часто лишь мало отличающимися от своей среды. Процесс дыхания существует наряду с процессом питания. Он не таков, как на Земле, а является как бы вбиранием в себя и изливанием теплоты. Для ясновидящего наблюдения это происходит так, как если бы при этих процессах раскрывались и снова закрывались органы, через которые входит и выходит согревающий поток, а также вводятся и выводятся воздухо- и водообразные субстанции. И так как человеческое существо на этой ступени своего развития уже обладает астральным телом, то это дыхание и питание сопровождается чувствами, так что возникает своего рода наслаждение, когда воспринимаются извне такие вещества, которые благоприятны для построения человеческого существа. Когда же вливаются или даже только приближаются вредные вещества, то это вызывает неудовольствие. Как процесс дыхания во время развития Луны описанным образом был близок к процессу питания, так процесс представления был близок к размножению. От вещей и существ в окружении лунного человека не исходило непосредственного воздействия на какие-нибудь чувства. Представление было скорее таково, что присутствие этих веществ и существ вызывало образы в смутном сумеречном сознании. Эти образы находились в гораздо более тесной связи с действительной природой окружающего, чем современные чувственные восприятия, которые в красках, звуках, запахах и т. д. являются только как бы внешней стороной существ. Чтобы иметь более ясное понятие о сознании лунных людей, надо представить себе их как бы погруженными в вышеописанное парообразное окружение. В этой стихии густого тумана происходят самые разнообразные процессы. Соединяются между собой вещества, отделяются друг от друга субстанции. Одни части сгущаются, другие разрежаются. Все это совершается так, что человеческие существа не видят и не слышат этого непосредственно, но оно вызывает образы в человеческом сознании. Эти образы можно сравнить с образами современного сновидческого сознания — подобно тому, как спящий человек при падении какого-нибудь предмета воспринимает не действительное происшествие, а какой-нибудь образ; например, ему кажется, что был сделан выстрел. Только образы лунного сознания не бывают произвольными, как образы сновидений: хотя они и символические образы, а не отображения, однако соответствуют внешним событиям. При определенном внешнем событии возникает и совершенно определенный образ. Благодаря этому лунный человек оказывается в состоянии сообразовать свое поведение с этими образами, как современный человек — со своими восприятиями. Нужно только принять во внимание, что поступки, основанные на восприятиях, зависят от нашей воли, между тем как действия, совершаемые под влиянием указанных образов, происходят как бы по смутному побуждению. Это образное сознание отнюдь не таково, что через него становятся наглядными одни только внешние физические процессы, но эти образы представляют также и господствующих за физическими фактами духовных существ и их деятельность. Таким образом, в явлениях животно-растительного царства становятся как бы видимыми Духи Личности; в минерально-растительном мире и за ним проявляются Духи Огня; что же касается Сынов Жизни, то они являются существами,

которых человек может представить себе без всякой связи с чем-либо физическим и которых он созерцает в виде как бы эфирно-душевных образований. Если даже эти представления лунного сознания и не были отображениями, а только символическими образами внешнего мира, все равно они оказывали гораздо более значительное влияние на внутренний мир человеческого существа, чем современные представления, получаемые людьми путем восприятия. Они могли приводить в движение и деятельность весь его внутренний мир. Сообразно с ними слагались внутренние процессы. Они были созидательными силами в собственном смысле. Человеческое существо стало таким, каким сложили его эти созидательные силы. Оно стало как бы отображением процессов своего сознания.

Чем дальше ход подобного развития, тем больше оно приводит к тому, что в человеческом существе происходит глубокая перемена. Сила, исходящая из образов сознания, мало-помалу теряет свою прежнюю власть над всей человеческой телесностью. Последняя делится на две части, на две природы. Образуются такие члены, которые подлежат созидающему влиянию образного сознания; они становятся в высокой степени отображением жизни представлений в вышеизложенном смысле. Но другие органы уклоняются от этого влияния. В одной части своего существа человек является как бы слишком уплотненным, слишком подчиненным другим законам, чтобы руководствоваться образами сознания. Эти органы не поддаются влиянию человеческого существа; но они подпадают под другое, а именно под влияние самих возвышенных солнечных существ. Однако можно видеть, как этой ступени развития сперва предшествует промежуток покоя. Во время этого перерыва солнечные духи накапливают силы, чтобы действовать на лунных существ при совершенно новых условиях. После этого промежутка покоя человеческое существо оказывается ясно расщепленным на две природы. Одна из них не подлежит самостоятельному действию образного сознания, она принимает более определенный образ и подпадает под влияние сил, которые, хотя и исходят от лунного тела, однако возникают в нем только через влияние солнечных существ. Эта часть человеческого существа все более и более живет жизнью, которая пробуждается Солнцем. Другая часть выступает из первой наподобие своего рода головы. Она подвижна в самой себе, пластична и слагается сообразно смутной жизни человеческого сознания. Однако обе части тесно связаны между собой; они посылают друг другу свои соки; их члены простираются из одной части в другую.

Глубокая и многозначительная гармония достигается тем, что в то время, когда все это происходило, между Солнцем и Луной установилось отношение, согласное с направлением этого развития. В другом месте, было уже указано (сравн. стр. 162), как существа, подвигаясь вперед и проходя ступени своего развития, обособляют для себя из общей мировой массы небесные тела. Они как бы излучают силы, по которым распределяются вещества. Солнце и Луна отделились друг от друга так, как это было необходимо для образования мест обитаний соответственных существ. Но такая обусловленность вещества и его сил духом простирается гораздо дальше. Сами существа обуславливают также известные движения мировых тел, определенные вращения их друг вокруг друга. Вследствие этого тела принимают меняющиеся взаимные положения. И когда меняется положение одного мирового тела по отношению к другому, то меняются и взаимодействия отвечающих им существа. Так произошло с Солнцем и Луною. Вследствие возникшего движения Луны вокруг Солнца человеческие существа попеременно попадают то в сферу солнечного влияния, то отвращаются от него и бывают тогда более предоставлены самим себе. Движение является следствием

описанного выше «отпадения» некоторых лунных существ и нового равновесия, обусловленного вызванной этим отпадением борьбой. Оно есть только физическое выражение для созданного отпадением духовного соотношения сил. Движение одного тела вокруг другого приводит к тому, что в населяющих мировые тела существа наступает описанная выше смена состояний сознания. Можно сказать, что Луна попеременно то обращает к Солнцу, то отвращает от него свою жизнь. Существует солнечное время и планетарное время, в течение которого лунные существа развиваются на той стороне Луны, которая не обращена к Солнцу. Правда, на Луне к движению небесных тел присоединяется еще и нечто другое. Обращая взор в прошлое, ясновидящее сознание может отчетливо видеть, как в совершенно правильные промежутки времени лунные существа странствуют кругом по своему мировому телу. Так, в известные времена они посещают места, где могут отдаваться солнечному влиянию; в другие периоды они направляются к местам, где они не подвержены этому влиянию и могут как бы углубляться в себя.

Для пополнения рисуемой эти события картины нужно еще принять во внимание, что в это время «Сыны Жизни» достигают своей ступени человечества. Человек и на Луне еще не может пользоваться для собственного восприятия внешних предметов своими органами чувств, зачатки которых возникли уже на Сатурне. Но эти органы чувств становятся на лунной ступени орудиями «Сынов Жизни». Они пользуются ими, чтобы воспринимать через них. Эти органы чувств, принадлежащие к физическому телу человека, вступают таким образом во взаимоотношение с «Сынами Жизни». Эти последние не только пользуются ими, но и совершенствуют их.

Но, как уже было сказано выше, благодаря смене отношений к Солнцу в самом человеческом существе наступает перемена в его жизненных условиях. Дело складывается так, что когда человеческое существо бывает подвержено солнечному влиянию, оно больше отдается солнечной жизни и ее проявлениям, чем самому себе. Оно ощущает в такие времена величие и великолепие вселенной, как они выражаются в солнечном бытии. Оно как бы впитывает их в себя. На Луну действуют тогда возвышенные существа, которые обитают на Солнце. А Луна в свою очередь действует на человеческое существо. Однако это действие распространяется не на всего человека, но преимущественно на те его части, которые не подвержены влиянию образов его собственного сознания. Известного размера и облика достигают тогда в особенности физическое и жизненное тело. Но зато проявления сознания отступают назад. Когда же человеческое существо в своей жизни отвращено от Солнца, оно бывает занято своей собственной природой. Тогда начинается внутренняя подвижность, особенно в астральном теле. Зато внешний облик становится более невзрачным, менее законченным по форме. Так во время лунного развития существуют эти два охарактеризованных, сменяющих друг друга состояния сознания, которые надо ясно различать, — более смутное в течение солнечного периода и более ясное в то время, когда жизнь предоставлена больше самой себе. Хотя первое состояние более смутно, но зато оно и более самоотрешенно. Человек живет тогда, отдаваясь больше внешнему миру и отраженной в Солнце вселенной. Эту смену состояний сознания можно сравнить со сменой сна и бодрствования у современного человека, а также с его жизнью между рождением и смертью с одной стороны, и более духовным бытием между смертью и новым рождением с другой стороны. Пробуждение на Луне, когда постепенно прекращается солнечный период, можно охарактеризовать как нечто среднее между происходящим каждое утро пробуждением современного человека и его рождением. И

точно так же постепенное затемнение сознания при приближении солнечного периода подобно среднему состоянию между засыпанием и смертью. Ибо того сознания о рождении и смерти, какое присуще современному человеку, на древней Луне еще не существовало. В своего рода солнечной жизни человек отдавался наслаждению этой жизнью. Но в это время он был отрешен от жизни в себе. Он жил более духовно. Можно попытаться дать только приблизительное и сравнительное описание того, что переживал человек в такие времена. Он чувствовал, что в него будто вливались, в нем пульсировали созидательные силы вселенной. Он чувствовал себя тогда как бы опьяненным гармониями вселенной, которые он сопереживал. Его астральное тело в такие времена было как бы высвобождено из физического тела. Вместе с ним выступала из физического тела также и часть жизненного тела. И это состоящее из астрального и жизненного тела образование было подобно тонкому, изумительному музыкальному орудию, на струнах которого звучали мистерии вселенной. И в согласии с гармониями вселенной слагались члены той части человеческого существа, на которую сознание имело лишь слабое влияние.

Ибо в этих гармониях действовали солнечные существа. Так через действие духовных мировых звуков эта часть человека получила свою форму. И при этом смена между более ясным состоянием сознания во время солнечного периода и более смутным не была такой резкой, как смена между бодрствованием и сном без сновидений у современного человека. Правда, образное сознание не было таким ясным, как современное бодрствующее сознание; но зато и другое сознание не было так смутно, как в настоящее время сон без сновидений. Таким образом, человеческое существо имело своего рода представление, хотя и пониженное, об игре мировых гармоний в своем физическом теле и в той части эфирного, которая оставалась в связи с физическим телом. В те времена, когда Солнце как бы не светило для человеческого существа, вместо гармоний в сознании появлялись образные представления. Тогда особенно оживали те члены в физическом и эфирном теле, которые стояли под непосредственной властью сознания. Зато другие части человеческого существа, на которые тогда не действовали с Солнца созидавшие их силы, проходили своего рода процессы отвердения или засыхания. И когда затем снова приближалось солнечное время, эти старые тела распадались; они отделялись от человеческого существа, и как бы из могилы своей прежней телесности вставал заново сложившийся внутренне, хотя еще и невзрачный в этой форме человек. Происходило обновление жизненного процесса. Благодаря действию солнечных существ и их гармоний новорожденное тело слагалось вновь в своем совершенстве, и вышеописанный процесс повторялся снова. И человек ощущал это обновление как облачение в новую одежду. Ядро его сущности не проходило при этом через рождение или смерть в собственном смысле; оно только переходило от духовного звукового сознания, в котором отдавалось внешнему миру, к другому сознанию, в котором было обращено более вовнутрь. Оно сменяло кожу. Старое тело становилось непригодным; оно сбрасывалось и заменялось новым. Этим характеризуется более точно также и то, что было описано выше как своего рода размножение, причем было замечено, что оно приближалось к жизни представлений. Человеческое существо производило подобных себе существ по отношению к определенным частям физического и эфирного тела. Однако возникающее при этом существо не является совершенно отличным от родительского дочерним существом, ибо сущностное ядро первого переходит к последнему. Оно производит не новое существо, а себя самого в новом образе. Так переживает лунный человек смену сознаний. Когда надвигается солнечное

время, его образные представления становятся все бледнее и бледнее, блаженное чувство отдачи себя наполняет его; в его полном покое внутреннем мире звучат мировые гармонии. К концу этого времени образы в астральном теле оживают; оно начинает сильнее чувствовать и ощущать себя. Человек переживает нечто вроде пробуждения от блаженства и покоя, в которые он был погружен во время солнечного периода. Но при этом наступает еще одно значительное переживание. С новым прояснением образов сознания человеческое существо видит себя как бы окутанным в облако, которое подобно некоему существу нисходит на него из вселенной. И оно чувствует это существо как что-то принадлежащее к себе, как дополнение своей собственной природы. Оно чувствует его как то, что дарует ему его бытие; как свое «Я». Это существо — один из «Сынов Жизни». По отношению к нему человек ощущает приблизительно так: «В нем жил я и тогда, когда в солнечное время отдавался великолепию вселенной; только тогда он был для меня невидим, теперь же он становится для меня видимым». От этого же «Сына Жизни» исходит и сила для того действия, которое человек в бессолнечное время оказывает на свою собственную телесность. И затем, когда снова приближается солнечное время, человек чувствует, что он становится как бы единым с «Сыном Жизни». И если он и не видит его, то все же чувствует себя тесно связанным с ним.

Отношение к «Сынам Жизни» было таково, что не каждое отдельное человеческое существо имело своего «Сына Жизни», но целая группа людей ощущала принадлежащим к себе такое существо. Так жили на Луне люди, обособленными в группы, и каждая группа ощущала в одном Сыне Жизни общее «групповое Я». Различие между группами сказывалось в том, что эфирные тела каждой группы имели особый облик. Но так как физические тела слагались сообразно эфирным, то в них и запечатлевались отличия последних. И сколько было отдельных человеческих групп, столько было и видов людей. Когда «Сыны Жизни» взирали на принадлежащие к ним человеческие группы, они видели себя как бы умноженными в отдельных человеческих существах. И в этом чувствовали они свое собственное «Я» (Ichheit). Они как бы отражались в людях. Это и было в то время задачей человеческих органов чувств. Было указано, что они еще не доставляли восприятий предметов. Но они отражали сущность «Сынов Жизни». То, что воспринимали «Сыны Жизни» благодаря этому отражению, сообщало им «сознание своего Я». А то, что вызывалось благодаря этому отражению в человеческом астральном теле, были образы смутного, сумеречного лунного сознания. Последствие такой деятельности человека, протекавшей во взаимодействии с «Сынами Жизни», сказалось в физическом теле в закладке нервной системы. Нервы представляют собой как бы продолжение органов чувств вовнутрь человеческого тела.

Из изложенного видно, как три рода духов — Духи Личности, Духи Огня и Сыны Жизни, действуют на лунного человека. Если принять во внимание главную эпоху развития Луны, а именно середину его, то можно сказать: Духи Личности зарождают в человеческом астральном теле самостоятельность, характер личности. Этим фактом обуславливается то, что в периоды, когда Солнце как бы не светит человеку, он может углубляться в себя, созидательно работать над собой. Духи огня работают над эфирным телом, поскольку оно запечатлеват в себе самостоятельный облик человеческого существа. Благодаря им человеческое существо каждый раз по обновлении тела чувствует себя опять тем же самым. Таким образом, Духи огня сообщают эфирному телу своего рода воспоминание. «Сыны Жизни» действуют на физическое тело так, что оно может сделаться выражением ставшего самостоятельным астрального тела. Таким образом, они дают возможность физическому телу стать физиогномическим

отображением своего астрального тела. Поскольку же физическое и эфирное тела слагаются в солнечные времена независимо от самостоятельного астрального тела, на них воздействуют высшие духовные существа, а именно — Духи Формы и Духи Движения. Их воздействие, как было описано выше, совершается с Солнца.

Под влиянием таких событий человеческое существо достигает необходимой зрелости, чтобы постепенно выработать в себе зачаток «Самодуха», подобно тому, как во второй половине сатурнического развития оно выработало зачаток Духочеловека, а на Солнце — зачаток Жизнедуха. Через это все условия на Луне изменяются. Благодаря последовательным превращениям и обновлениям человеческие существа делались все благороднее и тоньше; но у них прибавлялось также и силы. А благодаря этому образное сознание сохранялось все больше и больше также и в солнечные периоды. Тем самым оно приобретало влияние и на образование физического и эфирного тела, которое прежде зависело всецело от воздействия солнечных существ. То, что совершалось на Луне благодаря человеческим существам и связанным с ними духам, приобретало все большее сходство с тем, что было некогда достигнуто Солнцем с его высшими существами. Вследствие этого солнечные существа могли все больше отстраняться от деятельности, все больше применять свои силы для собственного развития. Благодаря этому Луна созрела для того, чтобы спустя некоторое время снова соединиться с Солнцем. С духовной точки зрения эти события представляются следующим образом. «Отпавшие лунные существа» были постепенно побеждены солнечными существами и должны были отныне покоряться им, так что все совершаемое ими стало включаться в порядке подчинения в действия солнечных существ. Правда, это происходит лишь после того, как этому предшествовали долгие эпохи, когда лунные промежутки становились все короче и короче, а солнечные все длиннее и длиннее. Затем снова наступает развитие, во время которого Солнце и Луна составляют одно мировое образование. Физическое тело человека стало теперь совершенно эфирным. Но когда говорится, что физическое тело стало эфирным, не надо представлять себе, что в применении к таким состояниям нельзя говорить о физическом теле.

То, что образовалось как физическое тело, продолжает существовать во время периодов Сатурна, Солнца и Луны. Дело в том, что надо познавать физическое не только там, где оно проявляется внешне физически. Физическое может существовать и таким образом, что наружу оно являет форму эфирного или даже астрального. Надо делать различие между внешним проявлением и внутренней закономерностью. Физическое может принимать эфирный и астральный характер, но при этом сохранять в себе физическую закономерность. Так происходит это и на Луне, когда физическое тело человека достигает известной степени своего совершенства. Оно становится эфирообразным. Но когда на такое эфирообразное тело направляется ясновидящее сознание, способное наблюдать его, то это тело представляется ему проникнутым законами не эфирного, а физического. Тогда физическое оказывается воспринятым в эфирное, чтобы покоится и быть взлелеянным в нем, как в материнском лоне. Впоследствии оно снова выступает в физической форме, но на более высокой ступени. Если бы человеческие существа Луны сохранили свое физическое тело в грубой физической форме, Луна никогда не могла бы соединиться с Солнцем, Через принятие эфирной формы физическое тело становится более родственным эфирному телу и, таким образом, может снова более тесно проникнуться теми частями эфирного и астрального тела, которые в солнечные эпохи лунного развития должны были выделиться из него. Человек, который во время разделения Солнца и Луны являлся двойственным

существом, снова становится целостным созданием. Физическое делается душевнее, зато и душевное — более соединенным с физическим. На это целостное человеческое существо солнечные духи, в непосредственную область которых оно теперь вступило, могут действовать отныне совсем иначе, чем прежде, когда они действовали на Луну извне. Человек находится теперь в более душевно-духовном окружении. Благодаря этому Духи Мудрости могут оказать на него значительное воздействие. Они наделяют его мудростью. Они одушевляют его мудрость. Через это он становится в известном смысле самостоятельной душой. К влиянию этих существ присоединяется затем еще влияние «Духов Движения». Они действуют главным образом на астральное тело, так что оно вырабатывает в себе под влиянием этих существ душевную подвижность и исполненное мудрости жизненное тело. Это исполненное мудрости эфирное тело есть первый зачаток того, что было описано выше как душа рассудочная современного человека, между тем как пробужденное «Духами Движения» астральное тело есть зачаток души ощущающей. И так как все это совершается в человеческом существе при состоянии повышенной самостоятельности, то эти зачатки души рассудочной и души ощущающей являются выражением «Самодуха». Не следует по этому поводу ошибочно заключать, будто в этот период развития «Само-дух» является чем-то особенным наряду с душой рассудочной и душой ощущающей. Эти последние суть лишь выражения «Самодуха», а он означает их высшее единство и гармонию.

Особенное значение имеет то, что в эту эпоху начинают действовать описанным образом «Духи Мудрости». Их деятельность простирается не только на человеческих существ, но и на другие царства, которые образовались на Луне. Когда Солнце снова соединяется с Луной, эти низшие царства также вовлекаются в солнечную сферу. Все, что было в них физического, принимает эфирный характер. Таким образом, в Солнце находится отныне как человеческое существо, так и минералы-растения и растения-животные. Однако эти существа сохраняют свойственную им закономерность. Поэтому они чувствуют себя чуждыми в окружающем их мире. Присущая им природа мало согласуется с природою их окружения. Но так как они приняли эфирный характер, то действие «Духов Мудрости» может простираться и на них. Все, что перешло с Луны в Солнце, проникается теперь силами «Духов Мудрости». Поэтому то, во что превратилось солнечно-лунное образование в течение этого периода развития, может быть названо в тайноведении «Космосом Мудрости». Когда затем, после промежутка покоя, выступает наша земная система как потомок этого «Космоса Мудрости», то все вновь оживающие на Земле, прорастающие из своих лунных зачатков существа оказываются исполненными мудрости. В этом можно усмотреть основание, почему земной человек, взирая на окружающие его вещи, может открыть в присущей им природе мудрость. Можно дивиться мудрости, заключенной в каждом листочке растения, в каждой кости животного и человека, и чудесном строении мозга и сердца. Раз человек нуждается в мудрости для понимания вещей и извлекает из них, таким образом, мудрость, то это показывает, что мудрость заложена в вещах. Ибо как бы человек ни старался при помощи исполненных мудрости представлений понять вещи, он не мог бы извлечь из них мудрости, если бы она не была в них предварительно заложена. Кто хочет при помощи мудрости понять вещи, о которых он полагает, что они раньше не приняли в себя мудрости, тот способен подумать, что можно почерпнуть воды из стакана, в который ее не было предварительно налито. Земля, как это будет видно дальше из этой книги, есть возрождение «древней Луны», и она является исполненным мудрости

образованием, так как в описанную эпоху «Духи Мудрости» пронизали ее своими силами.

Вполне понятно, что в этом описании лунных условий могли быть даны только некоторые переходные формы развития. В ходе событий пришлось остановиться только на некоторых вещах и выделить их при изложении. Конечно, этот род описания дает только отдельные картины; поэтому в предыдущем можно было, пожалуй, заметить, что развитие не было приведено в систему строго определенных понятий. Но в ответ на такое возражение позволительно, быть может, обратить внимание на то, что описание было вполне намеренно дано в не слишком резко очерченных понятиях. Ибо здесь не столь важно дать спекулятивные понятия и идейные построения, как скорее представление о том, что действительно может предстать духовному взору ясновидящего сознания, обращенному на эти события прошлого. А для лунного развития они вовсе не являют таких резких и определенных очертаний, как земные восприятия. В лунную эпоху мы имеем дело с очень изменчивыми, сменяющимися впечатлениями, с колеблющимися, подвижными образами и их переходами. Кроме того следует принять в соображение, что здесь говорится о развитии в течение долгих-долгих промежутков времени и что при изложении из него можно было удержать лишь мгновенные образы.

В тот момент, когда привитое человеческому существу астральное тело настолько подвинуло вперед его развитие, что его физическое тело дало возможность «Сынам Жизни» достигнуть человеческой ступени, оказывается достигнутой существенная вершина лунной эпохи. Тогда и человеческое существо приобрело все то, что может ему дать эта эпоха для него самого, для его внутренней жизни на его пути «вперед». Последующее, т. е. вторую половину развития Луны, можно было бы поэтому обозначить как отлив. Но мы видим, что как раз в эту эпоху происходит нечто очень значительное как для самого человека, так и для его окружающего. Солнечно-лунному телу насаждается мудрость. Мы видим, что во время этого отлива были заложены зачатки души рассудочной и души ощущающей. Однако лишь в земную эпоху последует развитие как их, так и души сознательной, а вместе с тем и рождение «Я», свободного самосознания. На лунной ступени душа рассудочная и душа ощущающая являются еще совсем не так, как если бы через них проявлялось уже само существо человека, а так, как если бы они были орудиями принадлежащих к нему «Сынов Жизни». Если бы мы захотели охарактеризовать чувство, присущее человеку в этом отношении на Луне, то должны были бы сказать, что он ощущает так: «Во мне и через меня живет «Сын Жизни», он созерцает через меня окружение Луны, он размышляет во мне о явлениях и существах этого окружения». Лунный человек чувствует, что он осенен «Сыном Жизни»; он представляется себе орудием этого высшего существа. И во время разделения Солнца и Луны, когда он отвращался от Солнца, он чувствовал большую самостоятельность. Но при этом у него было и такое ощущение, как если бы принадлежащее к нему «Я», исчезавшее в солнечные времена для образного сознания, становилось для него тогда видимым. То, что можно охарактеризовать как смену состояний сознания, протекало для лунного человека так, что он при этом чувствовал: «В солнечное время мое «Я» уносится со мною в высшие области, к возвышенным существам, а когда Солнце исчезает, оно опускается со мною в низшие миры».

Лунному развитию в собственном смысле предшествовало приготовление. Происходило известного рода повторение развития Сатурна и Солнца. И теперь, после воссоединения Солнца и Луны, в период отлива можно опять различить две эпохи. В это время появляются даже до известной степени физические уплотнения. Таким образом,

духовно-душевные состояния солнечно-лунного образования чередуются с более физическими. В такие физические эпохи человеческие существа, а также и существа низших царств, представляются так, как если бы они в негибких, несамостоятельных формах являли прообразы того, чем они должны будут стать позднее, в земную эпоху, в более самостоятельном виде. Итак, можно говорить о двух подготовительных эпохах лунного развития и о двух других во время периода отлива. В тайноведении такие эпохи могут быть названы «кругооборотами». (В обычной теософской литературе их принято называть «кругами». Однако чтобы избежать слишком схематического представления об этих вещах, нужно помнить данное здесь более образное описание). В том, что следует за двумя подготовительными эпохами и что предшествует эпохам отлива, следовательно, в период отщепления Луны, можно также различить три эпохи. Средняя из них — это то время, когда «Сыны Жизни» достигают ступени человечества. Ей предшествует другая, все условия которой приурочены к этому главному событию; и за ней следует третья, которую можно обозначить как вживание в новые условия и работу в них. Тем самым среднее развитие Луны делится опять на три эпохи, что с двумя подготовительными и двумя эпохами отлива составляет семь лунных кругооборотов. Итак, можно сказать, что все развитие Луны протекает в семи кругооборотах. Между этими кругооборотами лежат промежутки покоя, о которых также неоднократно говорилось в предшествовавшем описании. Однако представление об этом только тогда приблизится к истине, если мы не будем мыслить себе резких переходов между периодами деятельности и покоя. Так, например, солнечные существа мало-помалу оставляют свою деятельность на Луне. Для них наступает время, которое вовне является как бы периодом их покоя, между тем как на самой Луне еще царит живая, самостоятельная деятельность. Так эпоха деятельности одного рода существ захватывает период покоя других. Если принять это во внимание, то можно говорить о ритмическом повышении и понижении сил в кругооборотах. Сходные же подразделения можно различить также и в пределах семи упомянутых лунных кругооборотов. Тогда все лунное развитие можно назвать великим планетным кругооборотом, затем семь подразделений внутри его — «малыми» кругооборотами, а части их — еще более «меньшими» кругооборотами. Это расчленение на семью семь подразделений можно заметить уже в развитии Солнца; оно намечается также и в эпоху Сатурна. Однако надо принять во внимание, что уже у Солнца границы между подразделениями являются лишь слабо заметными; и тем более имеет это место у Сатурна. Эти границы становятся все отчетливее, чем дальше развитие подвигается к земной эпохе.

По окончании очерченного выше лунного развития все относящиеся к нему существа и силы переходят в более духовную форму бытия. Она стоит на совершенно иной ступени, чем во время лунного периода, а также и во время последующего земного развития. Если бы какое-нибудь существо обладало столь высоко развитыми способностями познания, что могло бы воспринимать все частности лунного и земного развития, оно все же не было бы в состоянии созерцать того, что происходит между этими двумя развитиями. В конце лунного развития все существа и силы исчезли бы для него как бы в небытие и, по истечении некоторого промежутка времени, снова выступили бы из сумеречной тьмы мирового лона. Только существо с еще более высокими способностями могло бы проследить духовные события, происходящие в этот промежуток.

В конце этого промежутка существа, участвовавшие в процессах развития на Сатурне, Солнце и Луне, выступают с новыми способностями. Стоящие над человеком существа приобрели благодаря своим предшествовавшим деяниям способность так повлиять на дальнейшее развитие человека, что в земную эпоху он может развернуть в себе род сознания, стоящего ступенью выше, чем то образное сознание, которое было присуще ему в лунную эпоху. Но человек должен быть сначала подготовлен к принятию того, что должно быть ему даровано. Во время развития Сатурна, Солнца и Луны он включил в свое существо физическое тело, жизненное тело и астральное тело. Но эти члены его существа получили только те способности и силы, которые дают им возможность жить образным сознанием; у них нет еще органов и облика, благодаря которым они могли бы воспринимать мир чувственно-внешних предметов, как это отвечает земной ступени. Как новое растение развертывает только то, что заложено в зачатке, происходящем от старого, так в начале новой ступени развития три члена человеческой природы выступают с такими формами и органами, что могут развернуть только образное сознание. Они должны быть сначала подготовлены к раскрытию высшей ступени сознания. Это совершается на трех предварительных ступенях. На первой физическое тело поднимается на такую высоту, что оказывается в состоянии принять необходимое изменение облика, могущее служить основой предметного сознания. Это предварительная ступень земного развития, которую можно обозначить как повторение сатурнического периода на более высокой ступени. Ибо в течение этого периода, как и в эпоху Сатурна, высшие существа работают только над физическим телом. Когда последнее достаточно подвинулось вперед, то все существа должны сначала снова перейти в высшую форму бытия, прежде чем может начать развиваться и жизненное тело. Физическое тело должно быть как бы заново отлито, чтобы затем при своем новом появлении быть в состоянии принять в себя более развитое жизненное тело. После этого промежутка, посвященного более высокой форме бытия, наступает своего рода повторение солнечного развития на более высокой ступени для дальнейшей выработки жизненного тела. И затем, после нового промежутка, в повторении лунного развития наступает нечто подобное и для астрального тела.

Направим теперь внимание на факты, которыми сопровождалось развитие по окончании третьего из описанных повторений. Все существа и силы стали опять духовными. Во время этого состояния духовности они поднялись в высшие миры. Низший из миров, в котором во время этой эпохи духовности можно еще сколько-нибудь воспринимать их, это тот мир, в котором современный человек пребывает между смертью и новым рождением. Это различные области страны духов. Потом они опять постепенно нисходят к низшим мирам. Прежде чем началось физическое развитие Земли, они снисходят уже настолько, что низшие проявления их видимы в астральном, или душевном, мире.

Все, что существует от человека в этот период, имеет еще астральную форму. Для понимания этого состояния человечества следует обратить особое внимание на то, что человек имеет в себе физическое тело, жизненное тело и астральное тело, но что как физическое тело, так и жизненное существуют не в физической и эфирной, а именно в астральной форме. То, что делает физическое тело физическим, не есть физическая форма, а тот факт, что хотя ему присуща астральная форма, однако оно содержит в себе физические законы. Оно существо с физической закономерностью в душевной форме. То же самое относится и к жизненному телу.

Перед духовным взором Земля предстает на этой ступени развития как мировое существо, которое все — душа и дух, так что и физические и жизненные силы проявляются в нем еще душевно. В этом мировом образовании содержится, в своих зачатках, все то, что позже должно превратиться в создания физической Земли. Оно светится, но свет его еще не таков, чтобы его могли воспринимать физические глаза, если бы они и были тогда. Оно светится только душевным светом для открытого взора ясновидящего.

В этом существе происходит нечто, что можно обозначить как уплотнение. Спустя некоторое время внутри душевного образования появляется, как результат этого уплотнения, огненная форма, какую был Сатурн в своем самом плотном состоянии. Эта огненная форма пронизана действиями различных существ, участвующих в развитии. Взаимодействие между этими существами и небесным телом можно наблюдать как восхождение с этого земного огненного шара и погружение в него. Поэтому земной огненный шар не является однообразной субстанцией, а как бы одушевленным и одухотворенным организмом. Существа, предназначенные стать на Земле людьми в их современном облике, находятся тогда еще в таком состоянии, что меньше всего участвуют в погружении в огненное тело. Они пребывают еще почти всецело в неуплотненном окружении. Они находятся еще в лоне высших духовных существ. На этой ступени они лишь одной точкой своей душевной формы касаются огненной Земли; и это ведет к тому, что теплота сгущает одну часть их астральной формы. Благодаря этому в них загорается земная жизнь. Итак, большею частью своего существа они принадлежат еще душевно-духовным мирам; только благодаря соприкосновению с земным огнем они овеваются жизненной теплотой. Если бы мы захотели составить себе чувственно-сверхчувственный образ этого человека в начале физического периода Земли, то должны были бы представить себе душевную яйцевидную форму, которая находится в окружности Земли и нижняя часть которой заключена, как желудь, в чашечку. Но только субстанция этой чашечки состоит исключительно из теплоты или огня. Такое состояние окутанности теплотою имеет последствием не только то, что в человеке зажигается жизнь; одновременно с этим наступает и изменение в астральном теле. В него включается первый зачаток того, что впоследствии становится душой ощущающей. Поэтому можно сказать, что человек на этой ступени своего бытия состоит из души ощущающей, астрального тела, жизненного тела и сотканного из огня физического тела. В астральном теле приливают и отливают духовные существа, участвующие в бытии человека; посредством души ощущающей человек чувствует себя связанным с телом Земли. Таким образом, в это время у него преобладает образное сознание, в котором раскрываются духовные существа, в лоне которых оно покоится; и лишь подобно точке внутри этого сознания возникает ощущение соответственного тела. Он как бы взирает из духовного мира вниз на земное достояние, относительно которого он чувствует: «Это тебе».

Все дальше подвигается уплотнение Земли; и вместе с тем все отчетливее становится описанное расчленение в человеке. С определенного момента развития Земля оказывается настолько уплотненной, что только часть ее остается еще огненной; другая часть приняла субстанциальную форму, которую можно обозначить как «газ» или «воздух». Но и с человеком происходит перемена. Он теперь не только соприкасается с земной теплотой, но в его огненное тело включается воздушная субстанция. И как теплота зажгла в нем жизнь, так овевающий его воздух вызывает в нем действие, которое можно обозначить, как (духовный) звук. Его жизненное тело начинает звучать.

Одновременно из астрального тела выделяется часть, являющаяся первым зачатком выступающей позднее души рассудочной. Чтобы представить, что происходит в это время в душе человека, нужно иметь в виду, что в воздушно-огненном теле Земли приливают и отливают стоящие над человеком духовные существа. В огненной Земле для человека прежде всего имеют значение «Духи Личности».

И когда человек земной теплотой пробуждается к жизни, его душа ощущающая говорит себе: «Это Духи Личности». Равным образом, в воздушном теле проявляются те существа, которые в этой книге были названы (в духе христианской эзотерики) «Архангелами». И когда человека овеивает воздух, он ощущает их действие как звук. И душа рассудочная говорит себе при этом: «Это Архангелы». Таким образом, то, что человек воспринимает на этой ступени через свою связь с Землей, не есть еще совокупность физических предметов, но он живет в поднимающихся к нему ощущениях тепла и в звуках; в этих тепловых течениях и в этом волнующемся море звуков он смутно чувствует «Духов Личности» и «Архангелов». Правда, он не может воспринимать этих существ непосредственно, а только как бы сквозь покров теплоты и звука. В то время, как эти восприятия с Земли проникают в его душу, в ней все еще продолжают приливать и отливать образы высших существ, в лоне которых он себя чувствует.

Но развитие Земли подвигается дальше. Это движение вперед выражается опять-таки в уплотнении. В состав земного тела включается водная субстанция, так что оно состоит теперь из трех членов: огненного, воздухообразного и водного. Перед этим разыгрывается важное событие. Из огненно-воздушной Земли отщепляется самостоятельное мировое тело, которое затем в своем дальнейшем развитии становится современным Солнцем. До этого Земля и Солнце составляли одно тело. После отщепления Солнца Земля содержит в себе еще все то, что находится и на современной Луне. Отделение Солнца происходит потому, что высшие существа для своего развития и для того, что им надлежит сделать для Земли, не могут более переносить уплотнившейся до воды материи. Они выделяют из общей земной массы единственно пригодные для себя субстанции и удаляются из нее, чтобы образовать себе в Солнце новое место обитания. Они действуют теперь на Землю с Солнца извне. Человек же нуждается для своего дальнейшего развития в такой арене, на которой вещество продолжает уплотняться еще дальше.

С включением в состав земного тела водной субстанции происходит изменение и с человеком. Теперь не только струится в него огонь и овеивает его воздух, но в его физическое тело включается и водная субстанция. Одновременно изменяется и его эфирная часть; а именно, человек воспринимает ее теперь как тонкое световое тело. Прежде человек чувствовал, как с Земли поднимались к нему тепловые течения; он ощущал через звучание, как проникал к нему воздух; теперь же его огненно-воздушное тело пронизано еще и водной стихией, и ее прилив и отлив он видит как вспыхивание и угасание света. Но и в душе его произошла перемена. К зачаткам души ощущающей и души рассудочной присоединяется зачаток души сознательной. В стихии воды действуют «Ангелы»; они же суть в собственном смысле и возбудители света. Человек ощущает это так, словно они являются ему в свете. Некоторые высшие существа, бывшие раньше в самом земном теле, действуют на него отныне с Солнца. Через это меняются все действия на Земле. Прикованный к Земле человек не мог бы больше чують в себе действий солнечных существ, если бы душа его была постоянно обращена к Земле, из которой взято его физическое тело. Отныне наступает смена в человеческих

состояниях сознания. Солнечные существа в известные промежутки отрывают душу человека от физического тела, так что человек пребывает теперь попеременно то чисто душевно в лоне солнечных существ, то в таком состоянии, когда он связан с телом и принимает влияние Земли. Когда он в физическом теле, к нему поднимаются тепловые течения. Вокруг него звучат воздушные массы, в него вторгаются и из него исторгаются воды. Когда же человек вне своего тела, душа его исполнена образов высших существ, в лоне которых он находится. Земля переживает на этой ступени своего развития два периода. Во время одного из них она может овеять человеческие души своими субстанциями и облекать их телами; во время второго души удаляются от нее: у нее остаются только тела. Она вместе с человеческими существами находится в состоянии сна. Можно в точном смысле говорить о том, что в эти времена давнего прошлого Земля переживает период дня и ночи. (Физически-пространственно это выражается в том, что вследствие взаимного действия солнечных и земных существ Земля приходит в движение по отношению к Солнцу; этим вызывается смена означенных периодов ночи и дня. День бывает тогда, когда поверхность Земли, на которой развивается человек, обращена к Солнцу; ночь же, т. е. то время, когда человек ведет чисто душевное существование, бывает тогда, когда эта поверхность отвращена от Солнца. Не следует, однако, думать, что в те отдаленные времена движение Земли вокруг Солнца было уже похоже на современное. Условия были еще совсем иными. Но полезно уже и здесь получить предчувствие, что движения небесных тел возникают, как следствие отношений, которые существуют между населяющими их духовными существами. Небесные тела приводятся духовно-душевными причинами в такие положения и движения, что духовные состояния могут изживаться в физическом).

Если бы мы обратили взор на Землю во время ее ночи, то увидели бы ее тело похожим на труп. Ибо она состоит тогда большей частью из распадающихся тел людей, души которых находятся в иной форме бытия. Сложные водные и воздушные образования, из которых состояли человеческие тела, распадаются и растворяются в остальной земной массе. Только та часть человеческого тела, которая образовалась с начала развития через совместное действие огня и души человека и которая впоследствии становилась все плотнее, продолжает существовать как внешне невзрачный зачаток. Поэтому то, что сказано здесь о периодах дня и ночи, не следует мыслить слишком похожим на то, что подразумевается под этими обозначениями для современного состояния Земли. Когда же с наступлением дня Земля снова подпадает под непосредственное воздействие Солнца, человеческие души проникают в область физической жизни. Они соприкасаются с этими зачатками и побуждают их к росту, так что они принимают внешний облик, который является отображением человеческого душевного существа. То, что происходит между человеческой душой и зачатком тела, является чем-то вроде нежного оплодотворения. Эти воплощенные таким образом души начинают снова притягивать воздушные и водные массы и включать их в состав своего тела. Расчлененное тело выталкивает из себя и вбирает в себя воздух — первый зачаток будущего процесса дыхания. Вбирается и выталкивается также и вода — начинается род первоначального процесса питания. Но эти процессы еще не воспринимаются как внешние. Только при описанном виде оплодотворения в душе наступает своего рода внешнее восприятие. Душа смутно чувствует тогда свое пробуждение к физическому бытию, прикасаясь к зародышу, который несет ей навстречу Земля. Она воспринимает тогда нечто, что можно выразить приблизительно словами: «Это мой образ». И это чувство, которое можно было бы также назвать пробуждающимся чувством «Я»,

сохраняется у души в течение всей ее связи с физическим телом. Процесс же вбирания воздуха душа ощущает еще всецело душевно-духовно, как образный процесс. Он проявляется в форме приливающих и отливающих звуковых образов, которые сообщают формы слагающемуся зачатку. Душа чувствует себя всюду окруженной волнами звуков и ощущает, как она, сообразно этим звуковым силам, вырабатывает себе тело. Так слагались на тогдашней ступени человеческие образы, которых современное сознание не может наблюдать во внешнем мире. Они слагаются в тонковещественные формы, подобные растениям или цветам; но только эти формы внутренне подвижны и представляются поэтому как бы трепещущими цветами. И человек в свой земной период переживает блаженное чувство своего созидания в такие формы. Вбирание водных частей ощущается в душе как приток сил, как внутреннее укрепление. Вовне оно проявляется как рост физического облика человека. По мере того, как убывает непосредственное воздействие Солнца, человеческая душа теряет силу господствовать над этими процессами. Эти части мало-помалу отбрасываются. Остаются только те части, которые способствуют созреванию охарактеризованного выше зачатка. Человек покидает свое тело и возвращается к духовной форме бытия. (Так как не все части тела Земли идут на построение человеческих тел, то не надо представлять себе, что в свой ночной период Земля состоит единственно из распадающихся трупов и из ожидающих пробуждения зачатков. Все это внедрено в другие образования, которые слагаются из субстанции Земли. Как обстоит дело с последними, будет видно из дальнейшего).

Тем временем процесс уплотнения земной субстанции идет дальше. К водной стихии присоединяется твердая, или «земная» в смысле духовной науки). Вместе с тем и человек начинает во время своего земного периода включать в состав своего тела земную стихию. Как только начинается это включение, силы, которые душа приносит с собой из своего свободного от тела периода, теряют свою прежнюю власть. Раньше душа строила свое тело из огневой, воздушной и водной стихии, сообразно звучащим вокруг нее звукам и овевавшим ее световым образам. По отношению к отвердевшему образу душа не может больше этого делать. В построении начинают участвовать теперь другие силы. То, что остается теперь от человека после ухода души из тела, представляет собой не только зачаток, возбуждаемый к жизни возвращающейся душой, но образование, содержащее в самом себе также и силу этого оживления. Душа при своем уходе не только оставляет на Земле свое отображение, но и погружает в это отображение часть своей оживляющей силы. При новом появлении на Земле она уже не может более одна пробудить отображение к жизни, но это пробуждение должно произойти и в самом отображении. Духовные существа, действующие на Землю с Солнца, сохраняют в человеческом теле оживляющую силу и в то время, когда самого человека нет на Земле. Таким образом, душа чувствует при своем воплощении не только овевающие ее волны звуков и световых образов, в которых она ощущает ближайшие из стоящих над нею существ, но через принятие земной стихии переживает влияние также и тех еще более высоких существ, которые избрали своею ареною Солнце. Прежде человек ощущал себя принадлежащим к духовно-душевым существам, с которыми он был соединен, когда находился вне тела. Его «Я» было еще в их лоне. Теперь это «Я» выступило перед ним при его физическом воплощении таким же образом, как и все другое, окружающее его в это время. Отныне на Земле были самостоятельные отображения душевно-духовного человеческого существа. По сравнению с современным человеческим телом это были образования из тонкой вещественности. Ибо земные части примешивались к ним лишь в самом тонком состоянии, вроде того, как современный человек воспринимает органом

обоняния тонко развеянные вещества какого-нибудь предмета. Человеческие тела были как тени. Но так как они были распределены по всей Земле, то попадали под воздействия Земли, которые на различных частях ее поверхности были различного рода. Если прежде телесные отображения соответствовали оживляющему их душевному человеку и поэтому в существенном были одинаковы по всей Земле, то теперь среди человеческих форм наступило различие. Этим было подготовлено то, что выступило впоследствии как различие рас. Но с наступлением самостоятельности телесного человека прежняя тесная связь земного человека и духовно-душевного мира до известной степени ослабла. Отныне, когда душа оставляла тело, оно как бы продолжало жить своей жизнью. Если бы развитие продолжало идти дальше в этом направлении, то Земля под влиянием своей твердой стихии должна была бы затвердеть. Взору ясновидящего, направленному на эти условия, видно, как человеческие тела, будучи покинуты своими душами, все больше отвердевают, так что спустя некоторое время человеческие души, возвращаясь на Землю, не нашли бы пригодного материала, с которым они могли бы соединиться. Все пригодные для человека вещества были бы израсходованы на то, чтобы наполнить Землю одревенелыми остатками воплощений.

Тогда наступило событие, давшее всему развитию другое направление. Все, что в твердом земном веществе могло вести к окончательному отвердению, выделилось. Наша современная Луна покинула в то время Землю. И то, что прежде непосредственно способствовало в Земле образованию пребывающих форм, стало действовать теперь косвенно и ослабленным образом с Луны. Высшие существа, от которых зависит это формообразование, постановили посылать свои воздействия Земле уже не изнутри ее, а извне. Благодаря этому в телесных человеческих образованиях появилось различие, которое следует обозначить как начало разделения на мужской и женский пол. Тонковещественные человеческие образы, населявшие дотоле Землю, производили через совместное действие в себе обеих сил — зачатка и оживляющей силы — новую человеческую форму, своего потомка. Теперь эти потомки изменились. В одной группе этих потомков действовала сильнее зачаточная сила духовно-душевного, а в другой группе — оживляющая сила. Это было вызвано тем, что с выходом Луны из Земли сила земной стихии утратила в своей мощи. Действие друг на друга обеих сил стало мягче, чем раньше, когда оно происходило в одном теле. Сообразно этому и потомок стал нежнее, тоньше. Он вступал на Землю в тонком состоянии и лишь постепенно включал в свой состав более твердые части. Этим снова была дана возможность возвращавшейся на Землю человеческой душе соединяться с телом. Но она оживляла его теперь уже не извне, ибо это оживление происходило на самой Земле. Она соединялась с ним и вызывала его рост. Этому росту был поставлен, конечно, известный предел. Благодаря отделению Луны человеческое тело сделалось на некоторое время гибким; но чем дальше росло оно на Земле, тем больше брали верх силы, ведущие к отвердению. Под конец душа все слабее и слабее могла участвовать в построении тела. Оно распадалось, когда душа поднималась к душевно-духовным формам бытия. Можно проследить, как силы, которые мало-помалу усвоил себе человек во время развития Сатурна, Солнца и Луны, в течение описанного образования Земли начинают постепенно принимать участие в ходе человеческого развития. Сначала зажигается огнем Земли астральное тело, которое еще содержит в себе растворенными тела жизненное и физическое. Затем это астральное тело расчленяется на более тонкую астральную часть — душу ощущающую, и более грубую — эфирную, которой касается теперь стихия Земли. Вместе с тем выявляется образованное уже раньше эфирное, или жизненное тело. И

между тем как в астральном человеке вырабатываются душа рассудочная и душа сознательная, эфирное тело включает в свой состав более грубые части, способные воспринимать звук и свет. В тот момент, когда эфирное тело уплотняется еще больше, так что из светового превращается в огненное, или тепловое, оказывается достигнутой и та ступень развития, когда, как было описано выше, в состав человека включаются части твердой земной стихии. Так как эфирное тело уплотнилось до огня, оно может при помощи сил физического тела, насажденных в нем раньше, соединиться теперь с утончившимися до состояния огня субстанциями физической Земли. Но одно оно не могло бы больше ввести воздушных субстанций в ставшее тем временем более твердым тело. Тогда, как указано выше, вступают в действие высшие существа, обитающие на Солнце, и вдыхают в него воздух. Между тем как человек, благодаря своему прошлому, обладает силою сам проникнуться земным огнем, высшие существа направляют в его тело дыхание воздуха. До отвердения жизненное тело человека, воспринимавшее звуки, управляло течением воздуха. Оно проникало свое физическое тело жизнью. Теперь его физическое тело получает внешнюю жизнь, вследствие чего эта жизнь становится независимой от душевной части человека. Последний, покидая Землю, оставляет на ней не только зачаток своей формы, но и живое отображение самого себя. «Духи Формы» остаются соединенными с этим отображением; по удалении человеческой души из тела они переносят дарованную ими жизнь и на потомков. Так возникает то, что может быть названо наследственностью. И когда человеческая душа затем снова появляется на Земле, она ощущает себя в теле, жизнь которого перешла от предков. Она чувствует себя особенно привлеченной к такому именно телу. Благодаря этому возникает нечто вроде воспоминания о предке, с которым душа чувствует себя единой. Через последовательный ряд потомков это воспоминание проходит как общее сознание. «Я» течет через нисходящий ряд поколений.

Человек ощущал себя на этой ступени развития, во время своего земного периода, как самостоятельное существо. Он чувствовал внутренний огонь своего жизненного тела связанным с внешним огнем Земли. Струящуюся через него теплоту он мог чувствовать как свое «Я». В этих тепловых течениях, пронизанных жизнью, следует видеть задаток кровообращения. А в том, что струилось в него как воздух, человек не в полной мере чувствовал свою собственную сущность. В этом воздухе ведь действовали силы означенных высших существ. Однако в протекавшем через него воздухе оставалась в его распоряжении та часть действенных сил, которая была присуща ему благодаря образовавшимся еще ранее эфирным силам. Он господствовал в одной части этих воздушных течений. И поэтому в его построении действовали не только высшие существа, но и он сам. По образам своего астрального тела он слагал в себе воздушные части. Между тем как воздух втекал, таким образом, извне в его тело — что сделалось основой его дыхания, — часть воздуха слагалась внутри в напечатленный человеку организм, который сделался основой позднейшей нервной системы. Таким образом, через теплоту и воздух человек находился тогда в связи с внешним миром Земли. Зато он совершенно не ощущал присоединения твердой стихии Земли; эта стихия участвовала при его воплощении на Земле, но человек не мог воспринимать ее притока непосредственно, а только в смутном сознании в образе высших существ, которые действовали при этом. В такой же образной форме, являвшейся выражением стоящих над ним существ, человек воспринимал прежде приток жидких составных частей Земли. Благодаря уплотнению земного облика человека эти образы подверглись теперь изменению в его сознании. К жидкой стихии оказалась примешанной твердая. Таким

образом, и этот приток должен ощущаться, как исходящий от высших, действующих извне существ. Человек не может уже больше обладать в своей душе силою сам руководить этим притоком, ибо эта сила должна служить теперь его извне построенному телу. Он искажил бы его образ, если бы сам захотел руководить притоком. Поэтому то, что он доставляет себе извне, представляется ему руководимым властными велениями, которые исходят от высших существ, работающих над построением его тела. Человек чувствует себя как Я; он имеет в себе, как часть своего астрального тела, душу рассудочную, через которую он внутренне в образах переживает то, что происходит вовне, и которою он проникает свою тонкую нервную систему. Он чувствует себя отпрыском предков благодаря струящейся через нисходящие поколения жизни. Он дышит и ощущает это как действие означенных высших существ — «Духов Формы». И он подчиняется им также и в том, что доставляется ему через их импульс извне (для его питания). Наиболее темным является ему его происхождение как индивидуума. Он знает об этом только одно: что он испытал влияние выражающихся в силах Земли «Духов Формы».

Человек был направляем и руководим в своем отношении к внешнему миру. Это находит свое выражение в том, что у человека есть сознание о протекающей за его физическим миром духовно-душевной деятельности. Правда, он не воспринимает духовных существ в их подлинном образе, а переживает в своей душе звуки, цвета и т. д. Но он знает, что в этом мире представлений живут деяния духовных существ. В звуках передается ему то, что сообщают ему эти существа; в световых образах являются ему их откровения. Наиболее внутренне чувствует себя земной человек благодаря представлениям, которые он получает через стихию огня или теплоты. Он уже различает свою внутреннюю теплоту и тепловые течения земной окружности. В последних проявляются «Духи Личности». Но человек имеет лишь смутное сознание о том, что стоит за течениями внешней теплоты. Он ощущает как раз в этих течениях влияние «Духов Формы». Когда в окружающем человека мире возникают могучие проявления теплоты, то душа чувствует: вот окружность Земли проникают жаром духовные существа, от которых отделилась искра, согревающая мою внутреннюю глубину. В световых действиях человек еще не совсем так различает внешнее и внутреннее. Когда в его окружении всплывают световые образы, то в душе земного человека они не всегда порождают одинаковое чувство. Были времена, когда человек ощущал эти световые образы как внешние. Это было сейчас же после того, как он из бестелесного состояния сошел вниз к воплощению. Это был период его роста на Земле. Когда затем приблизилось время образования из зачатка нового земного человека, эти образы побледнели. И человек сохранил о них только нечто вроде внутренних представлений в памяти. В этих световых образах заключались деяния «Духов Огня» (Архангелов). Они являлись человеку как служители тепловых существ, погрузивших искру в его внутреннюю глубину. Когда угасли их внешние откровения, человек продолжал переживать их в своей внутренней глубине как представления (воспоминания). Он чувствовал себя связанным с их силами. И он действительно был с ними связан. Ибо посредством того, что он получил от них, он мог действовать на окружающую воздушную сферу. Под его влиянием она начинает светиться. Это было время, когда силы природы и силы человека еще не были так отделены друг от друга, как впоследствии. То, что совершалось на Земле, исходило еще в высокой степени от сил людей. Если бы кто-нибудь мог наблюдать тогда вне Земли происходившие на ней природные процессы, то он увидел бы в них не только нечто независимое от человека, но

воспринял бы в них и действия самого человека. Еще более иначе слагались для человека восприятия звука. С начала земной жизни они воспринимались как внешние звуки. Если воздушные образы воспринимались извне до середины земного бытия, то внешние звуки он мог слышать еще и после этой середины. Лишь к концу жизни земной человек становился к ним невосприимчивым. И у него оставались в памяти представления об этих звуках. В них заключались откровения «Сынов Жизни» (Ангелов). Когда к концу своей жизни человек чувствовал себя внутренне связанным с этими силами, он мог через подражание им вызывать могучие действия в водной стихии Земли. Под его влиянием приходили в волнение воды в Земле и над Землей. Вкусовые представления человек имел только в первой четверти своей земной жизни. Но и тогда они представлялись душе как воспоминание о переживаниях в бестелесном состоянии. В течение того времени, пока человек обладал ими, продолжалось отвердение его тела через принятие внешних субстанций. Во второй четверти земной жизни рост хотя еще и продолжался, однако облик был уже вполне выработан. Других живых существ возле себя человек мог воспринимать в это время только через их теплоту, свет и звуковые действия, ибо он еще не был способен представлять себе твердую стихию. Только от водной стихии получал он в первую очередь своей жизни описанные вкусовые действия.

Отображением этого внутреннего душевного состояния человека была внешняя форма его тела. Те части, которые заключали в себе зачаток формы будущей головы, были развиты наиболее совершенно. Другие органы являлись только как бы придатками. Они были как тени с неясными очертаниями. Однако земные люди были различны по своим обликам. Были такие, у которых в зависимости от окружавших их земных условий эти придатки были более или менее развиты. Это было различно смотря по тому, где обитали люди на Земле. Где люди были наиболее вовлечены в земной мир, там и придатки выступали наиболее резко. Те люди, которые в начале физического развития Земли благодаря своему предшествовавшему развитию оказались наиболее зрелыми, так что уже в самом начале, когда Земля еще не уплотнилась до воздуха, пережили соприкосновение со стихией огня, могли теперь всего совершеннее выработать зачатки головы. Это были наиболее гармоничные в самих себе люди. Другие оказались готовы к соприкосновению со стихией огня лишь тогда, когда Земля уже выработала в себе воздух. Это были люди, которые больше зависели от внешних условий, чем первые. Люди первого рода ясно ощущали через теплоту «Духов Формы», и чувствовали себя в своей земной жизни так, как если бы сохранили воспоминание о своей связи с этими духами и о соединении с ними во время бестелесного состояния. Второй род людей чувствовал воспоминание о бестелесном состоянии лишь в более слабой степени; они ощущали свою принадлежность к духовному миру преимущественно через световые действия «Духов Огня» (Архангелов). Третий род людей был еще сильнее вовлечен в земное бытие. Это были люди, которых стихия огня могла коснуться лишь тогда, когда Земля была отделена от Солнца и восприняла в себя водную стихию. Их чувство принадлежности к духовному миру было слабым, особенно в начале земной жизни. Лишь когда во внутренней жизни представлений сказывались действия Архангелов и в особенности Ангелов, они ощущали эту связь. Зато в начале земного периода они были полны живых побуждений к деяниям, которые могут быть выполнены в самих земных условиях. У них придаточные органы были развиты особенно сильно.

Когда перед отделением Луны от Земли лунные силы в Земле все более вели к ее отвердению, произошло так, что благодаря этим силам среди потомков тех зачатков, которые были оставлены людьми на Земле, оказались такие, в которых уже не могли

больше воплощаться возвращавшиеся из бестелесного состояния человеческие души. Облик этих потомков был слишком отвердевшим и, благодаря лунным силам, стал слишком непохож на человеческий облик, чтобы быть в состоянии принять такую душу. Поэтому некоторые человеческие души в таких условиях не имели больше возможности вернуться на Землю. Только самые зрелые, самые сильные из душ могли чувствовать себя в силах во время роста земного тела так преобразить его, что оно могло расцвести в человеческий облик. Только часть телесных потомков человека стала носителем земных людей. Другая часть вследствие затвердения своего облика могла принимать только такие души, которые стояли ниже человеческих душ. Часть же человеческих душ была лишена возможности участвовать в тогдашнем развитии Земли. Это привело их к иному течению жизни. Существовали души, которые уже при отделении Солнца от Земли не нашли себе места на ней. Для своего дальнейшего развития они были удалены на планету, отделившуюся под водительством космических существ из той общей мировой субстанции, которая при начале физического земного развития была связана с Землей и из которой выделилось также и Солнце. Это та планета, физическое выражение которой известно внешней науке как «Юпитер». (Здесь говорится о небесных телах, планетах и их именах совершенно в том же смысле, как это делала более древняя наука и как это согласуется с духовной наукой. Как физическая Земля есть только физическое выражение духовно-душевного организма, так имеет это место и относительно всякого другого небесного тела. И как именем «Земля» ясновидящий обозначает не только физическую планету, именем «Солнце» — не только физическую неподвижную звезду, так, говоря о «Юпитере», «Марсе» и т. д., он имеет в виду обширные духовные связи. Разумеется, эти небесные тела существенно изменили свой образ и назначение с тех времен, о которых здесь говорится. В известном отношении — даже и свое место в небесном пространстве.

Только тот, кто взором ясновидящего проследит развитие этих небесных тел вплоть до самых отдаленных прошлых времен, может познать связь современных планет с их предшественниками). На Юпитере означенные души продолжали пока развиваться дальше. Позднее, когда Земля все более приближалась к отвердению, явилась необходимость создать и другое место обитания для душ, которые хотя и имели возможность некоторое время обитать в затвердевших телах, но затем, когда это затвердение зашло слишком далеко, не могли больше обитать в них. Для них возникло в лице «Марса» соответствующее место для их дальнейшего развития. Когда душа была еще связана с Солнцем и включала в себя воздушные части, оказалось, что некоторые души были неспособны участвовать в земном развитии. Их слишком сильно коснулась земная телесная форма. Поэтому они еще тогда должны были устраниваться от непосредственного влияния солнечных сил. Последние должны были действовать на них извне. «Сатурн» стал местом их дальнейшего развития. Так с течением земного развития уменьшалось число человеческих обликов; появились облики, в которых не воплощались человеческие души. Они были в состоянии принимать в себя только астральные тела, как принимали их в себя на древней Луне физические и жизненные тела человека. Между тем как Земля пустела, лишаясь своих человеческих обитателей, эти существа заселяли ее. В конце концов все человеческие души должны были бы покинуть Землю, если бы через выделение Луны для человеческих обликов, которые могли еще тогда быть носителями человеческих душ, не была создана возможность устранить во время их земной жизни человеческий зачаток от действия непосредственно притекавших от Земли лунных сил и дать ему настолько созреть в себе, чтобы он мог быть передан этим силам.

Пока зачаток слагался затем внутри человека, он находился под воздействием существ, которые, руководимые самым могучим из своей среды, выделили Луну из Земли, чтобы дать земному развитию перешагнуть через эту критическую точку.

Когда Земля выработала в себе стихию воздуха, в смысле вышеприведенного описания существовали, как пережитки с древней Луны, такие астральные существа, которые больше отстали в своем развитии, чем самые низшие человеческие души. Они стали душами тех обликов, которые человек должен был покинуть еще до отделения Солнца. Эти существа суть предки животного царства. В течение дальнейшего времени они особенно развили те органы, которые существовали у человека только как придатки. Их астральное тело должно было действовать на физическое и жизненное тело, так, как это происходило у человека на древней Луне. Возникшие таким образом животные обладали душами, которые не могли жить в отдельных животных. Душа простирала свою сущность и на потомка присущего предкам облика. Животные, происходящие в существенном от одного облика, имеют одну общую душу. Только когда потомок благодаря особым влияниям удаляется от облика предков, вступает в воплощение новая животная душа. В этом смысле, согласно духовной науке, можно говорить у животных о видовой (или родовой) или групповой душе.

Нечто подобное произошло во время разделения Солнца и Земли. Из водной стихии выступили образования, которые в своем развитии не ушли дальше от того, чем был человек перед развитием на древней Луне. Действие астрального они могли воспринять только тогда, когда оно влияло на них извне. Это могло произойти лишь после ухода Солнца из Земли. Всякий раз, как наступал солнечный период Земли, астральное Солнце так возбуждало эти образования, что они из эфирного Земли слагали себе свое жизненное тело. Когда же затем Солнце отворачивалось от Земли, это жизненное тело снова растворялось в общей жизни Земли. И, как следствие совместного действия астрального с Солнца и эфирного с Земли, из водной стихии всплывали физические образования, которые были предками современного растительного царства.

Человек сделался на Земле индивидуализованным душевным существом. Его астральное тело, которое было влито в него на Луне «Духами Движения», расчленилось на Земле на душу ощущающую, душу рассудочную и душу сознательную. И когда его душа сознательная настолько подвинулась в развитии, что во время земной жизни могла образовать себе подходящее тело, «Духи Формы» одарили его искрой из своего огня. В нем вспыхнуло «Я». Каждый раз, когда человек покидал теперь физическое тело, он находился в духовном мире, где встречался с существами, которые во время развития Сатурна, Солнца и Луны дали ему его физическое, его жизненное и его астральное тела и выработали их до земной высоты. С тех пор, как огненная искра «Я» зажглась в земной жизни, наступила перемена и для бестелесной жизни. До этого момента развития своего существа человек не обладал самостоятельностью по отношению к духовному миру. Он чувствовал себя внутри этого духовного мира не отдельным существом, а членом возвышенного организма, который состоял из превосходивших его существ. Переживание «Я» на Земле продолжает теперь оказывать свое действие и в духовном мире. Человек чувствует себя отныне до известной степени чем-то единичным и в этом мире. Но он ощущает также, что он непрерывно связан с этим самым миром. В бестелесном состоянии он снова встречает, в более высоком образе, «Духов Формы», которых он воспринял в их откровении на Земле через искру своего «Я».

С отделением Луны от Земли для свободной от тела души возникли и в духовном мире связанные с этим отделением переживания. Ведь только благодаря тому, что часть

созидательных сил была переведена с Земли на Луну, на Земле могло продолжаться образование таких человеческих обликов, которые могли принимать в себя индивидуальность души. Благодаря этому человеческая индивидуальность оказалась в сфере действия лунных существ. И в бестелесном состоянии отзвук земной индивидуальности мог действовать только потому, что и в этом состоянии душа оставалась в сфере могущественных духов, вызвавших отделение Луны. Этот процесс сложился так, что непосредственно по оставлении земного тела душа могла видеть высоких солнечных существ только как бы в отраженном лунными существами сиянии. Только будучи достаточно подготовленной созерцанием этого отблеска, душа достигла зрения самих высоких солнечных существ.

И минеральное царство Земли возникло также через выделение (*Ausstoßung*) из общего человеческого развития. Минеральные образования — это то, что осталось отвердевшим, когда Луна отделилась от Земли. Из области душевного только то чувствовало притяжение к этим образованиям, что остановилось на ступени Сатурна, то есть было способно образовывать только физические формы. Все события, о которых говорится здесь и в последующем, разыгрывались в течение громадных промежутков времени. Однако здесь не место вдаваться во временные определения.

Описанные события представляют развитие Земли с внешней стороны; если же рассматривать его с духовной, то оказывается следующее. Духовные существа, которые извлекли Луну из Земли и связали свое собственное бытие с Луною — то есть сделали лунно-земными существами, — вызвали при помощи сил, которые они посылали с Луны на Землю, определенное строение человеческой организации. Их воздействие было направлено на приобретенное человеком «Я». Это воздействие сказывалось на совместном действии этого «Я» с астральным, эфирным и физическим телами. Через это воздействие человек получал возможность сознательно отражать в себе исполненное мудрости строение мира, отображать его как бы в отраженном познании. Вспомним, как в эпоху древней Луны благодаря происшедшему тогда отделению от Солнца человек приобрел в своей организации известную самостоятельность, более свободную степень сознания, чем могла исходить непосредственно от солнечных существ. Это свободное самостоятельное сознание выступило снова — как наследие древнего лунного развития — во время описанного периода земного развития. Но это сознание, приведенное влиянием означенных лунно-земных существ в созвучие со вселенной, и могло как раз стать ее отображением. Это и случилось бы, если бы не сказалось другое влияние. Без него человек сделался бы существом с таким сознанием, содержание которого отражало бы мир в образах познавательной жизни как бы по природной необходимости, а не через свободное участие человека. Но этого не произошло. Как раз ко времени отщепления Луны в развитие человека вмешались некоторые духовные существа, которые сохранили так много из *своей* лунной природы, что не могли принять участия в выходе Солнца из Земли, а также были выключены из сферы воздействия существ, направлявших свою деятельность с земной Луны на Землю. Эти существа с древней лунной природой, находившиеся как бы в неправильном развитии, были изгнаны на Землю. В их лунной природе заключалось как раз то, что во время древнего лунного развития восстало против солнечных духов и что послужило тогда ко благу человека, поскольку оно привело его к самостоятельному, свободному состоянию сознания. Последствия своеобразного развития этих существ в земной природе повлекло за собой то, что они в этот период стали противниками тех существ, которые с Луны хотели сделать человеческое сознание необходимым зеркалом познания мира. То, что на древней Луне

способствовало подъему человека к более высокому состоянию, оказалось противоборствующим тому устройству, которое стало возможно благодаря земному развитию. Противоборствующие силы принесли с собой из своей лунной природы способность воздействовать на астральное тело человека, а именно — в смысле вышеизложенного — могли сделать его самостоятельным. Они использовали эту способность, даровав астральному телу — также и на земной период — известную самостоятельность, в противовес тому необходимому (несвободному) состоянию сознания, которое было обусловлено существами земной Луны. Трудно выразить обычными словами, каковы были действия этих духовных существ на человека в то первобытное время. Не следует мыслить себе их подобно действию одного человека на другого, когда один словами пробуждает в другом внутренние силы сознания, вследствие чего последний начинает понимать что-нибудь или побуждается к хорошему или дурному поступку. Означенное действие в то первобытное время было не природным действием, а духовным влиянием, однако таким, которое и действовало духовно и передавалось как духовное от высших духовных существ человеку — сообразно его тогдашнему состоянию сознания. Если мыслить себе это, как природное действие, то совершенно не будет уловлена его действительная сущность. Когда же говорят, что существа с древней лунной природой приблизились к человеку, чтобы, «соблазняя», склонить к своим целям, то употребляют символическое выражение, пригодное до тех пор, пока сознают его символичность и в то же время ясно понимают, что за этим символом кроется духовный факт.

Действие, исходившее на человека от задержавшихся в лунном состоянии духовных существ, вызвало в нем двоякое последствие. Его сознание благодаря этому утратило свой характер простого зеркала вселенной, так как в астральном теле человека пробудилась возможность управлять из этого астрального тела образами сознания и господствовать над ними. Человек стал господином своего познания. Но, с другой стороны, исходной точкой этого господства стало астральное тело; и «Я», стоящее выше его, попало, таким образом, в постоянную зависимость от него. Вследствие этого человек стал на будущие времена подвержен постоянным влияниям низшего элемента своей природы. Он мог в своей жизни опускаться ниже той высоты, на которую поставили его в мировом процессе лунно-земные существа. И непрерывное влияние на его природу означенных неправильно развитых лунных существ продолжалось и в последующее время. В противоположность другим существам, которые с земной Луны сделали сознание зеркалом мира, но не дали свободной воли, этих лунных существ можно назвать люциферическими духами. Они доставили человеку возможность развить в своем сознании свободную деятельность, но вместе с тем также и возможность заблуждения и зла.

Последствием этих событий было то, что человек стал в иное отношение к солнечным духам, чем было ему предназначено лунно-земными духами. Последние хотели так развить зеркало его сознания, чтобы во всей душевной жизни человека влияние солнечных духов было господствующим. Эти процессы скрестились с другими влияниями, и в человеческом существе создалась противоположность между влиянием солнечных духов и влиянием духов с неправильным лунным развитием. Вследствие этой противоположности в человеке появилась неспособность познавать физические действия Солнца как таковые. Они остались для него сокрытыми за земными впечатлениями внешнего мира. Астральное в человеке, исполненное этих впечатлений, было вовлечено в сферу «Я». Это «Я», которое иначе чувало бы только дарованную ему Духами Формы

искру огня и во всем, что касалось внешнего огня, подчинялось бы велениям этих духов, стало отныне воздействовать на внешние тепловые явления также и посредством привитого ему самому элемента. Этим оно создало притяжение между собой и земным огнем. Тем самым оно вовлекло человека в земную вещественность больше, чем это было ему предназначено. И если раньше он обладал физическим телом, которое состояло в своих главных частях из огня, воздуха и воды и к которому прибавлен был только как бы теневой образ земной субстанции, то теперь это тело, взятое из земли, стало плотнее. Если раньше человек, как тонко организованное существо, пребывал как бы в плавающе-парящем движении над твердой почвой Земли, то теперь он должен был «из земной окружности» опуститься на те части Земли, которые уже более или менее отвердели.

Что означенные духовные влияния могли произвести такие физические действия, объясняется тем, что эти влияния были именно таковы, как описано выше. Они не были ни природными влияниями, ни такими, которые действуют душевно от человека к человеку. Последние не простирают своего действия в телесное так глубоко, как те духовные силы, которые имеются здесь в виду.

Вследствие того, что человек, повинувшись своим подверженным заблуждению представлениям, отдавался влияниям внешнего мира и жил сообразно своим желаниям и страстям, не согласуя их с высшими духовными влияниями, появилась возможность болезней. Но особое действие люциферического влияния заключалось в том, что отныне человек не мог больше чувствовать свою отдельную земную жизнь как продолжение свободного от тела существования. Он воспринимал отныне такие земные впечатления, которые могли быть пережиты посредством привитого ему астрального элемента и которые соединялись с силами, разрушающими физическое тело. Человек ощущал это, как отмирание своей земной жизни. И через это появилась обусловленная самой человеческой природою «смерть». Этим указывается на важную тайну в человеческой природе — на связь человеческого астрального тела с болезнями и смертью.

Для человеческого жизненного тела наступили теперь особые условия. Оно было поставлено в такое отношение между физическим и астральными телами, что в известном смысле было устранено от действия способностей, которые человек усвоил себе благодаря люциферическому влиянию. Часть этого жизненного тела осталась вне физического тела таким образом, что могла быть управляема высшими существами, а не человеческим «Я». Эти высшие существа были те, которые при отделении Солнца покинули Землю, чтобы под водительством одного из возвышенных духов из своей среды занять другое место обитания. Если бы упомянутая часть жизненного тела осталась соединенной с астральным телом, то человек воспользовался бы для самого себя сверхчувственными силами, которые были ему раньше присущи. Он распространил бы люциферическое влияние на эти силы. Благодаря этому человек постепенно совершенно отделился бы от солнечных существ и его «Я» сделалось бы всецело земным «Я». Тогда произошло бы так, что это земное «Я» по смерти физического тела (или даже при его упадке) стало бы обитать в другом физическом теле, в теле потомка, не проходя через соединение с высшими духовными существами в свободном от тела состоянии. Таким образом, человек пришел бы к сознанию своего «Я», но только как своего «земного Я». Это было предотвращено тем особым отношением жизненного тела, которое было обусловлено лунно-земными существами. Индивидуальное «Я», в собственном смысле, было так отделено этим от простого земного «Я», что человек во время земной жизни лишь отчасти ощущал себя как собственное Я; в то же время он чувствовал, как его земное «Я» было продолжением земного «Я» его предков на

протяжении поколений. Душа чувствовала во время земной жизни своего рода «групповое Я» вплоть до отдаленных предков, и человек ощущал себя членом этой группы. Лишь в бестелесном состоянии индивидуальное «Я» могло чувствовать себя как отдельное существо. Но состояние этого обособления было ослаблено тем, что этому «Я» оставалось присущим воспоминание о земном сознании (о земном Я). Это затемняло зрение духовного мира, который между смертью и рождением начал застилаться покровом, подобно тому, как он уже был закрыт для физического зрения на Земле.

Физическим выражением всех изменений, протекавших в духовном мире в то время, как развитие людей проходило через описанные условия, было постепенное урегулирование взаимных отношений между Солнцем, Луною и Землей (а в более широком смысле — еще и другими небесными телами). Как на одно из последствий этих отношений можно указать на смену дня и ночи. (Движения небесных тел управляются обитающими на них существами. Движение Земли, благодаря которому возникают день и ночь, было обусловлено взаимоотношением различных стоящих над человеком духов. Точно так же и движение Луны возникло ради того, чтобы после отделения Луны от Земли, благодаря вращению ее вокруг Земли, «Духи Формы» могли правильным образом в правильном ритме действовать на физическое тело человека). Днем «Я» и астральное тело человека действовали в физическом и жизненном теле. Ночью это действие прекращалось. Тогда «Я» и астральное тело выходили из физического и жизненного тела. Они в это время вступали всецело в область «Сынов Жизни» (Ангелов), «Духов Огня» (Архангелов), «Духов Личности» и «Духов Формы». Физическое же и жизненное тело в это время, кроме «Духов Формы», принимали в область своего действия еще и «Духи Движения», «Духи Мудрости» и Престолы. Таким образом снова могли быть исправлены вредные воздействия, оказанные на человека в течение дня заблуждениями астрального тела.

Так как люди теперь снова размножились на Земле, не было уже больше основания к тому, чтобы в их потомках не могли воплощаться человеческие души. Лунно-земные силы действовали теперь так, что под их влиянием человеческие тела становились вполне пригодными для воплощения человеческих душ. И души, удалившиеся раньше на Марс, на Юпитер и т. д., были теперь снова направлены на Землю. Поэтому для всякого человеческого потомка, рождавшегося в последовательности поколений, имелась душа. Это продолжалось в течение долгих времен, так что приток душ на Земле соответствовал умножению людей. Те души, которые с земной смертью покидали тело, в своем бестелесном состоянии сохраняли, как воспоминание, отзвук земной индивидуальности. Это воспоминание действовало так, что когда на Земле рождалось соответствующее им тело, они снова воплощались в нем. Поэтому впоследствии среди человеческого потомства существовали как такие люди, в которых были души, пришедшие извне и впервые появившиеся на Земле после ее первых времен, так и другие — с душами, уже перевоплотившимися на Земле. В последующее время земного развития число молодых, впервые появившихся душ становилось все меньше, а перевоплотившихся все больше. Однако человеческий род долгое время состоял из обусловленных этими событиями двух видов людей. Человек ощущал себя на Земле связанным со своими предками через общее «групповое Я». Зато тем сильнее было переживание индивидуального «Я» в свободном от тела состоянии между смертью и новым рождением. Души, которые вселялись в человеческие тела, приходя из небесного пространства, находились в ином положении, чем те, которые уже имели за собой одну или несколько земных жизней. Первые в качестве душ приносили с собой в физическую земную жизнь только те

условия, которым они были подчинены высшим духовным миром и своими переживаниями, пройденными вне земной сферы. Другие же в своих прежних жизнях сами прибавили новые условия. Судьба первого рода душ была определена только фактами, лежавшими вне новых земных условий. Судьба же перевоплощенных душ определялась еще и тем, что они сами совершили в прежних жизнях в земных условиях. Одновременно с перевоплощением появилась карма отдельного человека. Благодаря тому, что жизненное тело человека было вышеуказанным образом изъято из-под влияния астрального тела, процесс размножения не вошел в область человеческого сознания, но остался под господством духовного мира. Когда какая-нибудь душа должна была низойти в земную сферу, у земного человека появлялись импульсы к размножению. Для земного сознания весь процесс был до известной степени окутан таинственным мраком. Но и во время земной жизни сказывались последствия этого частичного отделения жизненного тела от физического. Способности жизненного тела могли особенно повышаться благодаря духовному влиянию. Для душевной жизни это сказывалось в том, что память достигла особого совершенства. Самостоятельное логическое мышление в это время находилось у человека лишь в самых первых зачатках. Зато способность воспоминания была почти безгранична. Во внешней жизни человек имел непосредственное познание о действенных силах всего живого. Он мог заставлять служить себе жизненные и воспроизводительные силы животной и в особенности растительной природы. Человек мог, например, извлекать из растений и применять в своих целях то, что побуждает растение к росту, подобно тому, как в настоящее время извлекаются силы из безжизненной природы — например, силы, дремлющие в каменном угле, — и применяются для приведения в движение машин. (Некоторые подробности по этому вопросу можно найти в моей статье «Наши атлантические предки»). Внутренняя душевная жизнь человека благодаря люциферическому влиянию также изменилась во многих отношениях. Можно было бы привести много разных чувств и ощущений, которые возникли благодаря этому.

Только некоторые из них могут быть здесь упомянуты. До этого влияния человеческая душа действовала в том, что ей надлежало создать и совершить, согласно намерениям высших духовных существ. План ко всему, что должно было быть выполнено, был начертан заранее. И в той мере, в какой человеческое сознание вообще было развито, оно могло предвидеть, как в будущем должны будут развертываться события согласно предначертанному плану. Это предвидящее сознание было утрачено, когда над откровением высших духовных существ простерся покров земных восприятий и в них сокрылись истинные силы солнечных существ. Будущее стало отныне неизвестным. А вместе с этим в душу внедрилась возможность переживания чувства страха. Страх есть непосредственное последствие заблуждения. Но мы видим также, как с люциферическим влиянием человек стал независимым от известных сил, которым он раньше безвольно отдавался. Он мог отныне самостоятельно принимать решения. Свобода есть результат этого влияния. А страх и подобные ему чувства суть только сопутствующие явления в развитии человека к свободе.

С духовной точки зрения появление страха представляется так, что среди земных сил, под влияние которых человек подпал благодаря люциферическим силам, действовали еще и другие силы, незакономерность которых в ходе развития выступила гораздо раньше, чем сил люциферических. Вместе с земными силами человек принял свое существование влияния и этих сил. Они сообщили чувствам, которые без них действовали бы совсем иначе, свойство страха. Эти существа можно назвать

ариманическими; это те самые, которые — в смысле Гете — называются мефистофельскими.

Если люциферическое влияние и сказалось сначала только у самых подвинутых в своем развитии людей, то вскоре оно распространилось также и на других. Потомки наиболее развитых смешались с упомянутыми выше менее развитыми. Вследствие этого люциферическая сила проникла и к последним. Но жизненное тело возвращающихся с планет душ не могло быть защищено в той же степени, как жизненное тело, которое было присуще потомкам оставшихся на Земле. Защита последнего исходила от высокого существа, имевшего водительство в космосе, когда Солнце отделилось от Земли. Это существо — владыка солнечного царства. Вместе с ним удалились для обитания на Солнце те высокие духи, которые благодаря своему космическому развитию достигли соответствующей зрелости. Но были и такие существа, которые при отделении Солнца не поднялись до этой высоты. Они должны были искать себе другие арены для своей деятельности. Это были существа, благодаря которым из общей мировой субстанции, бывшей сначала в физическом организме Земли, выделились Юпитер и другие планеты. Юпитер стал жилищем таких незрелых до солнечной высоты существ. Наиболее ушедшее вперед из этих существ стало вождем Юпитера. Подобно тому, как вождь солнечного развития стал «высшим Я», действовавшим в жизненном теле потомков оставшихся на Земле людей, так и этот вождь Юпитера стал «высшим Я», которое, как общее сознание, проходило через людей, происшедших от смешения потомков оставшихся на Земле с такими людьми, которые появились на Земле лишь в эпоху воздушной стихии и затем перешли на Юпитер. В согласии с духовной наукой таких людей можно назвать «людьми Юпитера». Это были человеческие потомки, которые еще в то древнее время приняли в себя человеческие души; однако такие, которые в начале земного развития не были еще достаточно зрелы, чтобы участвовать при первом соприкосновении с огнем. Это были души, стоявшие между человеческим и животным душевным царством. Но были и такие существа, которые под водительством из общей мировой субстанции высшего духа в качестве жилища выделили себе Марс. Их влиянию подпал третий род людей, возникших благодаря смешению, — «люди Марса». (Эти познания проливают свет на основные причины возникновения планет нашей солнечной системы. Ибо все тела этой системы возникли благодаря различным состояниям зрелости обитающих на них существ. Но здесь, конечно, нельзя входить в рассмотрение всех частных деления космоса). Те люди, которые в своем жизненном теле чуяли самое высокое солнечное существо, могут быть названы «солнечными людьми». Существо, которое жило в них как «высшее Я» — конечно, только в поколениях, а не в отдельном человеке, — это то, которое впоследствии, когда люди приобрели о нем сознательное познание, обозначалось различными именами и которое для людей нашего времени является тем существом, в котором им открывается отношение, какое имеет Христос к Космосу. Затем можно различать еще «людей Сатурна». У них как «высшее Я» выступило существо, которое до отделения Солнца должно было вместе с другими такими же духами покинуть общую мировую субстанцию. Это был род людей, у которых не только в жизненном теле, но и в физическом была некоторая часть, не затронутая люциферическим влиянием.

Но у более низко стоящих родов людей жизненное тело было все-таки слишком мало защищено, чтобы достаточно противостоять воздействиям люциферической сущности. Они могли так далеко простирались произвол находившейся в них искры «Я», что вызывали в своем окружающем могучие огневые действия разрушительного характера.

Последствием этого была гигантская земная катастрофа. В огненных бурях погибла значительная часть обитаемой тогда Земли, а вместе с ней — и впавшие в заблуждение люди. Только наименьшая часть людей, оставшихся отчасти не затронутыми заблуждением, могла спастись в той области Земли, которая до тех пор была защищена от губительного влияния человека. Таким местом обитания, особенно пригодным для нового человечества, оказалась страна, находившаяся на том участке Земли, который в настоящее время покрыт Атлантическим океаном. Туда удалилась оставшаяся наиболее чистой от заблуждения часть людей. Другие местности были населены лишь рассеянными остатками человечества. В согласии с духовной наукой, область Земли, расположенную некогда между современной Европой, Африкой и Америкой, можно назвать «Атлантидой». (В соответствующей литературе некоторым образом указывается на означенный промежуток развития человечества. Он называется там Лемурийской эпохой Земли, за которой последовала Атлантическая. А время, когда лунные силы еще не развернули своей основной деятельности, называется Гиперборейской эпохой. Ей предпосылается еще другая, которая совпадает следовательно, с самыми первыми временами физического развития Земли. В библейском предании время до воздействия люциферических существ описывается как райское, а нисхождение на Землю, погружение людей в чувственный мир — как изгнание из рая).

Развитие в атлантической области было, собственно, временем распределения на людей Сатурна, Солнца, Юпитера и Марса. Раньше были только задатки этого деления. Разделение на состояние бодрствования и сна имело для человеческого существа и особые последствия, которые особенно выступили у атлантического человечества. Во время ночи астральное тело и «Я» человека находились в сфере существ, стоящих выше его, вплоть до «Духов Личности». Той частью своего жизненного тела, которая не была связана с физическим, человек мог воспринимать «Сынов Жизни» (Ангелов) и «Духов Огня» (Архангелов). Ибо во время сна он мог оставаться в соединении с той частью жизненного тела, которая не была пропитана физическим телом. Восприятие Духов Личности оставалось, конечно, неясным, именно вследствие люциферического влияния. Но вместе с Ангелами и Архангелами для человека в описанном состоянии стали, таким образом, видимы и те существа, которые, как отставшие на Солнце или Луне, не могли вступить в земное бытие. Они должны были поэтому пребывать в душевно-духовном мире. Но человек благодаря люциферической сущности привлек их в сферу своей разлученной от физического тела души. Через это он пришел в соприкосновение с существами, которые действовали на него в высшей степени соблазнительно. Они умножали в душе влечение к заблуждению; в особенности — к злоупотреблению силами роста и размножения, которые находились в его власти благодаря разделению физического тела и жизненного.

Лишь отдельным людям атлантической эпохи дана была возможность в минимальной степени подпадать под власть чувственного мира. Благодаря им люциферическое влияние из препятствия к развитию человечества превратилось в средство к его дальнейшему восхождению. Благодаря люциферическому влиянию они оказались в состоянии раньше, чем это было бы иначе возможно, развить в себе способность познания земных вещей. При этом эти люди пытались устранить заблуждение из представлений своей жизни и постичь из явлений мира первоначальные намерения духовных существ. Они охраняли себя от влечений и вожеланий астрального тела, направленных только на чувственный мир. Вследствие этого они становились все более и более свободны от его заблуждений. Это вызывало у них состояния, благодаря

которым они воспринимали только в той части жизненного тела, которая была описанным образом отделена от физического тела. В таких состояниях способность физического тела к восприятию бывала как бы погашена, а оно само казалось как бы мертвым. Они были тогда через жизненное тело всецело связаны с царством «Духовной Формы» и могли узнавать от них, как ведет их и управляет ими то высокое существо, которое было вождем при отделении Солнца от Земли и благодаря которому людям позже открылось понимание «Христа». Эти люди были посвященные (инициированные). Но так как индивидуальность человека вышеописанным образом подпадала сфере лунных существ, то обычно и этих посвященных не могло коснуться непосредственно существо Христа, но оно могло быть явлено им только как бы в отражении лунными существами. Они видели тогда не существо Христа непосредственно, а только его отблеск. Они стали вождями остального человечества, которому они могли сообщать узренные ими тайны. Они собирали вокруг себя учеников, которым указали пути к достижению состояния ведущего к посвящению. Познания «Христа» могли достичь только те люди, которые в указанном смысле принадлежали к солнечным людям. Они возделывали свое таинственное знание и те установленные действия, что вели к нему, в особом месте, которое в согласии с духовной наукой будет названо здесь Христовым или Солнечным оракулом (Oraculum в смысле места, где внимают намерениям духовных существ). Сказанное здесь относительно Христа будет лишь тогда понято верно, когда уяснишь себе, что в явлении Христа на Земле сверхчувственное познание должно видеть событие, на которое, как на предстоящее в будущем, указывали те, кто перед этим событием были знакомы со смыслом развития Земли. Было бы ошибочно предпосылать этим «посвященным» такое отношение к Христу, которое стало возможным лишь через само это событие. Но они могли постигать его пророчески и указывать своим ученикам: «Кого коснется мощь Солнечного Существа, тот видит приближающегося к Земле Христа».

Другие оракулы были вызваны к жизни людьми, принадлежащими к человечеству Сатурна, Марса и Юпитера. Их посвященные доводили свое созерцание только до тех существ, которые могли раскрываться им в их жизненных телах, как соответствующие «высшие Я». Так возникли приверженцы мудрости Сатурна, Юпитера, Марса. Кроме этих методов посвящения были еще и другие — для людей, принявших в себя слишком много люциферической сущности, так что их жизненное тело не могло в такой же значительной мере отделяться от физического, как у солнечных людей. У них жизненное тело задерживалось астральным в теле физическом больше, чем у солнечных людей. Благодаря этим состояниям они не могли прийти к откровению Христа. Ввиду того, что их астральное тело было сильнее подвержено влиянию люциферического начала, они должны были проходить более трудные приготовления, после чего могли — в менее свободном от тела состоянии, чем остальные, — получать откровение хотя и не самого Христа, но других высоких существ. Были такие существа, которые при отделении Солнца от Земли хотя и покинули Землю, но все-таки не стояли на такой высоте, чтобы быть в состоянии долгое время идти вместе с развитием Солнца. После разделения Солнца и Земли они отчленили для себя от Солнца особое жилище — Венеру. Их вождем сделалось существо, которое стало «высшим Я» для означенных посвященных и их приверженцев. Нечто подобное произошло и с руководящим духом Меркурия для другого рода людей. Так возникли оракулы Венеры и Меркурия. Некоторый род людей, наиболее принявших в себя люциферическое влияние, мог достичь лишь того существа, которое вместе с подобными ему духами раньше всех было снова извергнуто из

солнечного развития. Оно не имеет особой планеты в мировом пространстве, но живет еще в окружности самой Земли, с которой оно снова соединилось после возвращения с Солнца. Те люди, которым это существо раскрылось как высшее «Я», могут быть названы приверженцами оракула Вулкана. Их взор был более, чем у других посвященных, обращен на земные явления. Они заложили первые основы того, что возникло впоследствии среди людей как науки и искусства. Зато посвященные Меркурия положили начало знанию о более сверхчувственных вещах; и в еще более высокой степени сделали это посвященные Венеры. Посвященные Вулкана, Меркурия и Венеры отличались от посвященных Сатурна, Юпитера и Марса тем, что последние принимали свои тайны скорее как откровение свыше, в более готовом состоянии; между тем как первые получали свое знание раскрытым уже больше в форме собственных мыслей и идей. В середине стояли посвященные Христа. Они получали вместе с непосредственным откровением одновременно и способность облекать свои тайны в форму человеческих понятий. Посвященные Сатурна, Юпитера и Марса должны были выражаться более в символических образах; посвященные Христа, Венеры, Меркурия и Вулкана могли изъясняться более в представлениях.

То, что достигало таким образом атлантического человечества, шло окольным путем через посвященных. Но и остальное человечество, благодаря люциферическому началу, приобрело особые способности, причем высокие космические существа обратили ко благу то, что иначе могло бы послужить на гибель. Такой способностью является речь. Она досталась человеку благодаря его уплотнению в физическую вещественность и отделению части его жизненного тела от физического. Во времена, следовавшие за отделением Луны, человек чувствовал себя связанным с физическими предками через «групповое Я». Но это общее сознание, связывавшее потомков с предками, постепенно утрачивалось на протяжении поколений. У позднейших потомков сохранялось затем внутреннее воспоминание, простиравшееся лишь до не очень отдаленных предков. К более ранним предкам оно уже более не восходило. Лишь в похожих на сон состояниях, когда люди приходили в соприкосновение с духовным миром, снова всплывало воспоминание о том или другом предке. Люди считали себя тогда порою за нечто единое с этим предком, о котором они думали, что в них он явился вновь. Это была ошибочная идея о перевоплощении, всплывшая в особенности в последние атлантические времена. Истинное учение о перевоплощениях можно было узнать лишь в школах посвященных. Посвященные созерцали, как в бестелесном состоянии душа человека шествует от воплощения к воплощению. И только они одни могли сообщить истину об этом своим ученикам.

Физический облик человека в том отдаленном прошлом, о котором здесь идет речь, еще сильно отличался от современного. Этот облик был еще в высокой степени выражением душевных качеств. Человек состоял пока из более тонкой и более мягкой вещественности, чем та, которую он принял впоследствии. То, что в настоящее время является в его членах отвердевшим, было тогда мягким, гибким и пластичным. Более душевный, более духовный человек имел нежное, подвижное, выразительное строение тела. Менее развитый духовно человек обладал грубыми, неподвижными, менее пластичными телесными формами. Более высокая душевная развитость сжимала члены тела, и облик получался малым. Душевная отсталость и погруженность в чувственное выражались в гигантской величине. Когда человек находился в периоде роста, его тело сформировалось сообразно тому, что слагалось в душе, и то, как это происходило, должно казаться современным представлениям чем-то баснословным, даже

фантастическим. Развращенный характер страстей, влечений и инстинктов влек за собой нарастание материального в человеке до гигантских размеров. Современный физический облик чело века возник через сжатие, уплотнение и отверждение атлантического человека. И если до атлантической эпохи человек был точным отображением своего душевного существа, то события атлантического развития заключали в себе как раз причины, приведшие к послеатлантическому человеку, который в своем физическом облике является твердым и сравнительно мало зависимым от душевных качеств. (Животное царство уплотнилось в своих формах на Земле в гораздо более древние времена, чем человек). Законы, лежащие в настоящее время в основе образования форм в природных царствах, отнюдь не следует распространять на более отдаленные времена.

К середине атлантической эпохи развития в человечестве стало постепенно сказываться некое бедствие. Тайны посвященных должны были тщательно охраняться от таких людей, которые не очистили подготовлением своего астрального тела от заблуждения. Если бы они проникли в скрытые познания, в законы, по которым высшие существа управляют силами природы, то использовали бы их для своих извращенных потребностей и страстей. Опасность была тем больше, что люди, как это было описано, попали в сферу низших духовных существ, которые не могли идти вместе с правильным земным развитием и потому противодействовали ему. Они непрерывно влияли на людей, внушая им интересы, которые в действительности были направлены против блага человечества. Люди еще обладали тогда способностью подчинять себе силы роста и размножения животной и человеческой природы. Искушениям со стороны низших существ подпали не только обыкновенные люди, но и часть посвященных. Они пришли к тому, что стали пользоваться этими сверхчувственными силами в таких цепях, которые противоречили развитию человечества. И им нужны были для этого помощники, которые не были посвящены и применяли тайны сверхчувственной природной жизни в смысле низших побуждений. Последствием этого было великое развращение человечества. Зло распространялось все дальше. И так как силы роста и размножения, когда их отрывают от родной почвы и применяют самостоятельно, находятся в таинственной связи с некоторыми силами, действующими в воздухе и в воде, то поступками людей были сняты оковы с могучих пагубных сил природы. Это привело к постепенному разрушению атлантической области воздушными и водными катастрофами, постигшими Землю. Атлантическое человечество, насколько оно уцелело от бурь, должно было выселиться. Благодаря этим бурям Земля получила тогда новый облик. С одной стороны Европа, Азия и Африка достигли постепенно такого вида, какой они имеют в настоящее время. С другой стороны — Америка. В эти страны и двинулись великие кочевья атлантического человечества. Для нашего времени особенно важны те кочевья, которые направлялись из Атлантиды на восток. Европа, Азия, Африка были постепенно заселены потомками атлантов. Свои жилища раскинули здесь различные народы. Они стояли на различных ступенях развития, но также и на различных ступенях развращения. Вместе с ними переселились и посвященные, хранители тайн оракулов. Они основали в различных странах святилища, где совершались служения Юпитера, Венеры и т. д., — как в хорошем, так и в дурном смысле. Особенно неблагоприятное влияние оказало выдача тайн Вулкана, ибо взор его приверженцев был преимущественно направлен на земные условия. Этим предательством человечество было поставлено в зависимость от духовных существ, которые вследствие своего предшествующего развития относились отрицательно ко всему, что шло из духовного мира, развившегося благодаря отделению Земли от Солнца. Сообразно своим развитым таким образом

задаткам они действовали как раз в той стихии, которая образовалась в человеке благодаря тому, что он имел в чувственном мире восприятия, за которыми скрывалось духовное. Эти существа приобрели теперь большое влияние на многих человеческих обитателей Земли. И прежде всего оно сказалось в том, что у человека все более и более отнималось чувство духовного. Так как в те времена величина, форма и пластичность физического тела человека в значительной степени зависели еще от качества души, то последствие предательства проявилось также и в изменениях человеческого рода в указанном направлении. Где испорченность людей сказывалась особенно в том, что они пользовались сверхчувственными силами для служения своим низшим влечениям, вождениям и страстям, там возникали уродливые, причудливые по величине и форме человеческие облики. Они, конечно, не могли пережить атлантической эпохи. Они вымерли. В физическом отношении послеплатоническое человечество образовалось из тех атлантических предков, у которых уже наступило такое отверждение телесного облика, что он не поддавался больше ставшим отныне противоестественными душевным силам. Был определенный период в атлантическом развитии, когда благодаря господствовавшим в Земле и вокруг Земли законам для человеческого облика существовали как раз такие условия, при которых он должен был отвердеть. Те расовые формы людей, которые отвердели до этого периода, хотя и могли размножаться еще довольно долгое время, однако воплощавшиеся в них души мало-помалу оказывались настолько стеснены, что эти формы должны были вымереть. Некоторые из этих расовых форм сохранились, правда, и в послеплатонические времена; а удержавшие достаточную подвижность сохранились в измененной форме даже еще очень долго. Те человеческие формы, которые остались пластичными и после этого периода, стали преимущественно телами для таких душ, которые в высокой степени испытали вредное влияние означенного предательства. Они были обречены на скорое вымирание.

Таким образом, с середины атлантической эпохи в области человеческого развития проявились существа, действовавшие в таком направлении, что человек начал недуховным образом вживаться в чувственно-физический мир. Это могло пойти так далеко, что ему вместо истинного образа этого мира стали являться всякого рода обманчивые образы, призраки и иллюзии. Человек был подвержен не только люциферическому влиянию, но и влиянию тех других существ, на которых было указано выше и вождь которых по наименованию, полученному им позже в персидской культуре, может быть назван Ариманом. (Это то же самое существо, что и Мефистофель). Через это влияние человек по смерти попадал силам, которые и там заставляли его являться существом, обращенным только к земно-чувственным условиям. Он все более лишался непосредственного прозрения в события духовного мира. Он принужден был чувствовать себя во власти Аримана и быть до известной степени исключенным из общения с духовным миром.

Особенное значение имело святилище одного оракула, которое во время общего упадка сохранило в наиболее чистом виде древнее служение. Оно принадлежало к оракулу Христа. И потому оно могло сохранить не только тайну самого Христа, но также и тайны других оракулов. Ибо при откровении высочайшего Солнечного Духа раскрывались и вожди Сатурна и Юпитера и т. д. В солнечном оракуле ведали тайну создания у того или иного человека такого человеческого жизненного тела, каким обладали лучшие посвященные Юпитера, Меркурия и т. д. С помощью средств, которые имелись для этой цели и о которых здесь нельзя говорить дальше, сохраняли отпечатки лучших жизненных тел древних посвященных, чтобы запечатлеть их позднее в

подходящих для этого людях. У посвященных Венеры, Меркурия и Вулкана можно было применять этот прием и к астральным телам.

В известный момент вождь Христовых посвященных оказался в одиночестве с немногими приверженцами, которым он мог сообщать тайны мира лишь в очень ограниченной мере. Ибо эти приверженцы были такими людьми, которые по своему природному складу были наименее причастны разделению физического тела от жизненного. Такие люди в тот период были вообще самыми подходящими для дальнейшего развития человечества. У них постепенно все меньше наступали известные переживания в состоянии сна. Духовный мир все больше и больше закрывался перед ними. Но зато у них не было также и понимания всего того, что раскрывалось в древние времена, когда человек находился не в физическом теле, а только в жизненном. Люди, непосредственно окружавшие этого вождя Христова оракула, наиболее опередили остальных в смысле соединения с физическим телом некогда отделенной от него части жизненного тела. Это соединение наступило в человечестве постепенно — как следствие того изменения, которое произошло с атлантической областью и вообще с Землей. Физическое и жизненное тело человека все больше и больше начали совпадать в своих границах. Благодаря этому утратились прежние неограниченные силы памяти, и у человека началась жизнь мышления. Связанная с физическим телом часть жизненного тела превратила физический мозг в настоящее орудие мышления, и человек собственно лишь с этого времени стал ощущать свое «Я» в физическом теле. Тогда впервые пробудилось самосознание. Сначала это произошло лишь у небольшой части человечества, преимущественно у приверженцев вождя Христова оракула. Прочие массы людей, рассеянных в Европе, Азии и Африке, сохранили в самых различных степенях остатки древних состояний сознания. Поэтому у них был непосредственный опыт о сверхчувственном мире. Приверженцы Христова посвященного были люди с высоко развитым рассудком, но из всех людей того времени они имели наименьший опыт в сверхчувственной области. Этот посвященный направился с ними с Запада на Восток, в некоторую область внутри Азии. Он хотел по возможности охранить их от соприкосновения с людьми, менее подвинутыми в развитии сознания. Он воспитал своих приверженцев в духе раскрывшихся ему тайн; особенно действовал он в этом направлении на их потомков. Так образовал он группу людей, которые восприняли в свои сердца импульсы, соответствующие тайнам Христова посвящения. Из этой группы он избрал семь наилучших, чтобы сообщить им жизненные и астральные тела, соответствовавшие отпечаткам жизненных тел семи лучших атлантических посвященных. Так воспитал он по одному преемнику посвященных Христа, Сатурна, Юпитера и т. д. Эти семь посвященных стали учителями и вождями тех людей, которые заселили в послеатлантический период юг Азии, преимущественно древнюю Индию. Так как эти великие учителя были одарены собственно жизненными телами своих духовных предков, то все, что было в их астральном теле, а именно переработанное ими самими знание и постижение, не достигало высоты тех откровений, которые получались ими через их жизненные тела. Когда в них получали слово эти откровения, они должны были приводить к молчанию свое собственное знание и постижение. Тогда из них и через них говорили высокие существа, обращавшиеся также и к их духовным предкам. Вне тех времен, когда через них говорили эти существа, они были простыми людьми, одаренными той мерой рассудка и сердца, которую они выработали себе сами.

В Индии жил тогда тип людей, который преимущественно сохранил живое воспоминание о древнем душевном состоянии атлантов, делавшем возможными

опытные знания о духовном мире. Значительное число этих людей могущественно тяготело сердцем и душою к переживанию этого сверхчувственного мира. Мудро руководимая судьбою, главная часть этого типа людей, состоявшая из лучших частей атлантического населения, пришла в южную Азию. Кроме этой главной части, в разные времена переселились туда и другие люди. Для этого собрания людей означенный посвященный Христа назначил учителями семь великих учеников. Они дали этому народу свою мудрость и свои заповеди. Лишь в небольшой подготовке нуждались многие из этих древних индийцев, чтобы оживить в себе еще не совсем угасшие способности, ведущие к наблюдению в сверхчувственном мире. Ибо тоска по этому миру была, собственно, основным настроением индийской души. В этом мире — так ощущали они — была первоначальная родина людей. Из этого мира они были переселены в другой мир, доступный внешнему чувственному зрению и связанному с этим зрением рассудку. Сверхчувственный мир они ощущали как истинный мир, а чувственный — как обман человеческого восприятия, как иллюзию (майю). Всеми средствами стремились они к тому, чтобы открыть себе доступ в истинный мир. К иллюзорному чувственному миру они не могли пробудить в себе никакого интереса или же побуждали лишь постольку, поскольку этот мир является покровом сверхчувственного мира. Сила, которая могла исходить к таким людям от семи великих учителей, была огромна. То, что могло раскрыться через них, глубоко вживалось в индийские души. И так как обладание перешедшими к ним жизненными и астральными телами сообщало этим учителям высокие силы, то они могли действовать на своих учеников и магически. Они, в сущности, не учили. Они действовали как бы путем магических сил от личности к личности. Так возникла культура, которая была совершенно проникнута сверхчувственной мудростью. То, что содержится в книгах мудрости индийцев (в Ведах), не передает первоначального образа высоких сокровищ мудрости, которые возделывались в древнейшее время великими учителями, а лишь их слабый отзвук. Только обращенный в прошлое взор ясновидящего может найти за писанной мудростью неписанную, начальную мудрость. Особенно выступающей чертой этой изначальной мудрости является гармоническое созвучие мудростей различных оракулов атлантической эпохи. Ибо каждый из великих учителей мог раскрыть мудрость одного из этих оракулов. И различные стороны мудрости давали совершенное созвучие, ибо за ними стояла основная мудрость Христова посвящения. Правда, тот учитель, который был духовным преемником Христова посвященного, сообщал не то, что мог раскрыть сам Христов посвященный. Последний оставался в тогдашнем развитии как бы в тени. Он не мог пока передать своего высокого служения никому из послеатлантических людей. Христов посвященный, вождь семи великих индийских учителей, отличался от своего духовного преемника тем, что он мог совершенно переработать свое созерцание тайны Христа в форму человеческих представлений, между тем как индийский посвященный Христа мог передать только отблеск этой тайны в символических образах и знаках. Ибо его человечески выработанное представление не достигало этой тайны. Но из соединения семи учителей возникало в одной великой картине мудрости познание сверхчувственного мира, из которого в древнем атлантическом оракуле могли быть возвещены только отдельные части. Таким образом, человечеству были раскрыты великие водительства космического мира и было незаметно указано на великого Солнечного Духа, на Сокровенного, царящего над теми, которые раскрывались семью учителями.

То, что разумеется здесь под «древними индийцами», не совпадает с тем народом, к которому обычно прилагают это наименование. Внешних документов из того времени, о котором здесь говорится, не существует. Народ, который обычно называется «индийцами», отвечает исторической ступени развития, сложившейся лишь гораздо позже того времени, которое имеется здесь в виду. Необходимо различать первый послееатлантический земной период, в котором господствовала описанная здесь «индийская» культура; затем образовался второй послееатлантический период, когда господствующим в смысле культуры было то, что впоследствии в этой книге будет названо «древнеперсидским»; и еще позднее развилась египетско-халдейская культура, описание которой тоже еще предстоит впереди. Во время этих второй и третьей послееатлантических культурных эпох «древний» индийский народ тоже переживал свою вторую и третью эпоху. И то, что обыкновенно говорится о древней Индии, относится к этой третьей эпохе. Таким образом, изображаемое здесь не следует относить к «древней Индии», о которой обычно бывает речь.

Другая черта этой древнеиндийской культуры та, которая привела впоследствии к разделению людей на касты. Жители Индии были потомками атлантов, принадлежавших к различным типам людей — к людям Сатурна, Юпитера и т. д. Благодаря сверхчувственным учениям они поняли, что душа не случайно водворялась в ту или иную касту, но что она сама предназначала себя в таковую. Такое понимание сверхчувственных учений в особенности облегчалось тем, что у многих людей могли пробуждаться вышеописанные внутренние воспоминания о предках, которые, конечно, легко могли привести к ошибочной идее о перевоплощении. Как в атлантическую эпоху истинную идею о перевоплощении можно было получить только через посвященных, так в древнейшей Индии — только через непосредственное соприкосновение с великими учителями. Эта вышеупомянутая ошибочная идея о перевоплощении действительно получила величайшее распространение среди народов, вследствие гибели Атлантиды заселивших Европу, Азию и Африку. И так как те посвященные, которые во время атлантического развития вступили на ложные пути, сообщили незрелым и эту тайну, то люди все более и более стали смешивать истинную идею с ошибочной. У многих из этих людей сохранилось, как наследие атлантической эпохи, своего рода сумеречное ясновидение. Как атланты во время сна вступали в сферу духовного мира, так их потомки переживали этот духовный мир в аномальных промежуточных состояниях между бодрствованием и сном. Тогда перед ними вставали образы древнего времени, к которому принадлежали их предки. Они считали себя за перевоплощения людей, живших в то время. Учения о перевоплощении, стоявшие в противоречии с истинными идеями посвященных, распространились по всей Земле.

Последствием продолжительных переселений народов, которые направились после атлантической катастрофы с Запада на Восток, было то, что в областях Передней Азии обосновалась народность, потомки которой известны в истории как персидский народ и родственные ему племена. Сверхчувственное познание должно, разумеется, перенестись к гораздо более отдаленным временам, чем те, которые известны нам как исторические времена этих народов. Пока же идет речь об очень ранних предках позднейших персов, среди которых возникла эпоха послееатлантического развития. У народов этой второй эпохи была иная задача, чем у индийских. Их стремления и наклонности были обращены не к одному только сверхчувственному миру; у них были задатки и для физически чувственного мира. Они полюбили Землю. Они оценили то, что человек может завоевать на ней и приобрести посредством ее силы. То, что они совершили как воинственный

народ, и те средства, которые они избрали, чтобы добыть из Земли ее богатства, находятся в связи с этой особенностью их существа. Для них не было опасности совершенно отвернуться от «иллюзии» физически чувственного из-за тоски по сверхчувственному, им грозила скорее другая опасность — всецело утратить душевную связь с сверхчувственным миром благодаря своей склонности к физически чувственному. И святилища оракулов, перенесенные сюда из древней атлантической области, несли по-своему также общий характер народа. Из сил, которые некогда были усвоены путем переживаний сверхчувственного мира и которыми, в известных низших формах, люди могли еще владеть, возвращались те, которые так направляют явления природы, что они служат личным интересам человека. Этот древний народ обладал еще большим могуществом в управлении такими силами природы, которые впоследствии вышли из-под влияния человеческой воли. Хранители оракулов властвовали над внутренними силами, стоявшими в связи с огнем и другими стихиями. Их можно назвать магами. То, что они сохранили из сверхчувственного познания и сверхчувственных сил как наследие древних времен, было, конечно, слабо по сравнению с тем, что было доступно человеку в отдаленном прошлом. Но это все-таки приняло всевозможные формы, начиная с благородных искусств, имевших целью только благо людей, вплоть до самых развратных действий. В этих людях люциферическая сущность действовала особым образом. Она поставила их в связь со всем, что удаляет человека от предначертаний тех высоких существ, которые, не будь люциферического вторжения, одни вели бы вперед развитие человечества. И те члены этого народа, которые еще были одарены остатками древнего ясновидческого состояния — вышеописанного промежуточного состояния между бодрствованием и сном, чувствовали большое влечение к низшим существам духовного мира. Этому народу должен был быть дан духовный импульс, противодействовавший этим свойствам его характера. Из того же источника, из которого проистекала и древнеиндийская духовная жизнь, от хранителя тайн солнечного оракула, послано было водительство этому народу.

Вождь древнеперсидской духовной культуры, посланный к этому народу хранителем солнечного оракула, может быть обозначен тем же именем, которое известно в истории как Заратустра, или Зороастр. Необходимо только подчеркнуть, что подразумеваемая здесь личность принадлежит к гораздо более ранней эпохе, чем то время, к которому история относит носителя этого имени. Однако в данном случае мы имеем дело не с внешним историческим наследованием, а с духовной наукой. И тот, у кого при упоминании о носителе имени Заратустры обязательно возникает мысль о более поздней эпохе, может примирить это с духовной наукой, если представит себе, что преемник первого великого Заратустры принял его имя и действовал в духе его учения. Импульс, который Заратустра должен был дать своему народу, состоял в его указании на то, что чувственно физический мир не есть только то лишнее духа, что выступает перед человеком, когда он отдается исключительному влиянию люциферического существа. Этому существу человек обязан своей личной самостоятельностью и своим чувством свободы. Но это существо должно действовать в нем в согласии с противоположным ему духовным существом. Для древнеперсидского народа было важно сохранить живое чувство к этому духовному существу. Благодаря его тяготению к чувственно-физическому миру ему грозило полное слияние с люциферическим существом. От хранителя солнечного оракула Заратустра получил такое посвящение, что ему могли быть сообщены откровения высоких солнечных существ. В особых состояниях сознания, к которым он был приведен своим духовным обучением, он мог

созерцать вождя солнечных существ, принявшего вышеуказанным образом под свою защиту жизненное тело человека. Он знал, что это существо направляет водительство, руководящее развитием человечества, но что оно только в определенный момент может снизойти из мирового пространства на Землю. Для этого необходимо, чтобы оно могло жить и в астральном теле человека таким же образом, как оно со времени вторжения люциферического существа действовало в жизненном теле. Для этого должен был явиться человек, который бы снова так претворил астральное тело, что оно вернулось бы на ту ступень, которой без Люцифера оно достигло бы в иную эпоху (в середине атлантического развития). Если бы не пришел Люцифер, то человек хотя и достиг бы раньше этой ступени, но без личной самостоятельности и без возможности свободы. Теперь же человек должен был, несмотря на эти качества, снова подняться на эту высоту. В своих ясновидческих состояниях Заратустра провидел, что в будущем в развитии человечества возможно будет появление личности, у которой будет соответствующее астральное тело. Он знал также, что до этого высокое солнечное существо нельзя будет найти на Земле, но что оно может быть воспринято ясновидящим в пределах духовной части Солнца. Он мог созерцать это существо, когда направлял свой ясновидческий взор на Солнце. И он возвестил своему народу об этом существе, которое пока можно было находить только в духовном мире, но которому предстояло позднее снизойти на Землю. Это было возвешение великого Духа Солнца, или света (ауры Солнца, Ahura-mazdao, Ормузда). Этот Дух света раскрывался Заратустре и его последователям как тот Дух, который обращает пока свой лик к человеку из духовного мира и которого в будущем можно ожидать среди человечества. Это был Христос до своего появления на Земле, которого Заратустра возвещал как Духа света. На Аримана же (Angra mainju) он указывал, напротив, как на силу, которая своим влиянием губительно действует на человеческую душевную жизнь, если последняя отдается ей односторонне. Это та сила, которая уже была охарактеризована выше и которая, после выдачи тайн Вулкана достигла особенного господства на Земле. Наряду с вестью о Боге света, Заратустра возвестил учение о тех духовных существах, которые раскрываются очищенному чувству ясновидца как спутники Духа света и противоположностью которых были искусители, являвшиеся неочищенному остатку ясновидения, сохранившемуся из атлантической эпохи. Древнеперсидскому народу нужно было уяснить, как в человеческой душе, поскольку она в своей деятельности и в своем стремлении обращена к чувственно-физическому миру, происходит борьба между силами Бога света и его противника и как человек должен вести себя, чтобы последний не привел его к гибели, но чтобы его влияние силою первого было обращено к добру.

Третья культурная эпоха послееатлантического времени родилась среди народов, которые в результате кочевий стеклись, наконец, в Передней Азии и Северной Африке. Она образовалась с одной стороны у халдеев, вавилонян, ассирийцев, а с другой стороны — у египтян. У этих народов отношение к физически чувственному миру сложилось иначе, чем у древних персов. Они гораздо больше, чем другие, усвоили себе духовные задатки, которые служат основой возникших, начиная с последних атлантических времен, способностей мышления и дара рассудка. Это и было ведь задачей послееатлантического человечества — развернуть в себе те душевные способности, которые могли быть приобретены с помощью пробужденных сил мысли и чувства, не возбуждаемых непосредственно духовным миром, а возникающих благодаря тому, что человек отдается наблюдению чувственного мира, вживается в него и обрабатывает его. На завоевание этого чувственно-физического мира с помощью этих человеческих

способностей следует смотреть как на миссию послеатлантических людей. Со ступени на ступень подвигается вперед это завоевание. В древней Индии человек своим душевным складом хотя и был уже направлен на этот мир, но он рассматривал его еще как иллюзию и его дух был обращен к сверхчувственному миру. В противоположность этому, в древнеперсидском народе возникает стремление овладеть физически-чувственным миром; но тогда пытались сделать это большей частью еще с помощью душевных сил, которые оставались как наследие времен, когда человек мог непосредственно достигать сверхчувственного мира. У народов третьей культурной эпохи душа в значительной степени утратила сверхчувственные способности. Она должна была использовать откровения духовного в окружающем ее чувственном мире и развиваться дальше через открытие и изобретение культурных средств, вытекавших из этого мира. Как результат исследования в физически-чувственном мире законов стоящего за ним мира духовного возникали человеческие науки; как результат познания и переработки сил этого мира возникли человеческая техника, художественный труд и их орудия и средства. Для представителя халдейско-вавилонских народов чувственный мир не был больше иллюзией, но в своих царствах, в горах и морях, в воздухе и воде мир был откровением духовных деяний стоящих за всем этим сил, законы которых он стремился познать.

Для египтянина Земля была полем его работы; он должен был так претворить силами собственного рассудка то состояние, в котором она была передана ему, чтобы оно явилось отпечатком человеческого могущества. Из Атлантиды перенесены были в Египет святилища оракулов, происходившие главным образом от оракула Меркурия. Однако существовали и другие, например, оракул Венеры. В то, что могло быть развито в египетском народе благодаря этим святилищам оракулов, погружен был зачаток новой культуры. Он исходил от великого вождя, который прошел свое духовное обучение, внимая персидским тайнам Заратустры. (Он был перевоплощением личности одного из учеников самого великого Заратустры). Назовем его, следуя историческому имени, «Гермесом». Через принятие тайн Заратустры он мог найти верный путь для руководства египетским народом. В земной жизни между рождением и смертью чувство этого народа было так направлено на физически-чувственный мир, что хотя он мог лишь в ограниченной мере непосредственно созерцать стоящий за ним мир духовный, однако познавал в этом мире законы духовного. Поэтому ему нельзя было дать учения о духовном мире как о таком, в который он мог вживаться еще на Земле. Но зато ему можно было показать, как человек будет жить после смерти, в свободном от тела состоянии, вместе с миром духов, которые во время земной жизни являются ему в своем отображении в царстве чувственно-физического. Гермес учил: поскольку человек применяет на Земле свои силы к тому, чтобы действовать на ней согласно предназначениям духовных сил, он делает себя способным после смерти соединиться с этими силами. Те, которые между рождением и смертью всего усерднее действуют в этом направлении, соединятся с высоким солнечным существом — с Озирисом. У халдейско-вавилонских народов, принадлежащих к этому культурному течению, тяготение человеческого чувства к физически-чувственному сказалось сильнее, чем у народа египетского. Они исследовали законы этого мира и от чувственных отображений поднимали взор к духовным прообразам. Однако народ во многих отношениях оставался привязанным к чувственному. Вместо звездного духа на первый план выдвигалась звезда, а вместо других духовных существ — их земные отображения. Только вожди достигали настоящих глубоких познаний относительно законов сверхчувственного мира и его взаимодействия с миром чувственным. Сильнее, чем где бы то ни было,

сказывалась здесь противоположность между познаниями посвященных и заблудившейся верою народа.

Совершенно иные условия господствовали в местностях южной Европы и западной Азии, где расцвела четвертая послеатлантическая культурная эпоха. В согласии с духовной наукой ее можно назвать греко-латинской эпохой. В этих странах стеклись потомки людей из самых различных областей древнего мира. Там существовали святилища, продолжавшие хранить предания разнообразных атлантических оракулов. Существовали люди, у которых были, унаследованные как природное расположение, остатки древнего ясновидения; но были и такие люди, которые сравнительно легко могли приобрести его путем обучения. В особых местах не только хранились предания древних посвященных, но и появились достойные их преемники, воспитывавшие учеников, которые могли подняться к высоким ступеням духовного созерцания. К тому же у этих народов было стремление создать в чувственном мире такую область, которая в физическом в совершенной форме выражала бы духовное. Результатом этого стремления, наряду со многим другим, является и греческое искусство. Достаточно взглянуть духовным взором на греческий храм, чтобы понять, как в этом чуде искусства чувственно-вещественное было так обработано человеком, что в каждой своей части оно являлось выражением духовного. Греческий храм — это «Дом Духа». В его формах можно воспринять то, что иначе видит только духовный взор ясновидца. Любой храм Зевса (или Юпитера) построен так, что он представляет для чувственного глаза достойную оболочку того, что созерцал духовным взором хранитель посвящения Зевса, или Юпитера. И так во всем греческом искусстве. Таинственным образом вливалась в поэтов, в художников и мыслителей мудрость посвященных. В стройных миросозерцаниях древних греческих философов можно найти в форме понятий и идей тайны посвященных. И влияние духовной жизни, тайны азиатских и африканских святилищ посвящений притекали к этим народам и их вождям. Великие индийские учителя, спутники Заратустры и приверженцы Гермеса воспитали себе учеников. Эти последние или их преемники основывали святилища посвящений, в которых вновь оживали в новой форме сокровища древней мудрости. Это были мистерии древности. Там подготовлялись ученики, которые затем приводились в такие состояния сознания, что могли достигать созерцания духовного мира. (Некоторые подробности относительно этих мистерий древности можно найти в моей книге: «Das Christentum als mystische Tatsache», Leipzig, Max Altmanns Verlag*. Об этом будет еще речь в последних главах этой книги). Из этих святилищ притекали тайны к людям, которые возделывали духовные тайны в Малой Азии, Греции и Италии. (В греческом мире возникли значительные святилища посвящений в лице орфических и элевсинских мистерий. В школе мудрости Пифагора продолжали действовать великие учения и методы мудрости древних времен. Во время своих долгих путешествий Пифагор был посвящен в тайны самых различных мистерий).

* См. «Христианство как мистический факт». Изд. «Ной» Ереван 1991

Но жизнь человека между рождением и смертью в послеатлантические времена оказывала влияние и на свободное от тела состояние после смерти. Чем больше обращал человек свои интересы на физически-чувственный мир, тем большую возможность получал Ариман во время земной жизни вживаться в его душу и сохранять затем свою власть и по ту сторону смерти. Народы древней Индии были еще очень мало

подвержены этой опасности, ибо во время земной жизни они ощущали физически-чувственный мир как иллюзию. В силу этого после смерти они не попадали под власть Аримана. Больше была эта опасность для древнеперсидских народов. В период между рождением и смертью они охотно обращали свой взор на чувственно-физический мир. Они в высокой степени поддались бы обольщениям Аримана, если бы Заратустра учением о Боге света не указал могущественно на то, что за физически-чувственным миром стоит мир духов света. Поскольку люди этой культуры принимали в свои души пробужденный в них таким образом мир представлений, постольку ускользали они в земной жизни от сетей Аримана, а вместе с тем — и в жизни посмертной, во время которой они должны были подготовить себе новую земную жизнь. В земной жизни власть Аримана ведет ко взгляду на чувственно-физическое бытие как на единственное и тем самым заграждает зрению всякий доступ в духовный мир. В духовном мире эта власть приводит человека к полному одиночеству, к обращению всех интересов только на себя. Люди, которые в момент смерти находятся во власти Аримана, рождаются потом эгоистами.

В духовной науке можно в настоящее время описать жизнь между смертью и новым рождением — какой она бывает, когда ариманическое влияние до известной степени преодолено. Так она и изображена автором этой книги в других сочинениях и в первых главах данной книги. И она должна изображаться так, когда надо сделать наглядным, что может пережить человек в этой форме бытия, когда он завоевал себе чистый духовный взгляд на действительно сущее. В какой мере переживает это отдельный человек, зависит от преодоления им ариманического влияния. Человек все более и более приближается к тому, чем он может быть в духовном мире. При рассмотрении хода развития человечества здесь надо особенно отметить, каким образом то, чем человек может стать в духовном мире, терпит ущерб от разных других влияний.

В египетском народе Гермес заботился о том, чтобы люди во время земной жизни подготовлялись к общению (*Gemeinschaft*) с Духом света. Но поскольку в то время интересы людей между рождением и смертью приняли уже такую форму, что люди могли лишь в слабой степени проникать взором за покров физически-чувственного, то духовный взор души оставался помраченным и после смерти. Восприятие мира света оставалось слабым. Затемнение духовного мира после смерти достигло своей высшей точки для душ, переходивших в свободное от тела состояние из телесной жизни в период греко-латинской культуры. Во время земной жизни у них процветал культ чувственно-физического бытия. И этим они обрекали себя на теневое бытие после смерти. Поэтому эту жизнь после смерти грек ощущал как теневое бытие; и это не пустые слова, а ощущение истины, когда обращенный к чувственной жизни герой этой эпохи говорит: «Лучше быть нищим на Земле, чем царем в царстве теней». Еще резче было выражено все это у тех азиатских народов, которые и в молитвенном поклонении обращали взор только на чувственные отображения вместо духовных прообразов. В таком положении находилась большая часть человечества в период греко-латинской культуры. Отсюда видно, как миссия человека, состоявшая в послеатлантические времена в завоевании физически-чувственного мира, необходимо должна была привести к отчуждению от мира духовного. Так великое с одной стороны неизбежно связано с упадком с другой. В мистериях культивировалась связь человека с духовным миром. Их посвященные в особых душевных состояниях могли получать откровения из этого мира. Они были более или менее преемниками хранителей атлантических оракулов. Им раскрывалось то, что было закрыто благодаря вторжениям Люцифера и Аримана. Люцифер закрыл для

человека из духовного мира то, что до середины атлантической эпохи влилось без его содействия в астральное тело человека. Если бы жизненное тело не было частично отделено от физического, человек мог бы переживать в себе эту область духовного мира как внутреннее откровение души. Благодаря люциферическому вторжению это стало возможно для него лишь в особых душевных состояниях. Тогда духовный мир являлся для него в одеянии астрального. Духовные существа раскрывались в образах, обладавших только членами высшей человеческой природы, и эти члены являли видимые астрально символические образы, выражавшие их особые духовные силы. Так раскрывались сверхчеловеческие образы. После вторжения Аримана к этому роду посвящения присоединился другой. Ариман закрыл из духовного мира все то, что предстало бы за чувственно-физическим восприятием, если бы с середины атлантической эпохи не произошло его вторжения. Раскрытием этого посвященные мистерий были обязаны тому обстоятельству, что они развивали в душе все способности, которые человек приобрел с того времени сверх той меры, которая была необходима для получения впечатлений чувственно-физического бытия. Благодаря этому им раскрывалось то, что кроется, как духовные силы, за силами природы. Они могли говорить о духовных существах, стоящих за природой. Им раскрывалась творческая мощь тех сил, которые действуют в природном бытии, стоящем ниже человека. То, что продолжало действовать, начиная с Сатурна, Солнца и древней Луны, и образовало физическое тело человека, его жизненное и астральное тело, а также минеральное, растительное и животное царство, — составляло содержание одного рода тайн мистерий. Это были те тайны, которые заслонил Ариман.

То, что привело к душе ощущающей, душе рассудочной и душе сознательной и что закрыл для человека Люцифер — раскрывалось в тайнах другого рода мистерий. Но только пророчески могло быть предсказано в мистериях, что с течением времени появится человек с таким астральным телом, что в нем вопреки Люциферу, без особых душевных состояний через жизненное тело сможет быть осознан мир света солнечного Духа. Физическое же тело этого человеческого существа должно было быть таким, чтобы ему могло стать явным все то из духовного мира, что до физической смерти бывает закрыто Ариманом. Физическая смерть не может ничего изменить для этого человеческого существа в пределах жизни, т. е. не имеет над ним никакой власти. В таком человеческом существе «Я» проявляется так, что в физической жизни содержится в то же время и полная духовная жизнь. Такое существо — носитель Духа света, к которому посвященный может подниматься двояко: восходя в особых душевных состояниях либо к духу сверхчеловеческого, либо к сущности природных сил. Предсказывая, что с течением времени появится такое человеческое существо, посвященные мистерий являлись пророками Христа.

Как особый пророк в этом смысле выступила одна личность среди народа, обладавшая путем естественного наследования качествами переднеазиатских народов, а путем воспитания — учением египтян: среди народа израильского. Это был Моисей. Его душа в такой высокой мере восприняла влияние посвящения, что ей в особых состояниях раскрывалось существо, которое некогда в правильном развитии Земли приняло на себя миссию созидающим образом действовать с Луны на человеческое сознание. В молнии и громе Моисей познавал не одни только физические явления, а откровения означенного духа. Но в то же время на его душу действовали и тайны другого рода мистерий, и он прозревал в астральных видениях, как сверхчеловеческое через «Я» становится

человеческим. Так раскрылся Моисею с двух сторон, как высшая форма «Я», тот, кто должен был прийти.

И в Христе явилось в человеческом облике высокое солнечное существо как великий человеческий земной прообраз. С его появлением вся мудрость мистерий должна была в известном отношении принять новую форму. Прежде она служила исключительно для того, чтобы дать человеку возможность перенестись в такое душевное состояние, в котором он мог бы созерцать царство солнечного Духа вне земного развития. Отныне мудрость мистерий получила новую задачу: сделать человека способным познать в очеловечившемся Христе изначальное существо и из этого средоточия всей мудрости постичь мир природный и духовный.

В тот момент жизни Христа Иисуса, когда его астральное тело заключало в себе все то, что может быть закрыто люциферическим вторжением, началось его выступление как учителя человечества. С этого момента в человеческое земное развитие была заложена способность принять мудрость, благодаря которой постепенно может быть достигнута цель физической Земли. В тот момент, когда совершилось событие на Голгофе, человечеству была привита другая способность, благодаря которой влияние Аримана может быть обращено к добру. Отныне человек может взять с собою из жизни за врата смерти то, что освобождает его от одиночества в духовном мире. Событие в Палестине является средоточием не только для физического развития человечества, но и для остальных миров, к которым принадлежит человек. И когда совершилась «Мистерия Голгофы», когда была пережита «крестная смерть», в том мире, где пребывают души после смерти, явился Христос и отразил власть Аримана, указав ей ее пределы. С этого момента область, которая у греков называлась «царством теней», была пронизана той молнией духа, которая возвестила обитавшим в ней существам, что в нее снова проникает свет. То, что через «Мистерию Голгофы» было достигнуто для физического мира, пролило свой свет и в духовный мир. Итак, послеатлантическое развитие человечества до этого события было подъемом для физически-чувственного мира. Но в то же время оно было упадком для духовного. Все вливавшееся в чувственный мир проистекало из того, что уже было в духовном мире с самых древних времен. Со времени Христова события люди, поднимающиеся до тайны Христа, могут переносить завоеванное ими с собою из чувственного мира в духовный. И когда люди при своем новом воплощении приносят с собою то, чем стал для них импульс Христа в духовном мире между смертью и новым рождением, он из духовного мира изливается обратно в мир чувственно-земной.

То, что влилось благодаря явлению Христа в развитие человечества, действовало в нем подобно семени. Семя же может созреть лишь постепенно. Только самая малая часть глубин новой мудрости проникла до настоящего времени в физическое бытие. Последнее находится лишь в самом начале христианского развития. В последовательные периоды, протекавшие со времени этого явления, христианское развитие могло лишь в такой мере раскрывать свою внутреннюю, сущность, в какой люди и народы были способны принять ее, включить в свой мир представлений. Первую форму, в которую могла выделиться эта сущность, можно выразить как всеобъемлющий жизненный идеал. И как таковой, он противостоял всем выработавшимся в послеатлантическом человечестве жизненным формам. Выше были описаны условия, действовавшие в развитии человечества со времени нового заселения Земли в лемурийскую эпоху. Сообразно этому в душевном отношении людей надо отнести к различным существам, которые, приходя из иных миров, воплощались в телесных потомках древних лемурийцев. Различные

человеческие расы являются следствием этого факта. И в перевоплощенных душах, в силу их кармы, появились самые разнообразные интересы. Пока все это продолжало оказывать влияние, не могло быть идеала «всеобщей человечности». Человечество вышло из единства; но земное развитие до сих пор вело к обособлению. В образе Христа дан идеал, противодействующий всякому обособлению, ибо в человеке, носящем имя Христа, живет высокое солнечное существо, в котором каждое человеческое «Я» находит свою первооснову. Еще израильский народ чувствовал себя как народ, а человек — как член этого народа. Так как в начале было постигнуто только мысленно, что в Христе Иисусе живет идеальный человек, над которым не властны условия обособления, христианство стало идеалом всеобъемлющего братства. Выше и помимо всех отдельных интересов и всякого отдельного родства появилось чувство, что наивнутреннейшее «Я» всех людей имеет одно общее происхождение. (Наряду со всеми земными предками выступает общий Отец всех людей. «Я и Отец — одно»).

В четвертом, пятом и шестом столетии по Р.Х. в Европе начал подготавливаться тот культурный период, в котором мы еще живем. Он должен был постепенно сменить четвертый, греко-латинский период. Это пятый послеатлантический культурный период. Народы, которые после различных странствий и самых разнообразных судеб сделали носителями этого периода, были потомками тех атлантов, которых меньше всего коснулось то, что произошло тем временем в четыре предшествовавшие культурные периоды. Они не дошли до тех областей, в которых пустили корни означенные культуры. Зато они были в своем роде продолжателями атлантических культур. Среди них было много людей, которые в высокой степени еще сохранили наследие древнего сумеречного ясновидения — описанного промежуточного состояния между бодрствованием и сном. Эти люди знали духовный мир из собственного переживания и могли сообщать своим братьям о том, что происходит в этом мире. Так возник целый мир повествований о духовных существах и о духовных событиях. Сокровища народных сказок и легенд возникли первоначально из подобных духовных переживаний. Ибо сумеречное ясновидение у многих людей сохранилось вплоть до времен, вовсе не так далеко отстоящих от нашего. Были и другие люди, которые хотя и утратили ясновидение, однако продолжали развивать приобретенные ими для чувственно-физического мира способности сообразно тем чувствам и ощущениям, которые отвечали переживаниям ясновидения. Атлантические оракулы также имели здесь своих преемников. Всюду происходили мистерии. Но в этих мистериях разрабатывалась преимущественно та тайна посвящения, которая вела к откровению духовного мира, закрытого Ариманом. В них раскрывались духовные власти, стоящие за силами природы. В мифологиях европейских народов содержатся остатки того, что могли возвещать людям посвященные этих мистерий. Но эти мифологии содержат в себе, конечно, и другую тайну, однако в менее совершенном виде, чем это было в южных и восточных мистериях. Сверхчеловеческие существа были известны и в Европе. Но их видели в постоянной борьбе со спутниками Люцифера. И хотя возвещалось о Боге света, но в таком образе, что о нем нельзя было сказать, будто он победит Люцифера. Но и в эти мистерии светил грядущий образ Христа. О нем возвещалось, что его царство придет на смену царства того первого Бога света. (Все сказания о сумерках богов и подобные им берут начало из этого познания, раскрывавшегося в мистериях Европы). Через эти влияния в человеке пятой культурной эпохи возник душевный раскол, который продолжается еще и в настоящее время и сказывается в самых разнообразных проявлениях жизни. Душа не настолько сохранила в себе с древних времен тяготение к духовному, чтобы быть в состоянии удержать связь

между духовным и чувственным миром. Она сохранила ее только как культуру чувства и ощущения, а не как непосредственное созерцание сверхчувственного мира. Зато взор человека все больше направлялся на чувственный мир и на его завоевание. И силы рассудка, пробудившиеся в последние атлантические времена, все силы человека, орудием которых является физический мозг, вырабатывались применительно к чувственному миру, к познанию его и к господству над ним. В груди человека развились как бы два мира. Один — обращенный к чувственно-физическому бытию, другой — восприимчивый к откровению духовного и готовый проникнуть его чувством и ощущением, однако без созерцания. Задатки этого душевного раскола уже существовали, когда учение Христа влилось в пределы Европы. Люди принимали в свои сердца это возвешение о духе, проникали им свое ощущение и чувство, но не могли перекинуть мост к тому, что добывал в физически-чувственном бытии направленный на внешние чувства рассудок. То, что мы считаем в наше время противоположностью между внешней наукой и духовным познанием, есть только следствие этого факта. Христианская мистика (Экхарта, Таулера и т. д.) есть результат проникновения чувства и ощущения христианством. Направленная на один только чувственный мир наука и результаты ее в жизни являются следствием другой стороны душевных задатков. И достижения в сфере внешней материальной культуры следует целиком приписать этому разделению задатков. Тем, что способности человека, имеющие своим орудием мозг, были односторонне направлены на физическую жизнь, они смогли повыситься настолько, что сделали возможными современную науку, технику и т. д. И только у народов Европы могла получить начало эта материальная культура. Ибо они суть те потомки атлантических предков, которые лишь тогда обратили в способность свое тяготение к физическому чувственному миру, когда оно достигло известной зрелости. Дотоле оно дремало в них, и они жили наследием атлантического ясновидения и сообщениями своих посвященных, между тем как духовная культура ограничивалась внешне одними этими влияниями, склонность к материальному завоеванию мира медленно продолжала созревать.

Но в настоящее время уже занимается заря шестого послеатлантического культурного периода. Ибо то, что должно в известное время возникнуть в развитии человечества, медленно созревает в течение предшествующих времен. В настоящее время уже может быть положено начало нахождению нити, соединяющей обе стороны в груди человека — материальную культуру и жизнь в духовном мире. Для этого необходимо, чтобы с одной стороны были поняты результаты духовного созерцания, а с другой — в наблюдениях и переживаниях чувственного мира были познаны откровения духа. Шестая культурная эпоха приведет к полному развитию эту гармонию между обеими сторонами. Вместе с этим мы дошли в нашем рассмотрении до той точки, где от взгляда в прошлое оно может перейти ко взгляду в будущее. Но лучше, если этому взгляду в будущее будет предшествовать еще глава о познании высшего мира и о посвящении. Тогда в связи с нею можно будет, насколько это возможно в пределах этой книги, вкратце бросить взгляд и на будущее.

ПОЗНАНИЕ ВЫСШИХ МИРОВ (О посвящении или инициации)

На нынешней ступени своего развития человек переживает в обыкновенной жизни между рождением и смертью три душевных состояния: бодрствование, сон и — между ними обоими — сновидческое состояние. На это последнее будет еще указано вкратце на дальнейших страницах этой книги. Здесь же жизнь будет рассмотрена сначала в своих двух главных сменяющих друг друга состояниях: бодрствования и сна. Человек достигает познаний в высших мирах, когда он кроме сна и бодрствования приобретает еще третье душевное состояние. Во время бодрствования душа отдается впечатлениям внешних чувств и представлениям, возбуждаемым впечатлениями чувств. Во время сна впечатления чувств молчат; но душа теряет и сознание. Дневные переживания погружаются в море бессознательности. Представим себе теперь, что душа может во время сна достигнуть сознательности несмотря на то, что впечатления чувств, как это бывает в глубоком сне, остаются выключенными, так что не сохраняется *даже и воспоминания* о дневных переживаниях. Значит, душа находится тогда в небытии? Не может иметь никаких переживаний? Ответ на этот вопрос возможен только в том случае, если бы действительно могло быть вызвано состояние, подобное только что описанному или похожее на него; если бы душа могла что-то переживать, даже когда в ней нет ни действий внешних чувств, ни воспоминаний о них. Тогда душа находилась бы по отношению к обыкновенному миру как бы во сне; и все же она не спала бы, но имела бы перед собой, как во время бодрствования, действительный мир. Такое состояние сознания может быть достигнуто, если человек вызовет в себе те душевные переживания, к которым открывает ему доступ духовная наука. И все, что она сообщает ему о мирах, которые лежат за пределами чувственного, добыто путем такого состояния сознания. В предшествовавшем изложении были сделаны некоторые сообщения о высших мирах. В последующем будет речь — насколько это возможно в данной книге — о средствах, с помощью которых достигается необходимое для такого исследования состояние сознания.

Только одним это состояние сознания похоже на сон, а именно тем, что благодаря ему прекращаются все действия внешних чувств; а также погашаются и все мысли, возбужденные действиями чувств. Но если во сне душа не имеет силы пережить что-нибудь сознательно, то благодаря этому состоянию сознания она может получить эту силу. Таким образом оно пробуждает в душе способность к переживанию, которая в обычных условиях жизни возбуждается только действиями чувств. Пробуждение души к такому высшему состоянию сознания может быть названо *посвящением* (инициацией).

Средства посвящения ведут человека из обыкновенного состояния дневного сознания к такой душевной деятельности, благодаря которой он пользуется духовными орудиями наблюдения. Раньше эти орудия существовали в душе в виде зачатков. Эти зачатки подлежат развитию. Но может случиться, что человек в известный момент своего жизненного пути без особой подготовки сделает в своей душе открытие, что в нем развились такие высшие орудия. Это значит, что тогда наступило своего рода произвольное самопробуждение. Такой человек вследствие этого почувствует

изменение во всем своем существе. Наступит безграничное обогащение его душевных переживаний. И он увидит, что никакие переживания в чувственном мире не могут дать ему такого чувства блаженства, такого удовлетворенного душевного строя и внутренней теплоты, как то, что раскрывается познанию и что недоступно физическому глазу. Сила и жизненная уверенность волеются в его волю из духовного мира. Такие случаи самопосвящения бывают. Но они не должны вести к ошибочному убеждению, что единственно верное — это выждать такого самопосвящения и ничего не делать для того, чтобы прийти к посвящению путем правильного обучения. Здесь нет надобности говорить о самопосвящении, ибо оно может наступить и без соблюдения каких бы то ни было правил. Но здесь будет изложено, каким образом путем прохождения известной школы можно развить дремлющие в душе в зачаточном состоянии органы восприятия. Люди, не чувствующие в себе особого побуждения что-нибудь сделать для своего развития, легко могут сказать: человеческая жизнь находится под управлением духовных сил, в водительство которых не следует вторгаться; нужно спокойно выждать момента, когда эти силы найдут правильным раскрыть душе иной мир. Такие люди могут, пожалуй, ощущать подобное вмешательство в мудрость духовного водительства как своего рода дерзость или неоправданное стремление. Лица, которые так думают, придут к иному мнению только тогда, когда на них произведет достаточно сильное впечатление следующее представление. Когда они скажут себе: это мудрое водительство дало мне известные способности; оно даровало мне их не для того, чтобы я оставил их неиспользованными, но чтобы я применял их. Мудрость водительства заключается в том, что оно вложило в меня зачатки высшего состояния сознания. Я только тогда понимаю это водительство, когда ощущаю обязанность сделать все, что может привести эти зачатки к развитию. Когда такая мысль произведет достаточно сильное впечатление на душу, то исчезнут и приведенные выше сомнения против метода обучения, ведущего к высшему состоянию сознания.

Но, конечно, может возникнуть еще и другое сомнение относительно подобного метода обучения. Можно сказать себе: «Развитие внутренних душевных способностей вторгается в сокровеннейшее святилище человека. Оно включает в себе известное изменение всего человеческого существа. Разумеется, человек не может сам придумать себе средство для такого изменения. Ибо только тот может знать, как входят в высший мир, кому путь в него известен как собственное переживание. Обращаясь к такому лицу, я позволяю ему влиять на сокровеннейшее святилище души». Кто так думает, тот не почувствовал бы особенного успокоения даже и в том случае, если бы средства для достижения высшего состояния сознания были предложены ему в книге. Ибо важно ведь не то, получаем ли мы устное сообщение, или же лицо, обладающее знанием этих средств, излагает их в книге, и мы узнаем их оттуда. Существуют лица, которые обладают знанием правил для развития духовных органов восприятия и придерживаются взгляда, что этих правил нельзя доверить книге. Такие лица большей частью считают неуместным и сообщение некоторых истин, касающихся духовного мира. Но для современной эпохи развития человечества это воззрение в известном смысле нужно назвать устаревшим. Это, конечно, верно, что при сообщении соответствующих правил можно идти лишь до известного пункта. Однако такие сообщения приводят к тому, что человек, применяющий их к своей душе, достигает в развитии познания возможности найти затем дальнейший путь. О том, каким образом этот путь ведет затем дальше, можно получить правильное представление только на основании того, что человек прошел уже раньше. Все эти факты могут дать повод к сомнениям относительно пути

духовного познания. Эти сомнения исчезнут, если принять во внимание сущность того хода развития, который намечается методом обучения, соответствующим нашей эпохе. Об этом пути здесь и будет говориться, а на другие методы будет лишь кратко указано.

Обучение, о котором будет здесь речь, дает тому, кто стремится к высшему развитию, средства предпринять изменение своей души. О предосудительном вторжении в существо ученика можно было бы говорить лишь в том случае, если бы учитель предпринял это изменение с помощью средств, не подлежащих сознанию ученика. Но в наше время такими средствами не пользуется ни одно *правильное* обучение, ведущее к духовному развитию. Оно не делает ученика слепым оружием. Оно дает ученику предписания, и ученик выполняет их. Причем когда бывает нужно, от него не скрывается, почему дается то или иное предписание. Принятие правил и их применение лицом, стремящимся к духовному развитию, вовсе не должно основываться на слепой вере. В этой области таковая должна быть совершенно исключена. Кто рассматривает природу человеческой души, поскольку она раскрывается без духовного обучения уже обыкновенному самонаблюдению, тот может спросить себя, приняв рекомендуемые духовным обучением правила: как могут действовать эти правила в душевной жизни? И на этот вопрос, при беспристрастном применении здравого человеческого рассудка, еще до всякого обучения может быть дан *достаточный* ответ. Можно составить себе верное представление о роде действия этих правил еще прежде, чем начать пользоваться ими. Но *пережить* это действие можно, конечно, лишь при обучении. Но и тогда переживание будет всегда сопровождаться пониманием, если каждый шаг, который нужно сделать, будет сопровождаться здравым суждением. И в настоящее время истинная духовная наука дает при обучении только такие правила, относительно которых может высказаться здравое суждение. Кто готов отдаться только *такому* обучению и кого не толкает к *слепой* вере какая-либо предвзятость, у того исчезнут все сомнения. Возражения против правильного обучения, ведущего к высшему состоянию сознания, не станут помехой на его пути.

Но и для лица, обладающего внутренней зрелостью, которая рано или поздно может привести его к самопробуждению духовных органов восприятия, обучение не является излишним; напротив, для него оно особенно необходимо. Ибо лишь в редких случаях такому лицу не пришлось бы до самопосвящения идти самыми разнообразными извилистыми и ненужными окольными путями. Обучение избавляет его от этих окольных путей. Оно ведет прямым путем. Если для души наступает такое самопосвящение, то это происходит от того, что в предыдущих жизнях она приобрела соответствующую зрелость. Очень легко может случиться, что именно у такой души бывает некоторое смутное чувство своей зрелости и она на основании этого чувства отклоняет обучение. Такое чувство может породить известное высокомерие, которое мешает получить доверие к истинному духовному обучению. Известная ступень душевного развития может оставаться до определенного возраста скрытой и лишь потом проявиться. Но обучение может оказаться как раз верным средством, чтобы дать ей выявиться. Если же такой человек отклонит обучение, то может случиться, что в данной жизни его способность останется скрытой и выступит лишь в одной из последующих жизней.

Относительно имеющегося обучения сверхчувственному познанию, о котором здесь говорится, важно не дать возникнуть возможным недоразумениям. Одно из них может возникнуть оттого, что полагают, будто обучение стремится сделать человека другим существом в отношении всего его образа жизни. И дело не в том, чтобы дать человеку

общие жизненные предписания, но чтобы сообщить ему об определенной душевной деятельности (Seelenverrichtungen), которые, если он их осуществляет, дают ему возможность наблюдать сверхчувственное. На ту часть его жизненных функций, которая лежит вне наблюдений сверхчувственного, эта деятельность не имеет никакого *непосредственного* влияния. *Вдобавок* к этим жизненным функциям человек приобретает дар сверхчувственного наблюдения. Деятельность этого наблюдения отделена от обыкновенных жизненных функций так же, как состояние бодрствования — от состояния сна. Одно ни в малейшей степени не может мешать другому. Тот, например, кто пожелал бы привнести в обыкновенное течение жизни впечатления сверхчувственного созерцания, походил бы на больного, сон которого постоянно прерывается болезненным пробуждением. Для свободной воли обученного должно быть возможно достичь состояния наблюдения сверхчувственной деятельности. Обучение, конечно, *косвенно* связано с жизненными предписаниями, поскольку без определенного этически настроенного образа жизни знакомство со сверхчувственным является невозможным или вредным. И поэтому многое, ведущее к созерцанию сверхчувственного, является в то же время средством к облагораживанию образа жизни. С другой стороны, через знакомство со сверхчувственным миром познаешь высшие моральные импульсы, которые действительны также для физически-чувственного мира. Определенная необходимость морального порядка будет познана лишь исходя из этого мира. Вторым недоразумением было бы думать, что такая душевная деятельность, ведущая к сверхчувственному познанию, связана с изменениями физической организации. Эти функции не имеют даже малейшего отношения к чему-либо, что подвластно физиологии или иной ветви естествознания. Эти духовно-душевные процессы отстоят от всего физического столь же далеко, сколь и само здоровое мышление и восприятие. Через такую деятельность в душе происходит нечто иное, чем когда она здраво представляет или судит. Процессы истинного обучения сверхчувственному познанию имеют такое же отношение к телу, какое имеет к нему здоровое мышление. Все, что может иметь другое отношение к человеку, не есть истинное духовное обучение, но карикатура его. Именно в этом смысле должны быть поняты нижеследующие изложения. Только потому, что сверхчувственное познание есть нечто, что исходит из всей души человека, может показаться, что для обучения потребовались бы вещи, делающие из человека нечто иное. В действительности же дело идет об указании на деятельность, дающую душе возможность достигать в своей жизни таких мгновений, в которые она может наблюдать сверхчувственное.

Восхождение к сверхчувственному состоянию сознания может исходить только из обыкновенного бодрствующего дневного сознания. В этом сознании душа живет до своего восхождения. Обучение дает ей средства, которые выводят ее из этого сознания. Имеющееся здесь в виду обучение в числе первых средств дает такие, которые можно отнести еще к деятельности обычного дневного сознания. Самыми действенными средствами являются как раз те, которые состоят в молчаливой работе души. Все дело в том, чтобы душа отдавалась совершенно определенным представлениям. Эти представления таковы, что они своей сущностью оказывают пробуждающее действие на известные скрытые способности внутреннего мира человека. Они отличаются от тех представлений бодрствующей дневной жизни, задача которых состоит в отображении внешних предметов. Чем точнее последние отображают предметы, тем они вернее. Быть верными в этом смысле составляет их сущность. Но не в этом задача представлений,

которым душа должна отдаваться в целях духовного обучения. Они так составлены, что не отображают ничего внешнего, но обладают в самих себе силою действовать пробуждающе на душу. Самыми подходящими для этого представлениями являются *образно-наглядные* или символические. Но можно пользоваться и другими представлениями. Ибо дело вовсе не в том, что содержат в себе представления, а исключительно в том, чтобы душа направляла все свои силы на то, чтобы не иметь в сознании ничего другого, кроме данного представления. Если в обыденной душевной жизни ее силы распределены на многое и представления быстро сменяют друг друга, при духовном обучении дело идет о концентрации всей душевной жизни на одном представлении. И это представление нужно собственной волей поставить в центре сознания. Поэтому символические представления пригоднее тех, что отображают внешние предметы или события; ибо последние имеют точку опоры во внешнем мире, и вследствие этого душе приходится меньше опираться на самое себя, чем при символических представлениях, которые обязаны своим происхождением одной только душевной энергии. Существенно не то, *что* представляешь себе, а то, чтобы представленное через сам способ представления освободило душевное от всякой опоры на физическое.

Можно прийти к пониманию этого погружения в представление, если вызвать в душе *понятие воспоминания*. Если, например, обратить взор на дерево и затем отвернуться от него, так чтобы его больше не видеть, то можно сохранить в душе представление о дереве. Представление, которое мы имеем о дереве, когда это последнее не находится перед нами, есть *воспоминание* о дереве. Теперь представим себе, что мы сохраняем в душе это воспоминание; даем душе как бы покоиться на вспоминаемом представлении и стараемся при этом исключить все другие представления. Тогда душа бывает *погружена* во вспоминаемое представление дерева. Мы имеем дело с погружением души в представление; но это представление есть отображение воспринятого внешними чувствами предмета. Если же произвести то же самое с представлением, вызванным в сознании по собственной воле, то можно постепенно достигнуть должного действия.

Приведем наглядный пример внутреннего погружения с символическим представлением. Сначала надо построить в душе такое представление. Это может быть совершенно следующим образом. Представим себе растение — как оно укореняется в земле, как оно выгоняет лист за листом, как оно распускается в цветок. И теперь мысленно представим себе рядом с этим растением человека. Оживим в душе мысль о том, что человек обладает свойствами и способностями, которые по сравнению со свойствами и способностями растения можно назвать более совершенными. Подумаем, как он, сообразно своим чувствам и своей воле, может пойти туда или сюда, тогда как растение приковано к земле. Но при этом скажем себе; да, конечно, человек совершеннее растения; но зато я встречаю в нем свойства, которых не воспринимаю у растения и благодаря отсутствию которых оно в известном отношении может явиться мне более совершенным, чем человек. Человек исполнен вожделий и страстей; он следует им в своем поведении. Я могу говорить о его заблуждениях, обусловленных его влечениями и страстями. У растения я вижу, как оно от листа к листу следует чистым законам роста, как оно бесстрастно раскрывает цветок целомудренному солнечному лучу. Я могу сказать себе: человек по сравнению с растением обладает известным совершенством; но это совершенство он приобрел ценою того, что к представляющимся мне чистыми силам растения он допустил присоединиться в своем существе влечениям, вожделиям и

страстям. Я представляю себе теперь, что в растении течет зеленый сок и что он является выражением чистых бесстрастных законов роста. И затем я представляю себе, как в жилах человека течет красная кровь и как она служит выражением влечений, вожделений и страстей. Всему этому я даю возникнуть как живой мысли в моей душе. Затем я представляю себе далее, как человек способен к развитию; как он посредством своих высших душевных способностей может просветлить и очистить свои влечения и страсти. Я мысленно представляю себе, как через это уничтожится низшее в этих влечениях и страстях и они возродятся на более высокой ступени. Тогда можно будет представить кровь как выражение очищенных и просветленных влечений и страстей. Я смотрю, например, духовно на розу и говорю себе: в красном соке розы я вижу цвет зеленого растительного сока превращенным в красный; и красная роза следует, как и зеленый лист, чистым бесстрастным законам роста. Пусть красный цвет розы станет для меня символом такой крови, которая является выражением просветленных влечений и страстей, уничтоживших все низшее и в своей чистоте подобных силам, действующим в красной розе. Я попытаюсь теперь не только переработать такие мысли в моем рассудке, но и дать им ожить в моем ощущении. Я могу испытать ощущение блаженства, когда я представляю себе чистоту и бесстрастность растущего растения. Я могу породить в себе чувство, как известные высшие совершенства должны покупаться ценою приобретения влечений и вожделений. Это может превратить блаженство, которое я ощущал дотоле, в строгое чувство. И во мне может пробудиться затем чувство освобождающего счастья, когда я отдамся мысли о красной крови, которая может стать носительницей переживаний, внутренне чистых, как красный сок розы. Важно, чтобы человек не бесчувственно относился к мыслям, которые служат для построения символического представления. После того, как мы некоторое время отделились таким мыслям и чувствам, надо превратить их в следующее символическое представление. Представим себе черный крест. Пусть он будет *символическим образом* для уничтоженных низших влечений и страстей. И там, где пересекаются брусья креста, мысленно представим себе семь красных сияющих роз, расположенных в круге. Эти розы пусть будут *символическим образом* для крови, которая является выражением просветленных, очищенных страстей и влечений*. Это символическое представление и нужно вызвать в своей душе так, как это было наглядно показано выше на вызванном в памяти представлении. Такое представление имеет пробуждающую силу, если отдаться ему во внутреннем погружении. Все другие представления надо попытаться исключить во время этого погружения. Только один описанный символический образ должен духовно как можно живее парить перед душой. Этот символический образ был приведен здесь не без основания, не просто как пробуждающее представление, он был предварительно построен при помощи определенных представлений о растении и человеке. Ибо действие такого символического образа зависит от того, что прежде чем применить его к внутреннему погружению, мы составили его описанным образом. Если представить его себе, не совершив сперва в собственной душе такого построения, он останется холодным и гораздо менее действенным, чем когда он благодаря подготовительной работе приобрел свою согревающую душу силу. Однако во время погружения не следует вызывать в душе всех подготовительных мыслей, но надо иметь перед собой живым один только парящий в духе образ; при этом в душе должно продолжать жить то ощущение, которое явилось в результате подготовительных мыслей. Так символический образ становится знаком наряду с переживаемым ощущением. И в длительном пребывании души в этом переживании заключается действенная сила. Чем дольше мы в

состоянии пребывать в нем без вторжения других мешающих представлений, тем действеннее весь процесс. Однако хорошо, кроме того времени, которое посвящается погружению в собственном смысле, повторять иногда в мыслях и чувствах, как было описано выше, построение образа, чтобы ощущение не побледнело. Чем с большим терпением мы производим это возобновление, тем значительнее становится образ для души. (В моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» указаны и другие примеры внутреннего погружения. Особенно действенны описанные в ней медитации над ростом и умиранием растения, над дремлющими в зерне растения созидательными силами, над формами кристаллов и т. д. Здесь, в этой книге, надлежало показать на примере лишь сущность медитации).

* Дело не в том, считает ли то или иное естественнонаучное представление вышеприведенные мысли правомерными или нет. Ибо речь идет о развитии таких мыслей о растении и человеке, которые могут быть добыты без всякой теории, посредством простого непосредственного созерцания. Такие мысли имеют ведь также свое значения — наряду с не менее значительными в другом отношении теоретическими представлениями о предметах внешнего мира. И здесь эти мысли приводятся не для того, чтобы научно представить положение вещей, но чтобы построить символический образ, который оказывается действенным независимо от возражений, могущих прийти в голову тому или иному лицу при построении этого символического образа.

Такой символический образ, как описанный здесь, не отображает внешнего предмета или существа, произведенного природой. Но благодаря этому он и обладает как раз своей пробуждающей силой для некоторых внутренних способностей. Кто-нибудь мог бы, конечно, высказать возражение. Он мог бы сказать: конечно, «целое» как символический образ существует не через природу, но все отдельные части заимствованы все же из природы: черный цвет, розы и т. д. — ведь все это воспринимается внешними чувствами. Кого смущает подобное возражение, тот должен принять во внимание, что не отображения чувственных восприятий составляют то, что ведет к пробуждению высших душевных способностей, но что это действие вызывается единственно только *способом сочетания* этих отдельных частей. А это сочетание не отображает ничего, существующего в чувственном мире.

На символическом образе — в виде примера — надлежало наглядно показать процесс действенного погружения души. В духовном обучении даются самые разнообразные образы такого рода, и они бывают построены самыми различными способами. Могут даваться также определенные изречения, формулы, отдельные слова, в которые надо погружаться. В каждом случае эти средства внутреннего погружения имеют целью оторвать душу от чувственного восприятия и побудить ее к такой деятельности, при которой впечатление, оказываемое на физические чувства, не имеет значения и существенным является раскрытие внутренних, дремлющих душевных способностей. Можно погружаться также и в одни только чувства, ощущения и т. д. Это оказывается особенно действенным. Возьмем, например, чувство радости. При нормальном ходе жизни душа переживает радость, когда имеется внешнее побуждение к радости. Когда обладающая здоровым ощущением душа видит, как человек совершает какой-нибудь поступок, внушаемый ему его сердечной добротой, то душа чувствует удовольствие и радость от такого поступка. Но эта душа может и задуматься над такого рода поступком. Она может сказать себе: поступок, совершаемый по сердечной доброте, это такой, при котором совершающий его следует не своему личному интересу, а интересу своего ближнего. И такой поступок может быть назван нравственно добрым. Но погружающаяся душа может также совершенно освободиться от представления об отдельном случае во внешнем мире, доставившем ей радость или удовольствие, и может, например, мысленно представить себе, как сердечная доброта возникает благодаря тому,

что одна душа как бы вбирает в себя интерес другой души и делает его своим собственным. И душа может ощутить радость перед этой нравственной идеей сердечной доброты. Это не радость о том или ином событии чувственного мира, а радость об *идее*, как таковой. Если мы попытаемся дать такой радости некоторое время жить в душе, то это будет погружением в чувство, в ощущение. Не идея явится тогда действующей силой для пробуждения внутренних душевных способностей, но длящееся в душе в течение некоторого времени господство чувства, которое вызвано не одним только внешним отдельным впечатлением. Так как духовная наука способна глубже проникнуть в сущность вещей, чем обыкновенный процесс представления, то учитель, знакомый с методом духовного обучения, может указать ученику чувства и ощущения, которые, будучи применены к внутреннему погружению, действуют на раскрытие душевных способностей в еще более высокой степени. Как ни необходимо это для достижения высших ступеней обучения, однако следует помнить, что энергичное погружение в такие чувства и ощущения, как, например, описанное при рассмотрении сердечной доброты, может уже и само повести очень далеко. Так как существа людей различны, то для отдельных людей действительны и разные средства обучения. Что касается продолжительности погружения, то нужно принять во внимание, что чем спокойнее и «вдумчивее» это погружение, тем сильнее действует. Но всякой чрезмерности в этом направлении следует избегать. Известный внутренний такт, который приобретается благодаря самим упражнениям, научит ученика той мере, какой он должен придерживаться в этом отношении.

Подобные упражнения во внутреннем погружении приходится обыкновенно делать в течение долгого времени, прежде чем можно бывает самому заметить их результат. При духовном обучении безусловно необходимы терпение и выдержка. Кто не пробудит их в себе и не будет в полном спокойствии и без перерыва продолжать своих упражнений таким образом, чтобы терпение и выдержка постоянно составляли при этом основное настроение его души, тот достигнет немногого.

Из предыдущего изложения видно, что внутреннее погружение (медитация) является средством к достижению познания высших миров, а также, что не всякое содержание представления ведет к нему, а только такое, которое составлено описанным образом.

Указанный здесь путь приводит сначала к тому, что можно назвать *имагинативным* познанием. Это первая ступень высшего познания. Познавание, основанное на чувственном восприятии и на переработке чувственных восприятий при помощи связанного с внешними чувствами рассудка может быть названо — в смысле духовной науки — «предметным познаванием». За ним лежат более высокие ступени познания, первая из которых и есть имагинативное познавание. Выражение «имагинативное» могло бы вызвать возражение у того, кто под «имагинацией» понимает только «воображаемое» представление, которому не соответствует ничего действительного. Но в духовной науке под «имагинативным» познанием следует понимать такое, которое достигается путем сверхчувственного состояния сознания души. В этом состоянии сознания воспринимаются духовные факты и существа, к которым не имеют доступа внешние чувства. Так как это состояние пробуждается в душе путем погружения в символические образы, или «имагинации», то и мир этого высшего состояния сознания может быть назван «имагинативным», равно как и относящееся к нему познание. Итак, в этом смысле «имагинативное» означает нечто такое, что «действительно» в ином смысле, чем факты и существа физического чувственного восприятия. Здесь главное не *содержание*

представлений, которые наполняют имагинативное переживание; напротив, вся суть в душевной способности, которая развивается в этом переживании.

Против применения означенных символических представлений легко можно возразить, что построение их может проистекать из мечтательного мышления и произвольной фантазии и что поэтому успех такого применения может быть только сомнительным. По отношению к тем символическим образам, которые лежат в основе правильного духовного обучения, приведенное возражение не имеет значения. Ибо символические образы выбираются так, что независимо от их отношения к внешней чувственной действительности ценность их надо искать исключительно в той силе, с какой они действуют на душу, когда она отвращает все свое внимание от внешнего мира, подавляет все впечатления внешних чувств, а также исключает и все мысли, которые она может породить, отвечая на внешние побуждения. Процесс медитации станет всего нагляднее, если сравнить ее с состоянием сна. С одной стороны, она имеет сходство со сном, с другой же — совершенно противоположна. Она есть сон, который по сравнению с дневным сознанием представляет собою высшее состояние пробужденности. Дело в том, что концентрация на соответственном представлении или образе вынуждает душу вызвать из собственных глубин гораздо большие силы, чем какие она применяет в обычной жизни или в обычном познании. Через это ее внутренняя подвижность повышается. Она освобождается от нее и во время сна; но не переходит в бессознательность, как это бывает во сне, а переживает мир, которого она прежде не переживала. Хотя в смысле освобождения от тела ее состояние и можно сравнить со сном, однако оно таково, что по отношению к обычному дневному сознанию его можно назвать состоянием *повышенного бодрствования*. Благодаря этому душа переживает себя в своем истинном, внутреннем самостоятельном существе, между тем как при обычном дневном бодрствовании, вследствие более слабо развернутых сил, она осознает себя только при помощи тела и, таким образом, не переживает себя самое, а только воспринимает себя в образе — как бы в своего рода зеркальном отражении, которое отбрасывается в сознание телом (или собственно его процессами).

Символические образы, построенные, как было описано выше, конечно, еще не относятся к чему-нибудь действительному в духовном мире. Они служат для того, чтобы оторвать и освободить человеческую душу от чувственного восприятия и от орудия мозга, с которым ближайшим образом связан рассудок. Это освобождение может произойти не раньше, чем человек почувствует: теперь я представляю себе нечто с помощью сил, для которых мои чувства и мозг служат орудиями. Первое, что человек переживает на этом пути, есть такое освобождение от физических органов. Он может тогда сказать себе: мое сознание не угасает, когда я оставляю в стороне восприятие внешних чувств и обычное рассудочное мышление; я могу подняться над этим мышлением и тогда ощущаю себя как особое существо наряду с тем, чем я был раньше. Это — первое, чисто духовное переживание: наблюдение душевно-духовного существа «Я». Оно выделилось как новое Я (Selbst) из того «Я», которое связано лишь с физическими чувствами и физическим рассудком. Если бы мы освободились от мира чувств и рассудка без такого погружения, то мы погрузились бы в «ничто» бессознательности. Само собою разумеется, что это душевно-духовное существо было в нас и до погружения. Но у него еще не было орудий для наблюдения духовного мира. Оно было вроде физического тела, у которого нет глаз, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать. Сила, которая была затрачена на погружение, выработала душевно-духовные органы из неорганизованного дотоле душевно-духовного существа. Мы и воспринимаем

поэтому сначала то, что было таким образом выработано. Так что первое переживание является в известном смысле самовосприятием. В этом и состоит сущность духовного обучения, чтобы душа, путем упражнения в самовоспитании, имела в этот момент своего развития полное сознание о том, что сначала она воспринимает *самое себя* в мире образов (имагинациях), наступающих вследствие описанных упражнений. Правда, эти образы выступают как новый мир; но душа должна познать, что они пока не что иное, как отражение ее собственного, укрепленного упражнениями существа. И она должна не только постичь это в правильном суждении, но и достигнуть такого развития воли, чтобы быть в состоянии во всякое время снова удалить из сознания эти образы, погасить их. Душа должна быть в состоянии совершенно свободно и с полным знанием действовать среди этих образов. Это принадлежит к правильному духовному обучению. Если бы она не могла этого сделать, то в области духовных переживаний она оказалась бы в таком же положении, как душа в физическом мире, когда она направляет свой взор на какой-нибудь предмет и этот предмет так приковывает ее, что она не может больше оторвать от него взора.. Исключение из этого составляет только одна группа внутренних образных переживаний, которые *не* подлежат погашению на достигнутой ступени духовного обучения. Она соответствует подлинному ядру душевного существа; и духовный ученик познает в этих образах в самом себе то, что проходит, как его основное существо, через повторные земные жизни. На этой стадии познание о повторных земных жизнях становится действительным переживанием. По отношению ко всему остальному должна господствовать упомянутая свобода переживаний. И лишь после того, как достигнута способность погашения, мы приближаемся к действительному духовному внешнему миру. Погашенное возвращается в иной форме. Тогда мы переживаем его как духовно-внешнюю действительность. Мы чувствуем, как мы вырастаем душевно из неопределенного в нечто определенное. От этого самовосприятия нужно затем перейти к наблюдению душевно-духовного внешнего мира. Оно наступает, когда мы устанавливаем наше внутреннее переживание в том смысле, как будет указано дальше.

Сначала душа духовного ученика бывает слабой по отношению ко всему, что можно воспринять в душевно-духовном мире. Ему придется затрачивать большую внутреннюю энергию, чтобы удерживать при внутреннем погружении символические образы или другие представления, построенные им на основании впечатлений чувственного мира. Если же он хочет кроме того достигнуть действительного наблюдения в высшем мире, то ему еще *недостаточно* уметь удерживать эти представления. После того, как он этим овладел, он еще должен уметь пребывать в таком состоянии, при котором не только не действуют на душу никакие возбуждения чувственного внешнего мира, но удалены из сознания даже и означенные представления, вызванные в воображении. Только тогда может выступить в сознании то, что образовалось благодаря погружению. Важно иметь теперь достаточно внутренней душевной силы, чтобы действительно духовно увидеть то, что образовалось таким путем, чтобы оно не ускользнуло от внимания. А это неизбежно происходит при еще слабо развитой внутренней энергии. То, что образуется сначала как душевно-духовный организм и что должно быть уловлено при самовосприятии, бывает нежно и мимолетно. Препятствия же со стороны чувственного внешнего мира и действия воспоминаний о нем, как бы мы ни старались их отвлечь, очень велики. Это касается не только тех препятствий, которые мы замечаем, но в еще *гораздо большей степени* тех, которых мы в обыденной жизни совсем не замечаем. Но как раз само существо человека делает возможной переходную стадию. То, чего душа вначале не может выполнить в бодрствующем состоянии вследствие препятствий со стороны физического мира,

делается доступным для нее в состоянии сна. Кто предается внутреннему погружению, тот при надлежащей внимательности заметит некоторые особенности в своем сне. Он почувствует, что он во время сна «не совсем спит», но что у его души бывают времена, когда она хотя и продолжает спать, однако находится в своего рода деятельности. В таких состояниях естественные процессы не допускают влияния внешнего мира, которых душа еще не может задержать в бодрствующем состоянии собственной силой. После же того, как упражнения в погружении уже оказали свое действие, душа во время сна высвобождается из бессознательности и чувствует духовно-душевный мир. Это может наступить двояким образом. Человеку во время сна может стать ясным: я нахожусь теперь в ином мире; или же после пробуждения у него может быть воспоминание: я был в ином мире. Для первого необходима, конечно, большая внутренняя энергия, чем для второго, поэтому в начале духовного обучения чаще будет иметь место последнее. Постепенно это может привести к тому, что ученику после пробуждения будет казаться: во время сна я находился в другом мире, из которого вернулся при пробуждении. И его воспоминание о существах и фактах этого иного мира будет становиться все более и более определенным. Тогда у духовного ученика наступило в той или иной форме то, что в духовной науке можно назвать непрерывностью сознания (продолжение сознания во время сна). Этим вовсе не подразумевается, что человек *всегда* сохраняет сознание во время сна. Многие уже достигнуто в деле непрерывности сознания, когда человек, который обыкновенно спит, как другие, имеет во время сна известные промежутки, в которых он может как бы сознательно созерцать духовно-душевный мир или когда во время бодрствования может как бы вновь созерцать подобные краткие состояния сознания. Но не следует упускать из виду, что описанное здесь нужно понимать лишь как переходное состояние. При обучении полезно пройти через это переходное состояние; но отнюдь не следует думать, что из него можно почерпнуть законченное воззрение на душевно-духовный мир. В этом состоянии душа бывает не уверена и не может еще положиться на то, что она воспринимает. Но благодаря таким переживаниям она накапливает все больше и больше сил, чтобы затем и во время бодрствования быть в состоянии отстранять от себя мешающие влияния физического внешнего и внутреннего мира и таким образом достигнуть душевно-духовного наблюдения, когда до нее доходят больше впечатления внешних чувств, когда молчит связанный с физическим мозгом рассудок и когда из сознания удалены также и представления погружения, которые послужили ведь только для подготовки к духовному зрению. То, что в той или иной форме открыто сообщается духовной науке, должно проистекать только из такого духовно-душевного наблюдения, которое произведено в состоянии полного бодрствования.

В ходе духовного обучения важны два душевных переживания. Одно из них то, на основании которого человек может сказать себе: отныне, когда я оставляю в стороне все впечатления, которые мне может дать физический внешний мир, и взираю в мою внутреннюю глубину, я вовсе не вижу перед собой существо, у которого погасла всякая деятельность; напротив, я взираю на существо, самосознающее себя в таком мире, о котором я ничего не знаю, пока на меня действуют одни только чувственные и обычные рассудочные впечатления. В это мгновение душа ощущает, что она родила вышеописанным образом в самой себе новое существо как сущностное ядро своей души. И это существо наделено совсем другими свойствами, чем те, которые были в душе раньше. Второе переживание состоит в том, что отныне свое прежнее существо мы имеем рядом с собой как некое второе существо. То, в чем мы создавали себя до сих пор

заклученными, становится чем-то таким, чему мы оказываемся в известном отношении противопоставленными. Временами мы чувствуем себя вне того, что обычно мы называли своей собственной сущностью, *своим* «Я». Это ощущается так, как будто мы живем теперь осмысленно в двух «Я». Одно из них то, которое мы знали раньше. Второе же стоит над ним как новорожденное существо. И мы чувствуем, как первое приобретает известную самостоятельность по отношению ко второму — вроде того, как тело человека имеет известную самостоятельность по отношению к первому «Я». Это переживание имеет большое значение, ибо через него человек узнает, что значит жить в том мире, которого он стремится достигнуть путем обучения.

Второе — новорожденное — «Я» можно привести теперь к восприятию в духовном мире. В нем может развиваться то, что для этого духовного мира имеет такое же значение, как органы чувств для мира чувственно-физического. Когда это развитие достигнет надлежащей ступени, человек не только будет ощущать себя как новорожденное «Я», но и будет отныне воспринимать вокруг себя духовные факты и духовных существ, подобно тому, как с помощью физических чувств он воспринимает физический мир. И это *третье* значительное переживание. Чтобы справиться со всеми трудностями на этой ступени духовного обучения, человек должен иметь в виду, что с укреплением душевных сил себялюбие и самоутверждение проявляются в такой степени, которая неведома в обычной душевной жизни. Было бы недоразумением думать, что здесь идет речь лишь об обыкновенном себялюбии. На этой ступени развития оно усиливается настолько, что принимает в душе характер природной силы, и нужна большая дисциплина воли, чтобы победить это могучее чувство самоутверждения (*Selbstsinn*). Не через духовное обучение возникает это чувство самоутверждения; оно существует всегда, но лишь через переживания духовного достигает оно сознания. Всякое духовное обучение должно непременно сопровождаться такой дисциплиной воли. Бывает сильное влечение чувствовать блаженство в мире, который мы сами себе создали. И необходимо уметь как бы погасить вышеупомянутым образом то, чего мы раньше добивались с таким напряжением. В достигнутом имажинативном мире необходимо погасить *себя*. Но против этого восстают сильнейшие инстинкты самоутверждения. Легко может возникнуть мнение, что упражнения духовного обучения являются чем-то внешним, не считающимся с *моральным развитием* души. На это следует возразить, что нельзя приобрести моральной силы, необходимой для означенного преодоления самоутверждения, если душа не достигнет соответствующей ступени морального состояния. Успех в духовном обучении немислим без того, чтобы в то же время не сказалась вместе с тем необходимостью и в моральном развитии. Без моральной силы невозможно упомянутое преодоление самоутверждения. Все разговоры о том, что истинное духовное обучение не является одновременно и моральным обучением, не отвечают сущности дела. Только у того, кому незнакомо подобное переживание, может возникнуть возражение: как можно знать, что в то время, когда мы *думаем*, будто получаем духовное восприятие, мы имеем дело с реальностями, а не с простыми воображениями (видениями, галлюцинациями и т. д.)? Дело обстоит так, что тот, кто путем правильного обучения достиг описанной ступени, может отличать свое *собственное* представление от духовной действительности, подобно тому как человек со здоровым рассудком может отличить представление о куске раскаленного железа от действительного присутствия куска железа, который он трогает рукой. Различение дается именно здоровым переживанием и ничем иным. Так и в духовном мире пробным камнем служит сама жизнь. Как мы знаем, что в чувственном мире воображаемый кусок железа,

каким бы раскаленным его себе ни представлять, не обжигает пальцев, так и прошедший школу духовный ученик знает, переживает ли он духовный факт только в своем воображении, или же на его пробужденные органы духовного восприятия воздействуют *действительные* факты или существа. О мерах, которые надо соблюдать при духовном обучении, чтобы не стать в этом отношении жертвой ошибок, будет еще речь в последующем изложении.

Чрезвычайно важно, чтобы духовный ученик, когда у него появляется сознание о новорожденном «Я», достиг совершенно определенного душевного строя. Ибо через свое «Я» человек является руководителем своих ощущений, чувств и представлений, своих влечений, вожделений и страстей. Восприятия и представления не могут быть предоставлены в душе самим себе. Они должны управляться законами мышления. И «Я», владеющее этими законами мышления, с помощью их вносит порядок в жизнь представлений и мыслей. То же относится и к вожделениям, влечениям, наклонностям и страстям. Нравственные принципы становятся руководителями этих душевных сил. И через нравственное суждение «Я» становится водителем души в этой области. Когда человек извлекает из своего обыкновенного «Я» высшее «Я», то первое становится в известном отношении самостоятельным. У него отнимается столько же живой силы, сколько уделяется ее высшему «Я». Но предположим, что человек еще не выработал в себе известной умелости и твердости в законах мышления и в способности суждения и что он захотел бы на такой ступени родить свое высшее «Я». Тогда он может оставить своему обыкновенному «Я» способность мышления лишь в той мере, в какой он ее выработал раньше. Если же мера упорядоченного мышления слишком незначительна, то ставшее самостоятельным обыкновенное «Я» подпадает беспорядочному, спутанному, фантастическому мышлению и суждению. А так как у такого человека и новорожденное «Я» не может не быть слабым, то беспорядочное низшее «Я» приобретает господство, и человек утрачивает равновесие в своей способности суждения. Если бы он достаточно выработал умелость и твердость логического мышления, то мог бы спокойно предоставить самостоятельность своему обыкновенному «Я». То же самое и в области этики. Если человек не приобрел твердости в моральном суждении, если он не стал в достаточной степени господином своих наклонностей, влечений и страстей, то он предоставляет самостоятельность своему обыкновенному «Я», находясь сам в таком состоянии, в котором действуют душевные силы. Может случиться, что человек в определении пережитых сверхчувственных познаний не придерживается столь же высокого чувства истины, как в том, что он осознает через внешний физический мир. При столь шатком чувстве истины он мог бы принять за духовную действительность многое, что является лишь его фантазией. В это чувство истины должны войти твердость этического суждения, уверенность характера, устойчивость совести, которые выработаны в оставленном «Я» до того, как высшее «Я» станет деятельным в сверхчувственном познании. Сказанное здесь никак не должно отпугивать от обучения, но оно должно быть принято совершенно серьезно.

Кто обладает сильной волей, чтобы сделать все, что ведет первое «Я» к внутренней стойкости в проявляемой им деятельности, тому отнюдь не нужно пугаться высвобождения второго «Я», происходящего благодаря духовному обучению. Он должен только помнить, что самообман имеет большую власть над человеком, когда ему приходится считать себя «зрелым» для чего-нибудь. При описанном здесь духовном обучении человек достигает такой выработки своей мыслительной жизни, что не может подвергнуться опасностям, которых так часто боятся. Эта выработка мышления ведет к

тому, что наступают все необходимые внутренние переживания, но они протекают так, что душа переживает их без вредных потрясений. Без соответствующей выработки мышления эти переживания могут вызвать в душе большую неустойчивость. Указанный здесь род обучения обуславливает такое наступление этих переживаний, что человек вполне познает их, как познает при здоровой духовной конфигурации восприятия физического мира. Благодаря выработке мыслительной жизни, человек становится в большей мере *наблюдателем* того, что он переживает в себе, тогда как без мыслительной жизни он находится всецело в самом переживании.

Правильное духовное обучение указывает на некоторые качества, которые должен приобрести путем упражнений всякий, кто хочет найти путь в высшие миры. Это прежде всего господство души над течением ее мыслей, над ее волей и чувствами. Способ достижения этого господства путем упражнений имеет двойную цель. С одной стороны, в душе должны быть настолько запечатлены твердость, стойкость и равновесие, чтобы она сохранила в себе эти качества и тогда, когда из нее родится второе «Я». С другой стороны, это второе «Я» должно быть наделено при рождении силой и внутренней твердостью.

Для мышления человека во всех областях необходима прежде всего объективность (*Sachlichkeit*). В физически-чувственном мире жизнь является для человеческого «Я» великим наставником такой объективности. Если бы душа позволила мыслям блуждать по произволу, то ей вскоре пришлось бы испытать поправку со стороны самой жизни, чтобы избежать конфликта с ней. Душа должна мыслить в соответствии с ходом жизненных фактов. Но когда человек отвращает свое внимание от чувственно-физического мира, то ему недостает принудительной поправки со стороны последнего. И если его мышление оказывается не в состоянии само производить эту поправку, то оно неизбежно впадает в беспочвенное блуждание. Поэтому мышление духовного ученика должно упражняться в том, чтобы самому давать себе направление и цель. Внутренняя твердость и способность неуклонно пребывать на одном предмете — вот что мышление должно воспитать в себе. Поэтому соответствующие «упражнения мышления» следует производить, прибегая не к отдаленным, сложным предметам, а к простым и близким. Кто заставит себя в течение месяцев по крайней мере по пять минут в день направлять свои мысли на какой-нибудь повседневный предмет (например, на булавку, карандаш и т. д.) и в течение этого времени будет устранять все мысли, не относящиеся к этому предмету, тот уже многое сделает в этом направлении. (Можно ежедневно размышлять над новым предметом или несколько дней придерживаться одного и того же). Даже тот, кто чувствует себя «мыслителем», не должен был бы пренебрегать указанным способом сделать себя «зрелым» для духовного обучения. Ибо если в течение некоторого времени направлять мысли на что-нибудь хорошо знакомое, то можно быть уверенным, что мыслишь в согласии с предметом. Кто спросит себя: из каких составных частей состоит карандаш? как их потом соединяют? когда были изобретены карандаши? и т. д. и т. д., тот в своих представлениях безусловно ближе придерживается действительности, чем тот, кто размышляет о происхождении человека или о том, что такое жизнь. Для подлинного представления о мире сатурнического, солнечного и лунного развития *простыми упражнениями в мышлении* мы учимся большему, чем с помощью сложных и ученых идей. Ибо важно прежде всего не то, о чем думать, а то, чтобы думать *объективно — своей внутренней силой*. Если на легко обозримом чувственно-физическом процессе выработать в себе привычку мыслить объективно, сообразно сущности вещей, то мышление приучается к желанию быть объективным и тогда, когда

оно не чувствует себя во власти физически-чувственного мира и его законов. И тогда мы отучаемся давать мыслям витать без всякого отношения к предмету.

Душа должна стать властительницей как в мире мысли, так и в области воли. В физически-чувственном мире и здесь владычество принадлежит жизни. Она вызывает в человеке те или иные потребности, и воля чувствует побуждение удовлетворить эти потребности. Для высшего обучения человек должен приучиться строго повиноваться своим собственным велениям. Кто приучит себя к этому, тому все меньше и меньше будет приходиться на ум желать несущественно го. Неудовлетворенность же и неустойчивость в волевой жизни проистекают из жажды таких вещей, об осуществлении которых мы не составили себе ясного понятия. Такая неудовлетворенность может привести в беспорядок всю душевную жизнь, когда из души должно родиться высшее «Я». Если человек в течение нескольких месяцев в определенное время дня будет приказывать себе: «В такое-то время ты сделаешь то-то», это будет хорошим упражнением. Тогда мы постепенно научимся так предписывать себе время выполнения и характер выполняемой вещи, что выполнение становится вполне возможным. Так поднимаемся над пагубным: «мне хочется этого; я хочу того-то», причем мы совершенно не думаем о выполнимости. Один великий человек влагает в уста прорицательницы слова: «Того люблю я, кто жаждет невозможного» (Гете, Фауст, II). И сам этот человек (Гете) говорит: «Жить в идее — это значит обращаться с невозможным, как если бы оно было возможно» (Гете, Изречения в прозе). Но такие изречения нельзя приводить как возражения против того, что было здесь изложено. Ибо требование, которое ставит Гете и его прорицательница (Манто), может выполнить только тот, кто сначала воспитал себя на желании возможного, чтобы потом своим сильным волением уметь обращаться с «невозможным» так, что оно его волением превращается в возможное.

Что касается мира чувств, то душа духовного ученика должна прийти к известной невозмутимости (Gelassenheit). Для этого необходимо, чтобы душа стала властительницей над выражением наслаждения и страдания, радости и горя. Как раз против усвоения этого качества может возникнуть немало предубеждений. Можно подумать, что человек станет тупым и безучастным к окружающему миру, если «не будет радоваться радостному и горевать над горестным». Но дело не в этом. Радостное *должно* радовать душу, печальное *должно* ее печалить. Но она должна достигнуть того, чтобы властвовать над *выражением* радости и горя, удовольствия и неудовольствия. Если мы будем стремиться к *этому*, то вскоре заметим, что становимся не тупее, а напротив, восприимчивее ко всему радостному и горестному вокруг, чем были прежде. Для того, чтобы усвоить себе качество, о котором здесь идет речь, необходимо, конечно, строгое внимание к себе в течение долгого времени. Надо следить за тем, чтобы уметь вполне переживать вместе с другими радость и горе, но при этом не терять себя и не позволять своим ощущениям принимать выражение, не зависящее от нашей воли. Нужно подавлять не законное горе, а невольные слезы; не отвращение к дурному поступку, а слепую ярость гнева; не внимание к опасности, а бесплодную «боязнь», и т. д. Только путем такого упражнения духовный ученик достигает в своей душе того покоя, который необходим, чтобы при рождении высшего «Я» душа не вела себя рядом с этим «Я» как своего рода двойник второй нездоровой жизни. Как раз по отношению к этим вещам не следует предаваться самообману. Многим людям может показаться, что они уже обладают в обыкновенной жизни известной ровностью характера и поэтому не нуждаются в таком упражнении. Но как раз таким людям оно вдвойне необходимо. Можно, например, быть вполне невозмутимым по отношению к вещам обычной жизни, а

затем, при восхождении в высший мир, тем сильнее может сказаться неуравновешенность, которая до тех пор была подавлена. Следует безусловно признать, что для духовного обучения не так важно то, чем человек, *по-видимому*, обладал раньше, как то, чтобы он вполне закономерно *упражнялся* в необходимом для него. Как бы противоречиво ни звучало это положение, оно верно. Если даже жизнь и воспитала в человеке то или иное, — для духовного обучения важны только те качества, *которые человек сам воспитал в себе*. Если жизнь породила в человеке склонность к раздражению, то нужно отучиться от этого; если же жизнь породила равнодушие, то следует так встряхнуть себя путем самовоспитания, чтобы выражение души соответствовало получаемому впечатлению. Кто не может ни над чем смеяться, тот так же мало владеет своим смехом, как и тот, кто, не умея владеть собой, непрестанно готов смеяться.

Другим средством воспитания мышления и чувства является приобретение качества, которое можно назвать положительностью. Есть прекрасная легенда, повествующая о том, как однажды Иисус Христос с несколькими другими людьми проходил мимо мертвой собаки. Все отвернулись от некрасивого зрелища, а Иисус Христос заговорил о прекрасных зубах животного, любуясь ими. Можно упражняться в достижении по отношению к миру такого душевного строя, который отвечает духу этой легенды. Ошибочное, дурное, безобразное не должно мешать душе находить истинное, доброе и прекрасное везде, где оно существует. Не следует смешивать эту положительность с отсутствием критики, с произвольным закрыванием глаз на все дурное, ложное и ничтожное. Кто любит «прекрасными зубами» разлагающегося животного, тот видит *также* и разлагающийся труп. Но этот труп не мешает ему видеть прекрасные зубы. Нельзя считать дурное хорошим, а ошибочное истинным; но можно достигнуть того, чтобы дурное не мешало видеть хорошее, а ошибочное — видеть истинное.

Мышление в связи с волей приобретет известную зрелость, если мы попытаемся сделать так, чтобы пережитое или испытанное нами никогда не отнимало у нас непредвзятой восприимчивости к новым переживаниям. Для духовного ученика должна потерять всякое значение мысль: «я этого еще никогда не слышал, я этому не верю». В течение некоторого времени он должен неустанно стремиться при каждом случае узнавать от каждой вещи и от каждого существа что-нибудь новое. От каждого дуновения воздуха, от каждого древесного листа, от каждого лепета ребенка мы можем чему-нибудь научиться, если бываем готовы приложить к ним точку зрения, которой до тех пор не прилагали. Правда, в такой способности легко можно зайти слишком далеко. Так, например, в известном возрасте не следует оставлять без внимания приобретенных нами путем опыта знаний о вещах. О переживаемом в настоящем должно судить на основании опытов прошлого. Это ложится на одну чашку весов; на другую же у духовного ученика должна лечь готовность постоянно узнавать новое. И прежде всего — вера в возможность того, что новые переживания могут противоречить старым.

Было названо пять душевных качеств, которые при правильном обучении должен усвоить себе духовный ученик: господство над течением мыслей, господство над волевыми импульсами, невозмутимость по отношению к горю и радости, положительность в суждении о мире и непредвзятость в воззрении на жизнь. Кто в течение известного времени последовательно прилагал усилия к приобретению этих качеств, тому затем будет нужно еще привести эти качества в душе к гармоническому согласию. Чтобы вызвать эту гармонию, он должен будет упражняться в них, соединяя их одновременно по два, по три и т. д. в различных сочетаниях.

Описанные упражнения предписываются методами духовного обучения, ибо при *основательном* выполнении они не только вызывают в духовном ученике то, что было указано выше, как их непосредственный результат, но влекут за собой косвенно еще многое другое, что окажется нужным на пути к духовным мирам. Кто достаточно долго будет делать эти упражнения, тот натолкнется при этом на многие недостатки и ошибки своей душевной жизни и найдет как раз необходимые для себя средства, чтобы укрепить и утвердить в себе жизнь своего ума, чувства и характера. Конечно, ему понадобятся еще многие другие упражнения в зависимости от его способностей, темперамента и характера; но они выяснятся, когда в достаточной мере будут выполнены упомянутые выше. Можно будет даже заметить, что описанные упражнения мало-помалу повлекут за собой *косвенно* и то, чего сначала в них, по-видимому, не заключалось. Если у кого-нибудь, например, слишком мало доверия к себе, то после надлежащего времени он сможет заметить, что благодаря упражнениям у него появляется необходимое доверие к себе. То же самое относится и к другим душевным качествам. (Особые упражнения, более частного характера, можно найти в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?»). Важно, что духовный ученик может развивать указанные способности до все более высоких степеней. Господство над мыслями и ощущениями он должен развить в себе настолько, чтобы душа получила власть устанавливать промежутки полного внутреннего покоя, когда человек удаляет от своего духа и сердца все, что приносит с собой повседневная внешняя жизнь в смысле счастья и горя, удовлетворений и огорчений и даже в смысле задач и требований. В такие промежутки в душу должно допускаться только то, что она решает допустить сама, находясь в состоянии погружения. Относительно этого легко может возникнуть предубеждение. Может зародиться мнение, что мы отчуждаемся от жизни и ее задач, если в известные промежутки дня сердцем и духом удаляемся из нее. Но в действительности это совершенно не так. Для того, кто описанным образом отдается периодам внутренней тишины и Мира, из них вырастает так много сил и крепости также и для задач внешней жизни, что он станет благодаря этому выполнять жизненные обязанности не только не хуже, но, наверное, даже лучше. Очень ценно, если человек в такие периоды совершенно отрешается от мыслей о своих личных делах, если он способен подняться к тому, что касается не только *ego*, но человека вообще. Если он в состоянии наполнить свою душу сообщениями из высшего духовного мира, если они могут захватить интерес в такой же степени, как личные заботы или дела, то это будет особенно плодотворно для его души. Кто старается таким образом внести порядок в свою душевную жизнь, тот придет и к возможности самонаблюдения, которое с таким же спокойствием взирает на собственные дела, как если бы они были чужими. Умение взирать на свои собственные переживания, на свои радости и страдания как на принадлежащие другому человеку — это хорошая подготовка для духовного обучения. Можно постепенно достигнуть необходимой в этом отношении степени, если ежедневно, по окончании дневной работы, проводить перед своим духом картины дневных переживаний. Нужно в своих переживаниях увидеть в образе самого себя, то есть посмотреть на себя в своей дневной жизни как бы извне. Можно достигнуть известного навыка в таком самонаблюдении, если начать с представления отдельных отрезков дневной жизни. Тогда человек делается все искуснее и опытнее в таком обзоре прошлого, так что после более или менее долгого упражнения в этом он сможет выполнять весь обзор в короткий промежуток времени. Это обратное созерцание переживаний особенно значительно для духовного обучения тем, что в представлении оно освобождается от находящейся в ней привычки следовать в

мышлении *только* за ходом внешних событий. Таким образом, здраво укрепляется представление. Поэтому хорошо также помимо своей дневной жизни представить себе и другое в обратном течении событий, например, содержание драмы, рассказа, последовательность звуков и т. д. *Идеалом* для духовного ученика все более будет становиться такое отношение к наступающим событиям жизни, при котором он будет встречать их приближение с внутренней уверенностью и душевным спокойствием и судить о них не на основании *своего* душевного строя, а по их собственному внутреннему значению и по их внутренней ценности. Имея перед собой этот идеал, он создаст себе тем самым душевную основу, чтобы быть в состоянии отдаваться вышеописанным погружениям в символические и другие мысли и ощущения.

Выполнение описанных здесь условий необходимо, так как сверхчувственное переживание создается на той же почве, на которой мы стоим в обыкновенной душевной до вступления в сверхчувственный мир. Всякое сверхчувственное переживание находится в двоякой зависимости от той душевной исходной точки, на которой мы стоим перед этим вступлением. Кто не позаботится с самого начала положить в основу своего духовного обучения здоровую способность суждения, тот разовьет в себе такие сверхчувственные способности, которые будут неточно и неверно воспринимать духовный мир. Его органы духовного восприятия разовьются в известном отношении неправильно. И как в чувственном мире нельзя правильно видеть больным или имеющим какой-нибудь недостаток глазом, так нельзя правильно воспринимать и духовными органами, развившимися не на основе здоровой способности суждения. Кто исходит из аморального душевного строя, тот поднимается в духовные миры таким образом, что его духовное зрение бывает как бы оглушенным или затуманенным. Он находится по отношению к сверхчувственным мирам в положении человека, наблюдающего чувственный мир в состоянии оглушения. Но только последний не сможет прийти ни к каким значительным выводам, между тем как духовный наблюдатель и в этом состоянии оглушения оказывается все-таки более бодрствующим, чем человек в своем обычном сознании. Поэтому его сообщения бывают ошибочны по отношению к духовному миру.

Внутренняя прочность ступени имагинативного познания достигается тем, что описанные душевные погружения (медитации) получают опору в том, что можно назвать привычкой к «свободному от чувственности мышлению». Когда мы образуем какую-нибудь мысль на основании наблюдения в физически-чувственном мире, то эта мысль несвободна от чувственности. Но это не значит, что человек может образовывать только такие мысли. Человеческое мышление вовсе не должно непременно стать пустым и лишенным содержания, когда оно не наполнено чувственными наблюдениями. Самый верный и близкий путь для духовного ученика прийти к свободному от чувственности мышлению может заключаться в том, что он делает достоянием своего мышления сообщаемые ему духовной наукой факты высшего мира. Эти факты нельзя наблюдать физическими чувствами. И все-таки человек заметит, что он может *понимать* их, если только у него достаточно терпения и выдержки. Без духовного обучения нельзя производить исследований в высшем мире, нельзя самому делать в нем наблюдения, но понять все, что сообщают о нем исследователи, можно и без высшего обучения. И если кто-нибудь скажет: как могу я принять на веру то, что говорят духовные исследователи, раз я сам не могу этого видеть, то это совершенно лишено основания. Ибо вполне возможно на основании *простого* размышления составить себе твердое убеждение в истинности сообщенного. И если кто-нибудь не может прийти к такому убеждению

путем размышления, то это происходит вовсе не от того, что невозможно «верить» в то, чего мы не видим, но единственно от того, что наше размышление еще недостаточно непредвзято, всеобъемлюще и основательно. Чтобы уяснить себе это, необходимо принять во внимание, что человеческое мышление, если только внутренне напрячь его с достаточной энергией, способно постичь гораздо большее, чем оно обычно предполагает. А именно, в мыслях заложена некая внутренняя сущность, стоящая в связи с сверхчувственным миром. Душа обыкновенно не сознает этой связи, ибо она *привыкла* воспитывать способность мышления только на чувственном мире. Поэтому она считает непонятным то, что ей сообщается о сверхчувственном мире. Но это понятно *не только* для мышления, воспитанного духовным обучением, но вообще для *всякого* мышления, которое сознает всю полноту своей силы и хочет пользоваться ею. Неустанно усваивая сообщения духовного исследования, мы приучаемся к такому мышлению, которое черпает свое содержание не из чувственных наблюдений. Мы знакомимся с тем, как внутри души одна мысль примыкает к другой, одна мысль ищет другую, даже и в том случае, когда такое сочетание мыслей не обусловлено силами чувственного наблюдения. При этом мы замечаем — и это существенно, — что мир мыслей обладает внутренней жизнью и что мы во время мышления находимся в области сверхчувственной живой силы. Мы говорим себе: во мне есть нечто, что образует организм мыслей; но ведь я сам образую единое с этим «нечто». Мы переживаем таким образом, отдаваясь свободному от чувственности мышлению, что есть нечто существенное, вливающееся в нашу внутреннюю жизнь подобно тому, как качества чувственных предметов вливают в нас через наши физические органы при чувственном наблюдении. Там в пространстве — так говорит наблюдатель чувственного мира — находится роза; она мне не чужда, ибо она возвещает мне о себе своим цветом и запахом. И нужна только некоторая свобода от предвзятости, чтобы затем, когда в нас работает свободное от чувственности мышление, сказать себе подобным же образом: то, что здесь возвещает мне о себе, есть нечто сущностное, связывающее во мне одну мысль с другой и образующее организм мыслей. Но есть различие в ощущениях между тем, что имеет в виду наблюдатель внешнего чувственного мира, и тем, что возвещает о себе, как нечто существенное, в свободном от чувственности мышлении. Первый наблюдатель чувствует себя по отношению к розе стоящим вне ее; тот же, кто отдается свободному от чувственности мышлению, чувствует возвещающее в нем о себе сущностное как бы *внутри себя*, он чувствует себя единым с ним. Кто более или менее сознательно склонен признать сущностным только то, что стоит перед ним как внешний предмет, у того, конечно, не может возникнуть чувства: нечто само по себе сущностное может возвестить мне о себе таким образом, что я буду слит с ним как бы воедино. Чтобы правильно усмотреть это, нужно быть в состоянии иметь следующее внутреннее переживание. Нужно научиться различать между теми сочетаниями мыслей, которые мы создаем по своей воле, и теми, которые мы переживаем в себе, когда приводим эту волю в себе к молчанию. В последнем случае можно сказать: я пребываю в себе в полной тишине; я не вызываю никаких сочетаний мыслей; я отдаюсь тому, что «мыслит во мне». Тогда есть полное основание сказать: во мне действует нечто само по себе сущностное, подобно тому как бывает основание сказать: на меня действует роза, когда я вижу определенный красный цвет и воспринимаю определенный запах. При этом нет никакого противоречия в том, что содержание наших мыслей мы все же черпаем из сообщений духовных исследователей. Правда, мысли бывают уже налицо, когда мы отдаемся им; но мы не можем их мыслить, если в каждом случае не воссоздаем их снова в душе. Дело именно в том, что духовный

исследователь пробуждает в своем слушателе и читателе такие мысли, которые последний должен извлечь из себя, между тем как описывающий чувственную действительность указывает на нечто такое, что слушатель и читатель могут наблюдать в чувственном мире.

(Путь, ведущий через сообщения духовной науки к свободному от чувственности мышлению есть безусловно верный путь. Но существует еще и другой путь, который вернее и, главное, точнее, но зато для многих людей и труднее. Он изложен в моих книгах: «Теория познания Гетевского мировоззрения» и «Философия свободы». В этих сочинениях говорится о том, чего может достигнуть человеческая мысль путем работы, когда мышление отдается не впечатлениям физически-чувственного внешнего мира, а только *самому себе*. В человеке работает тогда чистое мышление, которое, как живая сама в себе сущность, не отдается исключительно воспоминаниям чувственного. При этом в названные сочинения не вошло ничего из сообщений самой духовной науки. И все-таки в них показано, что чистое, только в самом себе работающее мышление может прийти к знанию о мире, о жизни и о человеке. Эти сочинения занимают очень важную промежуточную ступень между познанием мира чувственного и мира духовного. Они предлагают то, чего может достигнуть мышление, когда оно поднимается над чувственным наблюдением, но еще избегает вступать на путь духовного исследования. Кто открывает всю свою душу воздействию этих сочинений, тот уже находится в духовном мире; только мир этот открывается ему как мир мыслей. Кто чувствует себя в состоянии испытать воздействие такой промежуточной ступени, тот идет верным, чистым путем; и он может, таким образом, развить в себе по отношению к высшему миру чувство, которое на все последующее время принесет ему самые прекрасные плоды).

Цель погружения (медитации) в вышеописанные символические представления и ощущения заключается, выражаясь точно, в образовании высших органов восприятия в астральном теле человека. Они сначала создаются из субстанции астрального тела. Эти новые органы наблюдения открывают новый мир, и в этом новом мире человек познает себя как новое «Я». От органов наблюдения чувственно-физического мира эти новые органы отличаются уже тем, что они суть *деятельные* органы. Если глаз и ухо относятся пассивно и дают свету или звуку действовать на себя, то об органах духовно-душевного восприятия можно сказать, что во время восприятия они находятся в непрерывной деятельности и что они как бы *схватывают* подлежащие им предметы и факты. Отсюда вытекает чувство, что духовно-душевное познание есть соединение с соответствующими фактами, есть «жизнь в них». Отдельные образующиеся духовно-душевные органы можно для сравнения назвать «цветками лотоса», соответственно форме, в которую они для ясновидящего сознания слагаются из субстанции астрального тела. (Разумеется, необходимо помнить, что это обозначение имеет такое же отношение к предмету, как выражение «легочные крылья», когда говорят о долях легкого). Совершенно определенным способом внутреннего погружения оказывается на астральное тело такое воздействие, что образует тот или иной духовно-душевный орган, тот или иной «цветок лотоса». После всего изложенного в этой книге было бы излишним подчеркивать, что эти органы наблюдения нельзя представлять как нечто такое, что, представленное в чувственном образе, дает отпечаток своей деятельности. Эти «органы» именно сверхчувственны и возникают в определенно образованной душевной деятельности; и они существуют лишь постольку и до тех пор, пока производится эта душевная

деятельность. То, что воспринимается чувственным образом, отсутствует в этих органах человека, как какой-либо «туман» вокруг него, когда он мыслит. Кто стремится представлять сверхчувственное чувственным — впадает в недоразумения. И хотя приведенное замечание может показаться излишним, его необходимо отметить еще раз, — ибо постоянно вновь находятся последователи сверхчувственного, которые в своих представлениях стремятся лишь к чувственному; и так же постоянно находятся противники сверхчувственного познания, думающие, что исследователь духа говорит о «цветах лотоса» как о тонких чувственно-воспринимаемых образованиях. Всякая правильная медитация, имеющая целью имагинативное познание, оказывает воздействие на тот или иной орган. (В моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» указаны отдельные методы медитаций и упражнений, которые действуют на тот или иной орган). Правильное обучение так распределяет отдельные упражнения духовного ученика и дает их в такой последовательности, что органы могут образовываться отдельно, совместно или один после другого. Для развития их требуется со стороны духовного ученика много терпения и выдержки. Для этого недостаточно той меры терпения, какую обладает человек в обычных жизненных условиях. Ибо это продолжается долго, иногда очень, очень долго, пока органы разовьются настолько, что духовный ученик сможет воспользоваться ими для восприятий в высшем мире. В это мгновение для него наступает то, что называется *просветлением*, в противоположность *подготовлению* или очищению, которое состоит в упражнениях для развития органов. (Здесь говорится об «очищении», так как посредством этих упражнений ученик в известной области внутренней жизни очищается от всего того, что вытекает только из мира чувственного наблюдения). Легко может произойти, что и до просветления в собственном смысле человека неоднократно посетят «мимолетные озарения» из высшего мира. Он должен принимать их с благодарностью. Уже они могут сделать его свидетелем духовного мира. Но он не должен смущаться, если этого и не произойдет во время его подготовки, которая, может быть, покажется ему слишком продолжительной. Кто способен вообще впасть в нетерпение «из-за того, что он еще ничего не видит», тот еще не выработал правильного отношения к высшему миру. Так говорит лишь тот, для кого упражнения, совершаемые при обучении, стали как бы самоцелью. Эти упражнения и являются в действительности работой над духовно-душевым, а именно — над нашим собственным астральным телом. И мы можем «чувствовать», даже когда еще «ничего не видим»: «я работаю духовно-душевно». Но если заранее составить себе определенное мнение о том, что, собственно, мы хотим «увидеть», то мы будем лишены этого чувств и не придадим тогда никакого значения тому, что в действительности весьма значительно. Нужно чутко прислушиваться ко всему, что мы переживаем во время упражнений и что таким коренным образом отличается от всех переживаний в чувственном мире. Тогда мы уже заметим, что работаем над своим астральным телом не как над безразличной субстанцией, но что в этом теле живет совершенно иной мир, о котором мы ничего не знаем в жизни внешних чувств. Высшие существа действуют на астральное тело подобно тому, как физически-чувственный внешний мир действует на тело физическое. И мы «наталкиваемся» на высшую жизнь в нашем астральном теле, если только не замыкаемся перед ней. Если кто-нибудь все снова и снова говорит себе: «я ничего не воспринимаю», то это бывает большей частью от того, что он вообразил себе, будто это восприятие должно выглядеть определенным образом; и так как он не видит того, о чем он вообразил себе, что должен видеть, он говорит: «я ничего не вижу».

Но кто усвоит себе правильное душевное отношение к выполнению упражнений, тот в этих упражнениях все больше будет находить нечто такое, что он любит ради него самого. И тогда он знает, что в силу самих этих упражнений он находится в духовно-душевном мире и ждет с терпением и *покорностью* того, что последует дальше. Это душевное расположение духовный ученик может лучше всего сознать в словах: «Я готов делать все, что мне надлежит делать в смысле упражнений, и я знаю, что в надлежащее время мне будет дано столько, сколько мне необходимо. Я не требую этого нетерпеливо, но всегда готов принять это», против этого нельзя возразить: «итак, духовный ученик должен бродить впотьмах в течение, быть может, неизмеримо долгого времени; ибо находится ли он в своей работе на верном пути, может обнаружиться ему лишь после того, как появится результат». Но это неверно, что только результат может привести к признанию правильности работы. Если ученик становится в правильное отношение к упражнениям, то, *не дожидаясь результата*, из того удовлетворения, которое дает ему сама работа, приходит к ясному сознанию, что он делает нечто правильное. Правильная работа в области духовного обучения связана с удовлетворением, которое есть не только удовлетворение, но и познание. А именно: я делаю нечто, о чем я знаю, что оно подвигает меня вперед в верном направлении. Каждый духовный ученик может в любое мгновение иметь такое познание, если только он с чутким вниманием отнесется к своим переживаниям. Если он не обратит внимания, то и не заметит этих переживаний, подобно погруженному в свои мысли пешеходу, который не видит деревьев по обеим сторонам пути, хотя увидел бы их, если бы обратил на них внимательный взор. Отнюдь не желательно ускорять наступление иного результата, чем тот, который обычно вытекает из упражнений. Ибо это легко может оказаться лишь самой малой долей того, что в действительности должно было бы наступить. В духовном развитии частичный успех бывает часто причиной сильного замедления в наступлении полного успеха. Движение в таких формах духовной жизни, которые соответствуют частичному успеху, притупляет к воздействию сил, ведущих к более высоким моментам развития. И тот успех, которого мы достигаем тем, что все-таки «заглянули» в духовный мир, есть только кажущийся; ибо *такое* «заглядывание» приводит не к истине, а лишь к обманчивым образам.

Духовно-душевные органы, цветки лотоса, образуются у человека, проходящего духовное обучение таким образом, что они представляются ясновидящему сознанию как бы вблизи определенных органов физического тела. Из числа этих душевных органов могут быть названы здесь: один, который находится в середине между бровей (так называемый двухлепестковый цветок лотоса), другой — в области гортани (шестнадцатилепестковый цветок лотоса), третий — в области сердца (двенадцатилепестковый цветок лотоса) и четвертый — в области подложечной ямки. Другие органы появляются вблизи других частей физического тела. (Можно пользоваться наименованием «двух» или «шестнадцатилепесткового цветка», так как эти органы допускают сравнение с цветками, наделенными соответствующим числом лепестков).

Цветки лотоса слагаются из астрального тела. Когда мы развили в себе тот или иной из них, то уже знаем тогда, что он у нас есть. Мы чувствуем, что можем пользоваться им и что при этом действительно вступаем в высший мир. Впечатление, которые мы получаем от этого мира, походит еще во многих отношениях на впечатления физически-чувственного. Человек, познающий имагинативно, может говорить о новом высшем мире, обозначая свои впечатления как ощущения тепла или холода, как восприятия звука

или слова, как действия света или красок. Ибо он воспринимает их как таковые. Но он сознает, что эти восприятия выражают в имагинативном мире нечто иное, чем в мире чувственно-действительном. Он познает, что за ними стоят не физически-вещественные причины, а душевно-духовные. Когда он получает тепловое впечатление, он приписывает его, например, не куску горячего железа, а рассматривает его как вытекающее из душевного процесса и знакомое ему дотоле лишь в его душевной внутренней жизни. Он знает, что за имагинативными восприятиями стоят душевные и духовные процессы и события, подобно тому как за физическими восприятиями — вещественно-физические существа и факты. Но к этому сходству имагинативного и физического мира присоединяется и значительное различие. В физическом мире есть нечто, что в имагинативном мире проявляется совершенно иначе. В первом можно наблюдать непрерывное возникновение и *преходящность* вещей, смену рождения и смерти. В имагинативном мире вместо этого явления происходит постоянное *превращение* одного в другое. В физическом мире мы видим, например, как *отмирает* растение. В имагинативном же мире по мере того, как растение увядает, видно возникновение другого образования, которое не воспринимается физически, но в которое постепенно превращается отмирающее растение. И когда растение исчезло, на его месте оказывается вполне развившееся образование. Рождение и смерть суть представления, теряющие в имагинативном мире свое значение. На их место становится понятие *превращения одного в другое*. Оттого, что это так, имагинативному познанию становятся доступными те истины о существе человека, которые были изложены в этой книге в главе «Сущность человечества». Физически-чувственному восприятию доступны только процессы физического тела. Они протекают в «области рождения и смерти». Другие члены человеческой природы: жизненное тело, тело ощущающее и «Я» — подчинены закону превращения и их восприятие раскрывается имагинативному познанию. Достигший этого познания воспринимает, как из физического тела как бы высвобождается то, что с умиранием продолжает жить в иной форме бытия.

Но развитие не останавливается на имагинативном мире. Человек, который захотел бы ограничиться им, хотя и воспринимал бы подверженных превращению существ, однако был бы не в состоянии истолковывать процессы превращения; он не мог бы ориентироваться во вновь обретенном мире. Имагинативный мир — не спокойная область. В нем всюду одно только движение и превращение; нигде нет точек покоя. Таких точек покоя человек достигает лишь тогда, когда он в своем развитии поднимается над ступенью имагинативного познания и приходит к тому, что в духовной науке может быть названо «познанием через инспирацию». Нет необходимости, чтобы ищущий познания сверхчувственного мира развивался непременно так, чтобы сначала усвоил в полной мере имагинативное познание и затем лишь вступил на путь к «инспирации». Его упражнения могут быть построены так, чтобы ведущее к имагинации шло наряду с ведущим к инспирации. Тогда спустя известное время он вступит в высший мир, в котором не только будет воспринимать, но сможет ориентироваться и который он сумеет истолковывать. Дальнейший шаг в развитии совершается обычно так, что перед духовным учеником предстают сначала некоторые явления имагинативного мира и затем, спустя некоторое время, у него возникает ощущение: теперь я начинаю уже ориентироваться. И все-таки мир инспирации есть нечто совершенно новое по сравнению с миром простой имагинации. Путем имагинации мы воспринимаем превращение одного процесса в другой; путем инспирации мы знакомимся со внутренними качествами самих преобразующихся *существ*. Через имагинацию мы

познаем душевное проявление существ; через инспирацию мы проникаем в их духовную внутреннюю глубину. Мы познаем прежде всего множественность духовных существ и их взаимные отношения. С множественностью различных существ мы имеем дело и в физически-чувственном мире; в мире инспирации эта множественность носит, однако, иной характер. Там каждое существо находится в совершенно определенных отношениях к другим, не так, как в физическом мире — через внешнее воздействие на них, — а благодаря собственному внутреннему устройству. Когда мы воспринимаем какое-нибудь существо в мире инспирации, то видим не внешнее воздействие его на другое существо, — воздействие, которое можно было бы сравнить с действием одного физического существа на другое, а напротив, что отношение одного существа к другому определяется внутренним устройством обоих существ. Чтобы найти для этого отношения какое-нибудь сравнение в физическом мире, можно взять отношение отдельных звуков или букв слова друг к другу. Если мы возьмем слово «человек», то оно образуется гармоническим сочетанием звуков: ч-е-л-о-в-е-к. Между звуками, например, «ч» и «е» не происходит никакого столкновения или вообще какого-нибудь внешнего воздействия, но оба звука действуют совместно, и притом, в силу своего внутреннего устройства, в пределах целого. Поэтому наблюдение в мире инспирации можно сравнить только с чтением; и существа в этом мире действуют на наблюдателя как письма, с которыми он должен ознакомиться и взаимоотношения которых должны ему раскрыться как сверхчувственное письмо. Поэтому познание через инспирацию духовная наука может в виде сравнения назвать также «чтением сокровенного письма».

Как происходит чтение при помощи этого «сокровенного письма» и как можно сообщать прочитанное, можно уяснить себе из предыдущих глав самой этой книги. Сначала было описано существо человека, как оно строится из различных членов. Затем было показано, как мировое существо, на котором развивается человек, проходит через различные состояния: Сатурна, Солнца, Луны и Земли. Восприятия, путем которых можно познать с одной стороны различные члены человека, а с другой — последовательные состояния Земли и ее предыдущих превращений, раскрываются импигнативному познанию. Но далее нам необходимо было узнать, какие отношения существуют между состоянием Сатурна и физическим телом человека, состоянием Солнца и эфирным телом и т. д. Необходимо было показать, что зачаток физического тела человека возник уже во время состояния Сатурна и что затем, во время состояния Солнца, Луны и Земли он развился до своего теперешнего образа. Нужно было также указать, например, какие изменения произошли с человеческим существом благодаря тому, что Солнце некогда отделилось от Земли и что нечто подобное произошло с Луной. Далее нужно было сообщить, какие действовали силы для того, чтобы с человечеством могли произойти те изменения, которые выразились в превращениях, испытанных им в атлантическую эпоху и в последующие периоды: индийский, древнеперсидский, египетский и т. д. Описание этих соотношений является результатом не импигнативного восприятия, а познания через инспирацию, чтения сокровенного письма. Для этого «чтения» импигнативные восприятия служат как бы буквами или звуками. Но это «чтение» необходимо не только для таких разъяснений, как вышеприведенные. Самый ход жизни человека в его целом оказывается непонятным, если рассматривать его только при помощи импигнативного познания. Правда, можно было бы видеть, как со смертью из того, что остается в физическом мире, отделяются душевно-духовные члены; но нельзя понять, как относится все происходящее с человеком после смерти к предыдущим и последующим состояниям, если не уметь

ориентироваться в имажинативно воспринятом. Без познания через инспирацию имажинативный мир был бы подобен письменам, на которые смотришь, но которых не можешь прочесть. Когда духовный ученик переходит от имажинации к инспирации, то ему очень скоро становится ясным, как неправильно было бы отказаться от понимания великих мировых явлений и ограничиться только фактами, которые касаются ближайших человеческих интересов. Кто не посвящен в эти вещи, тот мог бы, пожалуй, сказать: «Мне представляется важным узнать только о судьбе человеческой души после смерти; если кто-нибудь сообщит мне об этом, то мне этого достаточно; зачем духовная наука говорит мне о столь далеких вещах, как состояния Сатурна и Солнца, отделение Солнца от Луны и т. д.?» Но кто правильно ознакомится с этими вещами, тот убедится, что истинное знание о том, что он хочет узнать, никогда не может быть достигнуто без знакомства с тем, что кажется ему таким лишним. Описание состояний человека после смерти остается совершенно непонятным и не имеющим никакой цены, если человек не может связать их с понятиями, заимствованными из этих далеких областей. Уже простейшее наблюдение требует от ясновидящего знакомства с этими вещами. Когда, например, растение переходит от цветения к плодоношению, то человек, наблюдающий сверхчувственно, видит изменение в некоем астральном существе, которое во время цветения осеняет растение сверху и окутывает его подобно облаку. Если бы оплодотворения не наступило, то это астральное существо приняло бы совершенно иной облик, чем тот, который оно принимает вследствие оплодотворения. Весь этот процесс, воспринятый ясновидящим наблюдением, можно понять только тогда, когда мы научились понимать его сущность в связи с тем великим мировым событием, которое совершилось с Землей и со всеми ее обитателями во время отделения Солнца. До оплодотворения растение находится в таком же положении, в каком была вся Земля до отделения Солнца. После оплодотворения цветок растения является таким, какой была Земля, когда Солнце отделилось, а лунные силы находились еще в ней. Если усвоить себе представления, которые можно извлечь из факта отделения Солнца, то процесс оплодотворения растения можно, в сущности, истолковать следующим образом: растение до оплодотворения находится в солнечном состоянии, а после него — в лунном. Дело в том, что даже самое малое событие в мире может быть понято только в том случае, если видеть в нем отображение великих мировых событий. Иначе его сущность остается столь же непонятной, как непонятна Мадонна Рафаэля тому, кто видит только маленькое синее пятнышко, в то время как все остальное закрыто. Все, что происходит с человеком, есть отображение всех великих мировых процессов, связанных с его бытием. Если мы хотим понять наблюдения сверхчувственного сознания над явлениями, протекающими между рождением и смертью и затем между смертью и новым рождением, то это возможно для нас, если мы приобретем способность истолковывать имажинативные наблюдения при помощи тех представлений, которые мы усвоили себе через рассмотрение великих мировых процессов. Это рассмотрение дает *ключ* к пониманию человеческой жизни. Поэтому в смысле духовной науки наблюдение над Сатурном, Солнцем и Луной и т. д. есть в то же время и наблюдение над человеком.

Через инспирацию мы достигаем познания отношений между существами высшего мира. Дальнейшая ступень познания делает возможным познание этих существ в их внутреннем мире. Эта ступень познания может быть названа интуитивным познанием. (Интуиция — слово, неправильно употребляемое в обыкновенной жизни для обозначения неясного, неопределенного уразумения какой-нибудь вещи, для внезапно пришедшей мысли, которая иногда совпадает с истиной, но правомерность которой

первоначально бывает недоказуемой. То, что здесь имеется в виду, не имеет, конечно, ничего общего с такого рода «интуицией». Интуиция означает здесь такое познание, которое обладает самой высшей и светлой ясностью и о правомерности которого человек, владеющий им, имеет самое полное сознание). Познать чувственное существо значит находиться *вне* его и судить о нем по внешнему впечатлению. Познать духовное существо через интуицию значит совершенно слиться с ними воедино, соединиться с его внутренним миром. Духовный ученик постепенно восходит к такому познанию. Имагинация приводит его к тому, что он ощущает восприятия уже не как внешние качества существ, а познает в них излияния душевно-духовного; инспирация вводит его дальше во внутренний мир существ. Благодаря ей он учится понимать, чем бывают эти существа друг для друга; в интуиции он проникает в самих этих существ. Показать, какое значение имеет интуиция, можно опять-таки на сообщениях этой книги. В предыдущих главах говорилось не только о ходе развития Сатурна, Солнца, Луны и т. д., но было также сообщено, что в этом развитии участвовали самым различным образом духовные существа. Упоминалось о Престолах или Духах Воли, о Духах Мудрости, Духах Движения и т. д. В связи с развитием Земли говорилось о духах Люцифера и Аримана. Строение мира приводилось в связь с существами, которые принимали в нем участие. То, что можно знать об этих существах, приобретает интуитивным познанием. Но это последнее необходимо уже и для постижения хода жизни человека. То, что высвобождается после смерти из физической телесности человека, проходит в последующее время через различные состояния. Ближайшие состояния после смерти можно было бы еще до некоторой степени описать, пользуясь имагинативным познанием. Но то, что происходит затем, когда человек уходит дальше в глубь периода между смертью и новым рождением, должно было бы остаться совершенно непонятным для имагинации, если бы не присоединилась инспирация. Только инспирация в состоянии исследовать то, что может быть сказано о жизни человека после очищения в «стране духов». Но затем наступает нечто, для чего уже недостаточно инспирации, где она, так сказать, теряет нить понимания. Между смертью и новым рождением в человеческом развитии есть период, когда человеческое существо доступно только интуиции. Но эта часть человеческого существа *всегда* находится в человеке; и если мы хотим понять человека в его истинной внутренней глубине, то должны искать ее и в период между рождением и смертью путем интуиции. Кто захотел бы познать человека только с помощью средств имагинации и инспирации, от того ускользнули бы как раз те процессы его наивнутреннейшего существа, которые протекают в последовательном ряду воплощений. Поэтому только интуитивное познание делает возможным подлинное исследование перевоплощений и кармы. Все, что может быть сообщено как истина об этих процессах, должно проистекать из исследования при помощи интуитивного познания. И если человек хочет познать самого себя в своем внутреннем существе, то он может сделать это только через интуицию. Посредством интуиции он воспринимает в себе то, что переходит от перевоплощения к перевоплощению.

Познание через инспирацию и интуицию человек может приобрести также лишь путем духовно-душевных упражнений. Они похожи на те, которые были описаны как «внутреннее погружение» (медитация) для достижения имагинации. Но если в упражнениях, ведущих к имагинации, сохраняется связь с впечатлениями чувственно-физического мира, в упражнениях, ведущих к инспирации, эта связь все более отпадает. Чтобы уяснить себе происходящий здесь процесс, вспомним еще раз символический

образ креста с розами. Когда мы погружаемся в него, то имеем перед собой образ, части которого заимствованы из впечатлений чувственного мира: черный цвет креста, розы и т. д. Но сочетание этих частей в кресте с розами не взято из чувственно-физического мира. Если духовный ученик попытается совершенно устранить из своего сознания черный крест, а также и красные розы как образы чувственно-действительных вещей и сохранить в душе только ту духовную деятельность, которая соединила воедино эти части, то у него появится средство к такой медитации, которая постепенно приведет его к инспирации. Пусть человек поставит себе в душе следующий вопрос: что сделал я внутренне, чтобы соединить крест и розы в символический образ? То, что я сделал (мой собственный душевный процесс), я удержу; самый же образ я устраню из сознания. Затем я постараюсь *почувствовать* в себе все, что сделала моя душа, чтобы вызвать образ, сам же образ я не буду представлять себе. Я буду жить теперь совершенно внутренне в своей собственной деятельности, создавшей образ. Итак, я погружаюсь не в образ, а в мою собственную душевную деятельность, порождающую образ. Такое погружение надо предпринять по отношению ко многим символическим образам. Это ведет тогда к познанию через инспирацию. Вот другой пример. Человек погружается в представление о возникающем и увядающем растении. Он вызывает в душе образ постепенно развивающегося растения, как оно прорастает из зерна, как оно раскрывает лист за листом, вплоть до цветка и плода. А затем — как начинается увядание, вплоть до полного разрушения. Через погружение в такой образ мы постепенно приходим к чувству возникновения и преходящести, для которого растение является только образом. Если неуклонно продолжать это упражнение, то из этого чувства впоследствии может развиваться имагинация того превращения, которое лежит в основе физического возникновения и преходящести. Если мы хотим достичь соответствующей инспирации, то упражнение надо делать иначе. Нужно вернуться мысленно к своей душевной деятельности, которая из образа растения извлекла представление о возникновении и преходящести. Нужно совершенно устранить растение из сознания и погрузиться только в то, что мы сами внутренне сделали. Только через такие упражнения возможно подняться к инспирации. Сначала духовному ученику будет не так легко понять во всем объеме, как приступить к такому упражнению. Это происходит оттого, что человек, привыкший к тому, что его внутренняя жизнь определяется внешними впечатлениями, тотчас же впадает в неуверенность и совершенную неустойчивость, когда ему приходится развивать душевную жизнь, порвавшую всякую связь с внешними впечатлениями. Еще в большей степени, чем при достижении имагинации, духовный ученик должен уяснить себе относительно этих упражнений, ведущих к инспирации, что он может приступить к ним только при условии одновременного принятия всех мер, которые могут привести к устойчивости и к укреплению способности суждения, жизни чувства и характера. Если он примет эти меры, то результат этого будет двоякий. Во-первых, благодаря упражнениям он не утратит при сверхчувственном созерцании равновесия своей личности; во-вторых, он в то же время приобретет способность действительно выполнить все то, что требуют эти упражнения. О трудности этих упражнений можно говорить только до тех пор, пока мы еще не усвоили себе совершенно определенного душевного строя, совершенно определенных чувств и ощущений. Кто с терпением и выдержкой будет культивировать в душе внутренние качества, благоприятствующие возрастанию сверхчувственных познаний, тот сможет вскоре развить в себе понимание этих упражнений и способность производить их. Кто приучился чаще углубляться в самого себя не столько затем, чтобы копаться в своей

душе, сколько для приведения в порядок и переработки в тиши добытого в жизни опыта, тот получит от этого большую пользу. Он увидит, что когда мы приводим один жизненный опыт в связь с другим, то мы обогащаем этим свои представления и чувства. Он заметит, в какой высокой степени узнаем мы новое не только благодаря притоку новых впечатлений и новых переживаний, но также и благодаря продолжающемуся в нас действию старых. И если он предоставит при этом своим переживаниям и даже своим установившимся мнениям свободно сталкиваться между собой, оставаясь сам со своими симпатиями и антипатиями, со своими личными интересами и чувствами как бы совсем в стороне, то он подготовит этим особенно хорошую почву для сверхчувственных познавательных сил. Он действительно разовьет то, что можно назвать *богатой внутренней жизнью*. Но что важно прежде всего, это — равномерное развитие и равновесие душевных качеств. Человек слишком легко бывает склонен впадать в односторонность, когда он отдается какой-нибудь одной душевной деятельности. Так, когда он заметит преимущество внутреннего размышления и пребывания в мире собственных представлений, то может получить к ним такую сильную склонность, что будет все более и более замыкаться от впечатлений внешнего мира. А это ведет к иссушению и оскуднению внутренней жизни. Наибольшего успеха достигнет тот, кто наряду со способностью углубляться внутрь себя сохранит также еще и открытую восприимчивость ко всем впечатлениям внешнего мира. И при этом не нужно иметь в виду одни только так называемые значительные впечатления жизни; *каждый* человек в *каждом* положении — будь то в четырех самых убогих стенах — может достаточно пережить, если у него будет надлежащая восприимчивость. Нет надобности искать переживания; они имеются всюду. Особенно важно также, как перерабатываются переживания в душе человека. Так, например, человек может убедиться, что уважаемое им или другими лицо обладает тем или иным качеством, которое приходится признать недостатком в характере. Такой опыт может дать ему повод к размышлению в двояком направлении. Он может сказать себе: теперь, после того как я узнал это, я не могу больше уважать это лицо, как прежде! Или же он может спросить себя: каким образом возможно, что уважаемое мною лицо обладает этим недостатком? Не могу ли я представить себе, что этот недостаток не есть *только* недостаток, но в то же время нечто такое, что обусловлено самой жизнью этого лица и, быть может, как раз его высокими качествами? Человек, который поставит себе эти вопросы, быть может, придет к выводу, что ему вовсе не надо умалять своего уважения благодаря замеченному недостатку. Благодаря такому выводу мы всякий раз учимся чему-нибудь, обогащаем чем-нибудь свое понимание жизни. Но было бы, конечно, плохо, если бы хорошая сторона такого воззрения на жизнь соблазнила кого-нибудь извинять решительно все у людей и вещей, пользующихся его расположением, или же склонила бы его к привычке оставлять без внимания все достойное порицания, потому что это полезно для его внутреннего развития. Этой пользы *не* получается, когда человек по собственному побуждению бывает склонен не только порицать недостатки, но и понимать их; польза для внутреннего развития бывает только тогда, когда такое отношение вызывается самими условиями данного случая, независимо от того, выигрывает или теряет лицо, которое произносит суждение. Совершенно верно, что *научиться* можно *не* через осуждение недостатка, а *только* через понимание его. Но кто ради понимания решится во что бы то ни стало отказываться от порицания, тот тоже не уйдет далеко. Здесь дело сводится также не к односторонности в том или другом направлении, а к равномерности и равновесию душевных сил. И это касается особенно одного душевного качества, которое

имеет огромное значение для развития человека — того, что называется чувством благоговейного *почитания*. Кто воспитал в себе это чувство или кто уже обладает им как счастливым природным даром, у того хорошая почва для развития сверхчувственных познавательных сил. Кто в детстве своем или в юности мог взирать с восторженным преклонением на некоторых людей, как на высокий идеал, у того в глубине души заложено нечто, в чем особенно хорошо могут произрастать сверхчувственные познания, И кто впоследствии, обладая уже зрелым суждением, поднимает взор к звездному небу и в восхищении и в полном забвении самого себя ощущает откровение высших сил, тот тем самым делает себя зрелым для познания сверхчувственных миров. То же самое относится и к человеку, который способен преклоняться перед силами, господствующими в человеческой жизни. И не менее важно, чтобы мы и зрелыми людьми могли еще испытывать в самой высокой степени чувство почитания лица, о достоинстве которых мы догадываемся или знаем. Только там, где имеется такое почитание, могут открываться взору высшие миры. Кто неспособен к почитанию, тот отнюдь не уйдет далеко и в своем познании. Кто не хочет ничего признавать в мире, перед тем закрывается сущность вещей. Однако кто чувством почитания и отдачи себя совершенно убивает в себе *здоровое* самосознание и доверие к себе, тот грешит против закона равномерности и равновесия. Пусть духовный ученик неуклонно работает над собой, чтобы делаться все более и более зрелым; но тогда он *будет вправе* питать доверие и к собственной личности и верить, что ее силы будут все более возрастать. Кто придет в этом смысле в самом себе к правильным ощущениям, тот скажет себе: во мне таятся силы, и я могу извлечь их из моей внутренней глубины. Поэтому если я вижу что-то, что я должен почитать, так как оно стоит выше меня, то мне не надо ограничиваться одним только почитанием, но я могу питать уверенность, что разовью в себе все то, что сделает и меня подобным тому или иному почитаемому мною человеку.

Чем больше обладает человек способностью направлять *внимание* на некоторые явления жизни, о которых он не составил себе еще предварительного суждения, тем больше у него возможности создать себе основу для восхождения в высшие миры. Следующий пример сделает это для нас наглядным. Положим, что человек попадает в такое жизненное положение, когда он может совершить известный поступок или не совершить его. Его суждение говорит ему: сделай это. Но в его ощущениях есть что-то необъяснимое, что удерживает его от поступка. Может случиться, что человек не обратит внимания на это необъяснимое и просто совершит поступок, как подсказывает ему его суждение. Но может произойти и так, что человек уступит давлению этого необъяснимого и не совершит поступка. Если он проследит дальнейший ход событий, то может оказаться, что если бы он последовал своему суждению, то произошло бы несчастье, и что его отказ от поступка принес благие последствия. Такой опыт может сообщить мышлению человека совершенно определенное направление. Он может сказать себе: во мне живет нечто, ведущее меня вернее, чем та степень способности суждения, которою я обладаю в настоящее время. Я должен чутко прислушиваться к этому «чему-то во мне», до которого я еще совсем не дорос в своей способности суждения. Это действует в высшей степени благотворно на душу, когда она направляет свое внимание на такие случаи в жизни. Для нее становится тогда ясным как бы в виде *здорового* предчувствия, что в человеке заключено *нечто большее*, чем то, что он может пока обзреть при помощи своей способности суждения. Такое внимание ведет к *расширению* душевной жизни. Но и здесь можно опять впасть в опасную односторонность. Кто вздумает усвоить себе *привычку* постоянно отказываться от

суждения, потому что «предчувствия» толкают его на то или иное, тот может сделаться игрушкой всевозможных неопределенных влечений. А от такой привычки недалеко и до полного отсутствия суждения и до суеверия. Для духовного ученика всякого рода суеверие бывает роковым. Человек приобретает возможность настоящим образом проникнуть в области духовной жизни только благодаря тому, что тщательно охраняет себя от суеверия, фантастики и мечтательности. Кто бывает рад, что ему случилось пережить какое-нибудь событие, которое «не может быть постигнуто человеческим разумением», о том нельзя сказать, что он правильным образом вступает в духовный мир. Пристрастие к «необъяснимому» уже, конечно, никого не сделает духовным учеником. Последний должен совершенно отвыкнуть от предрассудка, что «мистик это тот, кто предполагает в мире необъяснимое и неисследуемое» везде, где ему вздумается. Правильное чувство для духовного ученика состоит в том, чтобы признавать всюду сокрытые силы и существ, но также и предполагать, что неисследованное может быть исследовано, когда имеются на то силы.

Существует известный душевный строй, который важен для духовного ученика на каждой ступени его развития. Он заключается в том, чтобы не сводить своего стремления к знанию к односторонней форме: «Как мне ответить на тот или иной вопрос?», но к форме: «Как мне развить в себе ту или иную способность?» Когда затем благодаря внутренней терпеливой работе над собой разовьется та или иная способность, то человеку придут и ответы на некоторые вопросы. Духовные ученики всегда должны культивировать в себе этот душевный строй. Это приводит их к работе над собой, к тому, чтобы делать себя все более и более зрелыми и не принуждать себя к ответам на известные вопросы. Им надлежит *ждать*, пока к ним придут эти ответы. Но кто и в этом опять-таки приучится к односторонности, тот тоже не сделает правильных успехов. У духовного ученика может быть и такое чувство, что в определенный момент он сможет собственными силами ответить на высочайшие вопросы. Так что и здесь равномерность и равновесие душевного строя играют важную роль.

Можно было бы остановиться еще на многих других душевных качествах, культивирование и развитие которых окажется полезным для духовного ученика, если он путем упражнений будет стремиться к инспирации. И относительно всех их пришлось бы подчеркнуть, что равномерность и равновесие являются теми душевными качествами, которые прежде всего необходимы. Они готовят понимание описанных упражнений, которые нужно делать для достижения инспирации, и способность к ним.

Упражнения, ведущие к интуиции, требуют, чтобы духовный ученик изъясил из своего сознания не только образы, которым он отдавался для достижения имагинации, но также и жизнь в собственной душевной деятельности, в которую он погружался для приобретения инспирации. Итак, у него в душе не должно быть буквально *ничего* из известных ему прежде внешних или внутренних переживаний. Если же после этого устранения внешних и внутренних переживаний в его сознании не останется *ничего*, то есть если он вообще лишится сознания и погрузится в бессознательность, то по этому признаку он может узнать, что еще не созрел для упражнений, ведущих к интуиции; и тогда он должен продолжать упражнения для достижения имагинации и инспирации. Когда-нибудь настанет время, когда после устранения внешних и внутренних переживаний сознание не окажется пустым, но когда, как следствие этого устранения переживаний, в сознании останется нечто, чему мы можем отдаться тогда во внутреннем погружении, как отдавались прежде душевному содержанию, обязанному своим бытием внешним или внутренним впечатлениям. Но это «нечто» совершенно особого рода. По

отношению ко всему, что было испытано раньше, это действительно нечто новое. Переживая это, мы знаем: этого я прежде не знал. Это есть восприятие в том смысле, в каком является восприятием действительный звук, который слышит ухо; но это нечто может войти в сознание только через интуицию, как звук может проникнуть в сознание только через ухо. Благодаря интуиции впечатления человека слагают с себя последний остаток чувственно-физического; духовный мир начинает раскрываться познанию в такой форме, которая не имеет уже больше ничего общего со свойствами физически-чувственного мира.

Имагинативное познание достигается благодаря выработке в астральном теле цветков лотоса. Через упражнения, совершаемые для достижения инспирации и интуиции, в человеческом эфирном, или жизненном, теле появляются особые движения, образования и течения, которых прежде не было. Они и суть те органы, посредством которых человек вводит в круг своих способностей «чтение сокровенного письма» и то, что лежит за пределами его. Для сверхчувственного познания изменения в эфирном теле человека, достигшего инспирации и интуиции, представляются следующим образом. В области, лежащей приблизительно около физического сердца, создается новый центр в эфирном теле, который слагается в эфирный орган. От него исходят разнообразнейшие движения и течения по направлению к различным членам человеческого тела. Важнейшие из этих течений идут к цветкам лотоса, пронизывают их и их отдельные лепестки и направляются затем наружу, где они изливаются, подобно лучам, во внешнее пространство. Чем больше человек развит, тем обширнее вокруг него пространство, в котором заметны эти течения. Но при правильном обучении центр в области сердца образуется не в самом начале развития. Он сперва подготавливается. Сначала возникает предварительный центр в голове, затем он спускается в область гортани и, наконец, перемещается в область, находящуюся вблизи физического сердца. При неправильном развитии орган, о котором идет речь, может образоваться в области сердца в самом начале. Тогда человеку грозила бы опасность стать мечтателем и фантастом вместо того, чтобы прийти к спокойному, настоящему сверхчувственному созерцанию. В своем дальнейшем развитии духовный ученик достигает того, что делает образовавшиеся течения и расчленения своего эфирного тела независимыми от физического тела и может пользоваться ими самостоятельно. При этом цветки лотоса служат ему орудиями, посредством которых он приводит в движение эфирное тело. Но сначала нужно, чтобы во всей окружности эфирного тела образовались особые течения и излучения, которые подобно тонкой сети замыкали бы его в себе и делали бы его замкнутым в себе существом. Когда это произошло, то течения и движения, происходящие в эфирном теле, могут беспрепятственно соприкасаться с внешним душевно-духовным миром и соединяться с ним, так что внешний духовно-душевный процесс и внутренний (в человеческом эфирном теле) сливаются друг с другом. Когда это совершится, то для человека наступает момент сознательного восприятия мира инспирации. Это познание проявляется иным образом, чем познание, касающееся чувственно-физического мира. В последнем мы получаем восприятия посредством внешних чувств и затем составляем себе об этих восприятиях представления и понятия. При знании, получаемом через инспирацию, это не так. Познаваемое дается здесь непосредственно в одном и том же акте; здесь нет размышления *после* восприятия. То, что при чувственно-физическом познании достигается лишь впоследствии при помощи понятий, в инспирации дается одновременно с восприятием. Поэтому если бы человек не развил в эфирном теле

описанной выше сети, он слился бы воедино с окружающим его душевно-духовным миром и не мог бы вовсе отличать себя от него.

Когда делают упражнения, ведущие к интуиции, то они влияют не только на эфирное тело, но и действуют вплоть до сверхчувственных сил физического тела. Конечно, не следует представлять себе, что при этом в физическом теле происходят действия, доступные обыкновенному наблюдению внешними чувствами. Это такие действия, о которых может судить только сверхчувственное познание. Они не имеют никакого отношения к *внешнему* познанию. Они наступают как результат зрелости сознания, когда оно может иметь переживания в интуиции несмотря на то, что удалило из себя все известные ему дотеле внешние и внутренние переживания. Но то, что мы испытываем в интуиции, — нежно, интимно и тонко; и по сравнению с этим физическое тело человека на современной ступени своего развития грубо. Поэтому оно является сильным препятствием для успеха в упражнениях, ведущих к интуиции. Если продолжать их с энергией, выдержкой и с должным внутренним спокойствием, то они в конце концов побеждают могущественные препятствия физического тела. Духовный ученик замечает это на том, что постоянно получает власть над некоторыми проявлениями физического тела, которые раньше протекали совершенно помимо его сознания. Он замечает это еще и по тому, что на короткое время испытывает потребность установить, например, дыхание (или что-нибудь другое в этом роде) так, чтобы оно пришло в своего рода согласие или гармонию с тем, что совершает душа при этих упражнениях или вообще при внутреннем погружении. Это было бы идеалом развития, чтобы человек совсем не прибегал для своих упражнений к помощи физического тела, но чтобы все, что должно произойти с последним, наступало *только* как последствие упражнений в интуиции.

Когда духовный ученик поднимается на своем пути к мирам более высокого познания, он замечает на известной ступени, что связь между силами его личности принимает иную форму, чем в физически-чувственном мире. В этом мире «Я» обуславливает целостное взаимодействие душевных сил, прежде всего мышления, чувства и воли. При обыкновенных условиях человеческой жизни эти три душевные силы находятся пока всегда в определенных отношениях. Человек видит, например, какую-нибудь вещь во внешнем мире. Она нравится или не нравится душе. Это значит, что к представлению о вещи присоединяется с известной необходимостью чувство удовольствия или неудовольствия. Возникает также желание обладать этой вещью или импульс так или иначе изменить ее. Это значит, что к представлению и чувству присоединяются сила желания и воля. Это присоединение вызывается тем, что «Я» связывает воедино представление (мышление), чувствование и воление и вносит таким образом порядок в силы личности. Этот *здоровый* порядок был бы нарушен, если бы «Я» оказалось в этом направлении бессильным, если бы, например, желание вздумало идти иным путем, чем чувство или представление. Если человек считает что-нибудь правильным, но в то же время желает чего-то, о чем у него нет убежденности, что это правильно, — то он находится в нездоровом душевном расположении. То же самое, можно сказать о том, кто желает не то, что ему нравится, а то, что ему не нравится. Но теперь человек замечает, что на пути к высшему познанию мышление, чувствование и воление действительно разделяются и приобретают известную самостоятельность. Он замечает, что, например, определенное мышление уже не понуждает более само по себе к определенному чувствованию и волению. Дело обстоит так, что можно в мышлении

правильно воспринимать что-нибудь, но чтобы прийти вообще к какому-нибудь чувству или волевому решению, нужно снова получить из самого себя самостоятельное побуждение. Мышление, чувство и волея уже не остаются больше именно тремя *силами*, которые излучаются из общего средоточия или «Я» личности, но становятся как бы самостоятельными существами, как бы тремя личностями. Тем более необходимо поэтому укрепить теперь свое «Я», ибо оно должно не только вносить порядок в три силы, но и управлять и руководить тремя существами. Но это разделение должно происходить только *во время* сверхчувственного наблюдения. И здесь снова становится ясным, как важно, чтобы наряду с упражнениями, имеющими целью высшее обучение, проводились и другие упражнения, сообщающие устойчивость и твердость способности суждения, жизни чувства и воли. Ибо если мы не принесем с собой в высший мир этих свойств, то вскоре увидим, что «Я» окажется слабым и не сможет быть настоящим руководителем мышления, чувства и воли. При наличии этой слабости душа будет как бы раздираться по разным направлениям тремя личностями и ее внутренняя целостность будет нарушена. Но при правильном ходе развития духовного ученика это признак действительного успеха. «Я» сохраняет господство над самостоятельными существами, образующими теперь его душу. В дальнейшем ходе развития означенное развитие продолжается дальше. Мышление, ставшее самостоятельным, вызывает появление особого четвертого душевно-духовного существа, которое можно обозначить как непосредственное проникновение в человека течений, подобных мыслям. Весь мир является тогда сотканным из мыслей зданием, которое встает перед человеком подобно растительному или животному миру в физически-чувственной области. Подобным же образом и ставшие самостоятельными чувство и воля пробуждают в душе две силы, которые действуют в ней как самостоятельные существа. К этому присоединяется еще седьмая сила и существо, которое подобно нашему собственному «Я».

Все это переживание бывает связано еще с другим. До вступления в сверхчувственный мир мышление, чувство и воля были известны человеку только как внутренние душевные переживания. Как только он вступает в сверхчувственный мир, он воспринимает вещи, которые выражают не чувственно-физическое, а душевно-духовное. За воспринятыми им качествами нового мира стоят душевно-духовные существа. И они предстают ему теперь как внешний мир, подобно тому, как в физически-чувственной области перед его внешними чувствами вставали камни, растения и животные. Отныне духовный ученик может заметить значительное различие между раскрывающимся ему душевно-духовным миром и тем, который он привык воспринимать посредством своих физических чувств. Растение чувственного мира остается таким, какое оно есть, что бы ни чувствовала или ни думала о нем человеческая душа. Относительно образов душевно-духовного мира это бывает сначала не так. Они изменяются в зависимости от того, что ощущает или думает человек. Этим человек накладывает на них отпечаток, который зависит от его собственного существа. Представим себе, что перед человеком в имажинативном мире встает известный образ. Если сначала он отнесется к нему в своей душе безразлично, то образ явится ему в определенном виде. Но в то мгновение, как он ощутит по отношению к образу удовольствие или неудовольствие, последний тотчас изменит свой вид. Итак, образы первоначально не только выражают нечто, существующее самостоятельно вне человека, но отражают и состояние самого человека. Они всецело проникнуты существом самого человека. Последнее ложится на существ подобно покрову. Если перед человеком и стоит тогда действительное существо, он видит не его, а свое собственное порождение. Таким образом, он может иметь перед

собой нечто вполне истинное и все же видеть ложное. И это относится не только к тому, что человек сам замечает в себе как свое существо: все, что ни есть в нем, действует на этот мир. У человека могут, например, быть скрытые склонности, которые благодаря воспитанию и характеру не проявляются в жизни; на духовно-душевный мир они оказывают свое действие; и все существо человека придает этому миру своеобразную окраску, независимо от того, насколько сам человек знает об этом существе или нет. Для того, чтобы с этой ступени развития мочь двинуться дальше, необходимо, чтобы человек научился различать между собой и духовным внешним миром. Нужно, чтобы он научился выключать все воздействия собственного «Я» на окружающий его душевно-духовный мир. Это можно сделать не иначе, как приобретя познание о том, что мы сами вносим в этот мир. Итак, сначала надо приобрести самопознание, чтобы затем быть в состоянии чисто воспринимать окружающий духовно-душевный мир. Но некоторые факты человеческого развития влекут за собою то, что такое самопознание при вступлении в высший мир *должно* наступать как бы естественно. Ведь человек развивает в обыкновенном физически-чувственном мире свое «Я», свое самосознание. Это «Я» действует, как центр притяжения, на все, что принадлежит к человеку. Все его склонности, симпатии, антипатии, страсти, мнения и т. д. группируются как бы вокруг этого «Я». Это «Я» и является центром притяжения для того, что называют кармой человека. Если бы мы увидели это «Я» без покровов, то могли бы усмотреть по нему, какие судьбы должны еще постигнуть его в этом и в следующих воплощениях, смотря по тому, как оно жило в предыдущих воплощениях и что оно усвоило себе в них. Это «Я», со всем тем, что связано с ним, должно предстать теперь, как первый образ, перед человеческой душой, когда она восходит в душевно-духовный мир. Этот двойник человека согласно законам духовного мира *должен* прежде всего появиться перед человеком как его первое впечатление в том мире. Лежащий в основе этого закон можно легко уяснить себе, если продумать следующее. В физически-чувственной жизни человек воспринимает себя лишь постольку, поскольку он внутренне переживает себя в своем мышлении, чувстве, воле. Но это восприятие чисто внутреннее; оно встает перед человеком не так, как встают перед ним камни, растения и животные. Но через внутреннее восприятие человек познает себя лишь отчасти. Он имеет в себе нечто препятствующее более глубокому самопознанию. Оно заключается в стремлении, *если он не хочет отдаться самообману*, тотчас же переработать то или иное качество, которое он бывает принужден признать в себе благодаря самопознанию.

Если человек не поддастся этому стремлению и просто отвлечет свое внимание от своего «Я», оставшись таким, каков он есть, то он, разумеется, лишит себя возможности познать себя в этой своей черте. Если же углубится в себя и будет без самообмана видеть перед собой то или иное из своих качеств, то он либо сможет исправить его, либо не сможет в настоящих условиях своей жизни. В последнем случае в его душу закрадется чувство, которое можно назвать чувством стыда. Так действует на самом деле здоровая природа человека: она ощущает благодаря самопознанию различные виды стыда. Но уже и в обыкновенной жизни это чувство имеет совершенно определенное действие. Здравомыслящий человек постарается, чтобы то, что само по себе наполняет его этим чувством, не выявлялось наружу в каких-нибудь действиях, не изживалось во внешних поступках. Итак, стыд есть сила, побуждающая человека замыкать что-то внутри себя и не давать ему внешне выявляться. Если это как следует обдумать, то станет понятным, что духовное исследование приписывает известному внутреннему душевному переживанию, которое весьма сродни чувству стыда, еще более значительные действия.

Оно находит, что в скрытых глубинах души существует род *скрытого* стыда, который человек не сознает в физически-чувственной жизни. Но это скрытое чувство действует подобным же образом, как описанное чувство, проявляющееся в обыкновенной жизни. Оно препятствует тому, чтобы наивнутреннейшее существо человека предстало перед ним в доступном восприятию образе. Не будь этого чувства, человек воспринимал бы перед собой то, что он есть в действительности; он не только внутренне переживал бы свои представления, чувства и волю, но и воспринимал бы их, как воспринимает камни, животных и растения. Таким образом, это чувство и есть то самое, что закрывает человека от самого себя. А благодаря этому оно является одновременно и тем, что закрывает и весь духовно-душевный мир. Ибо когда от человека бывает скрыто его собственное внутреннее существо, он не может воспринимать и того, на чем он мог бы развить органы для познания душевно-духовного мира; он не может изменить своего существа так, чтобы оно приобрело духовные органы восприятия. Когда же человек, следуя правильному обучению, работает над развитием в себе этих органов восприятия, то как первое впечатление перед ним встает то, чем он является сам. Он воспринимает своего двойника. Это самовосприятие совершенно нельзя отделить от восприятия остального духовно-душевного мира. В обыкновенной жизни физически-чувственного мира охарактеризованное чувство действует так, что постоянно закрывает перед человеком врата в духовно-душевный мир. Если человек вздумает сделать хоть один шаг, чтобы проникнуть в этот мир, перед ним тотчас же выступит, хотя и не доходя до сознания, чувство стыда и закроет готовую обнаружиться часть духовно-душевного мира. Но описанные выше упражнения открывают доступ в этот мир. Однако дело обстоит так, что упомянутое скрытое чувство является великим благодетелем человека. Ибо все то, что человек приобретает в смысле силы суждения, жизни чувств и характера без духовнонаучного обучения, не делает его способным безнаказанно выносить восприятие своего собственного существа в его истинном облике. Это восприятие лишило бы человека всякого чувства уверенности в себе, доверия к себе и самосознания. Чтобы этого не произошло, надо принять опять-таки те же меры, которые человек употребляет наряду с упражнениями, ведущими к высшему познанию, для укрепления в себе здоровой способности суждения, чувства и характера. Правильное обучение дает человеку столько сведений из духовной науки, ему указывается, кроме того, столько средств для самопознания и самонаблюдения, сколько ему нужно, чтобы во всеоружии встретить своего двойника. Эта встреча протекает тогда для духовного ученика так, что он видит только, что образ имажинативного мира в иной форме есть то, с чем он уже познакомился в физическом мире. Кто сначала в физическом мире правильно понял рассудком закон кармы, тот уже не будет так потрясен, когда увидит зачатки своей судьбы запечатленными в образе своего двойника. Кто с помощью своей способности суждения ознакомился с развитием мира и человечества и знает, как в определенный момент этого развития в человеческую душу проникли силы Люцифера, тому нетрудно будет перенести, когда он увидит, что в образе его собственного существа содержатся эти люциферические существа со всеми их действиями. Но из этого видно, как необходимо, чтобы человек не домогался вступления в духовный мир прежде, чем он своей обыкновенной, выработанной в физически-чувственном мире способностью суждения не поймет известных истин о духовном мире. Прежде чем пожелать самому проникнуть в сверхчувственные миры, духовный ученик должен при правильном ходе развития сначала усвоить себе посредством своей обыкновенной способности суждения все то, что сообщено в этой книге перед главой о «познании высших миров».

При обучении, которое не обращает внимания на устойчивость и твердость способности суждения, жизни чувства и характера, может случиться, что перед учеником предстанет высший мир прежде, чем он приобретет необходимые для этого внутренние способности. Тогда встреча с двойником могла бы подействовать на него подавляющим образом и привести к заблуждению. Если же человек совершенно избежит этой встречи — что тоже вполне возможно — и все-таки вступит в сверхчувственный мир, то он никогда не будет в состоянии познать этот мир в его истинном облике. Ибо для него будет совершенно невозможно различать между тем, что он сам вкладывает в созерцаемые им вещи, и тем, чем они являются в действительности. Это различие возможно только в том случае, когда человек воспринимает собственное существование как самостоятельный образ и тем самым отделяет от окружающего мира все, что проистекает из его собственной внутренней глубины. В жизни человека в физически-чувственном мире двойник действует так, что через это чувство стыда он делает себя тотчас невидимым, как только человек приближается к душевно-духовному миру. Но тем самым он закрывает и весь этот мир. Как «Страж» стоит он перед этим миром, чтобы заградить доступ тому, кто еще не готов для вступления в этот мир. Поэтому он может быть назван «Стражем порога», лежащего перед душевно-духовным миром. С этим «Стражем порога» человек встречается не только при описанном вступлении в сверхчувственный мир, но также и при прохождении через физическую смерть. И он постепенно раскрывается в душевно-духовном развитии в течение жизни между смертью и новым рождением. Но тогда эта встреча не может подействовать на человека подавляющим образом, ибо он знает тогда об иных мирах, незнакомых ему при жизни между рождением и смертью.

Если бы человек вступил в духовно-душевный мир без встречи со «Стражем порога», он стал бы впадать в одно заблуждение за другим. Ибо он никогда не смог бы различить того, что он сам вносит в этот мир, от того, что действительно принадлежит к последнему. Но правильное обучение должно вести духовного ученика в область истины, а не в область иллюзий. Это обучение протекает так, что эта встреча неизбежно должна когда-нибудь произойти. Ибо при наблюдении сверхчувственных миров она есть одна из необходимых мер, предохраняющих от возможности заблуждения и фантастики. К самым неотложным мерам, которые должен принять каждый духовный ученик, относится тщательная работа над собой, чтобы не стать фантастом или человеком, способным впасть в заблуждение и самообман (внушение и самовнушение). При соблюдении правильных указаний духовного обучения уничтожаются в то же время и источники, могущие породить заблуждение. Здесь нельзя, конечно, распространяться обо всех частностях, относящихся к принятию этих мер. Здесь можно только бегло указать, о чем идет речь. Заблуждения, которые приходится иметь в виду, проистекают из двух источников. Отчасти они происходят оттого, что человек окрашивает действительность своим собственным душевным существом. В обыкновенной жизни физически-чувственного мира этот источник заблуждения представляет сравнительно небольшую опасность, ибо внешний мир всегда резко дает о себе знать наблюдению в своем подлинном облике, как бы наблюдатель ни хотел окрасить его сообразно своим желаниям и интересам. Но как только мы вступаем в имажинативный мир, образы его в силу таких желаний и интересов тотчас изменяются и тогда мы имеем перед собой как *действительность* то, что создали сами или в создании чего мы по крайней мере участвовали. Однако встреча со «Стражем порога» знакомит духовного ученика со всем тем, что он содержит в себе и что он может внести в душевно-духовный мир, и таким

образом устраняет этот источник заблуждения. А подготовка, которую проходит духовный ученик перед вступлением в душевно-духовный мир, приучает его уже при наблюдении чувственно-физического мира выключать самого себя и давать вещам и событиям самим говорить за себя в силу их собственной сущности. Кто достаточно основательно прошел эту подготовку, может спокойно ожидать встречи со «Стражем порога». Она позволит ему окончательно проверить — действительно ли он чувствует себя в состоянии выключать свое собственное существо перед лицом также и душевно-духовного мира.

Кроме этого источника заблуждений есть еще другой. Он дает о себе знать, когда мы неправильно истолковываем получаемое впечатление. В физически-чувственной жизни простым примером такого заблуждения может служить тот случай, когда мы сидим в поезде и *полагаем*, что деревья бегут в направлении, обратном движению поезда, между тем как в действительности мы сами движемся с поездом. Хотя бывает много случаев, когда такие заблуждения в чувственно-физическом мире труднее исправить, чем в приведенном простом примере, однако легко усмотреть, что в этом мире человек может найти и средства для устранения подобных заблуждений, когда он с помощью здорового суждения принимает во внимание все, что может послужить для соответствующего разъяснения. Совсем иначе обстоит дело, когда мы вступаем в сверхчувственные области. В чувственном мире факты не меняются вследствие человеческого заблуждения; поэтому возможно посредством беспристрастного наблюдения исправить заблуждение на основании фактов. В сверхчувственном же мире это сделать не так легко. Если нам предстоит наблюдать какой-нибудь сверхчувственный процесс и мы подходим к нему с неправильным суждением, то мы вносим в него это неправильное суждение; и оно так переплетается с самим фактом, что его невозможно сразу отличить от последнего. Тогда дело обстоит уже не так, что заблуждение находится в человеке, а настоящий факт вне его, но само заблуждение становится составной частью внешнего факта. Поэтому оно и не может быть исправлено просто беспристрастным наблюдением факта. Это указывает на обстоятельство, могущее явиться обильным источником заблуждения и фантастики для всех тех, кто подходит к сверхчувственному миру без надлежащей подготовки. Но, приобретая способность устранять заблуждения, возникающие вследствие окраски, налагаемой на явления сверхчувственного мира личным существом духовного ученика, последний должен постараться приобрести и другой дар: способность обезвредить и второй указанный источник заблуждений. Только после того, как он узнал образ своего двойника, он бывает в состоянии выключить все исходящее от него самого; и только приобретя способность по *характеру* какого-нибудь факта сверхчувственного мира узнавать, действительно это или заблуждение, он сможет устранить и все то, что в указанном смысле является вторым источником заблуждения. Если бы заблуждения выглядели совсем так, как действительность, то различие было бы невозможно. Но это не так. Заблуждения в сверхчувственных мирах имеют *сами по себе свойства*, благодаря которым они отличаются от действительности. И все дело в том, чтобы духовный ученик знал, по каким свойствам он может распознавать действительность. Ничего не может быть естественнее, чем если человек, незнакомый с духовным обучением, скажет: существует ли вообще какая-нибудь возможность оградить себя от заблуждения, раз его источники так многочисленны? И далее скажет: может ли вообще какой-нибудь духовный ученик быть уверенным, что все его так называемые высшие познания не покоятся на заблуждении и самообмане (на внушении и самовнушении)? Кто так говорит, не считается с тем, что весь ход истинного

духовного обучения таков, что им устраняются источники заблуждения. Во-первых, истинный духовный ученик приобретает при своей подготовке достаточно знаний обо всем, что может привести к заблуждению и самообману, и бывает поэтому в состоянии оградить себя от них. В этом отношении он действительно более, чем кто-либо другой, имеет возможность приобрести трезвость и уверенность суждения для жизненного пути. Все, с чем он знакомится, побуждает его не придавать никакого значения неопределенным предчувствиям и внушениям. Обучение делает его максимально осторожным. К этому присоединяется и то, что всякое истинное обучение прежде всего приводит к понятиям о великих мировых событиях, понятиям, которые требуют напряжения способности суждения, благодаря чему это последнее становится в то же время тоньше и острее.

Только тот, кто вздумал бы отказаться от вступления в столь отдаленные области и пожелал бы придерживаться только более близко касающихся его «откровений», лишился бы случая усилить ту здоровую способность суждения, которая может сообщить ему уверенность в различении заблуждения от действительности. Но все это еще не самое важное. Самое важное заключается в самих упражнениях, применяемых при правильном духовном обучении. Последние должны быть такого рода, чтобы сознание духовного ученика во время внутреннего погружения могло бы в точности обзирать все происходящее в душе. Сначала, чтобы вызвать имагинацию, создается символический образ. В нем еще содержатся представления о внешних восприятиях. Содержание их обязано своим происхождением не одному только человеку: он не сам создает его. Так что он может впасть в заблуждение относительно того, как оно возникло; он может неправильно истолковать его происхождение. Но духовный ученик удаляет это содержание из своего сознания, восходя к упражнениям, ведущим к инспирации. Тогда он погружается только в свою собственную душевную деятельность, которая создала символический образ. Но и здесь еще возможна ошибка. Через воспитание, учение и т. д. человек усваивает себе определенный род душевной деятельности. Он не может знать всего о ее происхождении. Но затем духовный ученик удаляет из своего сознания также и эту свою душевную деятельность. В том, что теперь остается, нет *ничего* такого, чего нельзя было бы обзреть. К этому не может примешаться ничего, что не подлежало бы обсуждению во всем своем объеме. Итак, духовный ученик имеет в своей интуиции нечто, показывающее ему, какова совершенно чистая действительность духовно-душевного мира. Применяя опознанные таким образом признаки духовно-душевной деятельности ко всему, что вступает в круг его наблюдения, он может отличить видимость от действительности. И он может быть уверен, что применение этого закона в такой же мере обеспечивает его от заблуждения в сверхчувственном мире, в какой с ним не может случиться в физически-чувственном мире, чтобы *воображаемый* кусок горячего железа он принял за настоящий, который действительно жжет. Само собою понятно, что так можно относиться только к тем познаниям, которые мы рассматриваем как наши собственные переживания в сверхчувственных мирах, а не к тем, которые мы получаем в виде сообщений от других людей и которые постигаем нашим физическим рассудком и здоровым чувством истины. Духовный ученик должен постараться провести точную границу между тем, что он приобрел тем и другим способом. Он, с одной стороны, должен охотно принимать сообщения о высших мирах и стараться понять их своею способностью суждения. Но когда он обозначает что-нибудь как свой собственный опыт, как сделанное им самим наблюдение, то он сначала должен проверить, предстало ли оно ему с теми же в

точности качествами, которые он привык наблюдать при не допускающей обмана интуиции.

После того как духовный ученик пережил встречу с описанным «Стражем порога», ему предстоит при восхождении в сверхчувственные миры дальнейшие переживания. Прежде всего он заметит, что существует внутреннее родство между этим «Стражем порога» и той душевной силой, которая при приведенном выше описании оказалась седьмой и сложилась как бы в самостоятельное существо. Это седьмое существо и есть в известном отношении не что иное, как двойник, как сам «Страж порога». И это существо ставит духовному ученику особую задачу. При помощи своего новорожденного «Я» он должен направлять и вести то, чем он является в своем обыкновенном «Я» и что предстает ему в образе. Это ведет к своего рода борьбе против «двойника». Последний будет постоянно стремиться взять верх. Поставить себя в правильное отношение к нему, не допустить его ни до какого действия, которое не стояло бы под влиянием новорожденного «Я» — это в то же время увеличивает и укрепляет силы человека. Но в высшем мире дело с самопознанием в известном отношении обстоит иначе, чем в физически-чувственном мире. Если в последнем самопознание сказывается лишь как внутреннее переживание, то новорожденное «Я» тотчас же выступает как внешнее душевное явление. Человек видит перед собой свое новорожденное «Я» как другое существо. Но вполне воспринять его нельзя. Ибо какой бы ступени ни достиг человек на пути в сверхчувственные миры, всегда окажутся еще более высокие ступени. На них мы будем все более и более воспринимать наше «высшее Я» (Selbst). Так что на каждой ступени оно может открываться духовному ученику только отчасти. Но когда человек впервые замечает что-либо из своего «высшего Я», он подвергается невероятно большому искушению взглянуть на это «высшее Я» (Selbst) как бы с той точки зрения, которую он усвоил себе в физически-чувственном мире. Это искушение даже благотворно и *должно* наступить, чтобы развитие могло идти правильно. Необходимо рассмотреть то, что предстает как двойник, или «Страж порога», и сравнить его с «высшим Я» (Selbst), чтобы отдать себе отчет в расстоянии между тем, что представляет собою человек теперь, и тем, чем он должен стать впоследствии. Но при этом рассмотрении «Страж порога» начинает принимать совершенно другой облик. Он представляется как образ всех тех *препятствий*, которые становятся на пути развития «высшего Я» (Selbst). Тогда мы замечаем, какое бремя влечем в лице нашего обычного «Я» (Selbst). И если человек через свою подготовительную работу не стал достаточно силен, чтобы сказать себе: я не остановлюсь на этом, я буду неуклонно стремиться к развитию «высшего Я» (Selbst), — то он изнемоет и ужаснется тому, что ему предстоит. Тогда он остается погруженным в духовно-душевный мир, но отказывается дальше работать над собой. Он становится пленником того образа, который стоит теперь перед душой благодаря «Стражу порога». Важно, что при этом переживании у человека нет ощущения, будто он пленник. Он думает, напротив, что переживает нечто совсем иное. Образ, порождаемый «Стражем порога», может быть таков, что он вызовет в душе наблюдателя впечатление, будто последний в выступающих на этой ступени развития образах имеет уже перед собой все миры во всей их полноте; будто он достиг вершины познания и ему нет надобности стремиться дальше. Он будет чувствовать себя не пленником, а безмерно богатым обладателем всех мировых тайн. Мы не удивимся, что можно иметь подобное переживание, обратное действительному положению вещей, если примем во внимание, что, переживая это, человек находится уже в духовно-духовном

мире, а особенность этого мира состоит в том, что события в нем могут представляться в обратном виде. В этой книге было указано на этот факт при рассмотрении жизни после смерти.

Образ, воспринимаемый духовным учеником на этой ступени развития, являет ему еще нечто иное, чем тот образ, в котором предстал перед ним впервые «Страж порога». В этом двойнике можно было воспринять все те свойства, которыми обладает обычное «Я» (Selbst) человека под влиянием сил Люцифера. Но в ходе развития человечества через влияние Люцифера в душу человека внедрилась другая сила. Это та сила, которая была обозначена как сила Аримана. Это та сила, которая в физически-чувственном бытии препятствует человеку воспринимать стоящих за поверхностью чувственного душевно-духовных существ внешнего мира. Что происходит под влиянием этой силы с душой человека, показывает образ, выступающий при означенном переживании. Кто придет к этому переживанию достаточно подготовленным, тот истолкует его правильно; и тогда вскоре предстанет другой образ, который в противоположность означенному «Малому Стражу» можно назвать «Великим Стражем порога». Последний указывает духовному ученику, что он не должен останавливаться на этой ступени, а энергично работать дальше. Он вызывает в наблюдателе сознание, что завоеванный им мир только тогда станет истиной и не превратится в иллюзию, если он будет надлежащим образом продолжать свою работу дальше. Но если бы кто-нибудь вследствие неправильного духовного обучения подошел к этому переживанию неподготовленным, то при приближении к «Великому Стражу порога» ему проникло бы в душу нечто такое, что можно сравнить только с «чувством безмерного ужаса», «безграничного страха».

Как встреча с «Малым Стражем порога» дает духовному ученику возможность проверить себя, огражден ли он от заблуждений, могущих возникнуть благодаря внесению им своего существа в сверхчувственный мир, так на переживаниях, приводящих его, наконец, к «Великому Стражу порога», он может проверить, в состоянии ли победить заблуждения, отнесенные выше ко второму источнику. Если он в состоянии оказать противодействие той могучей иллюзии, которая обманчиво представляет ему завоеванный мир образов как богатое достояние, тогда как он сам только пленник, то в дальнейшем ходе своего развития он будет огражден от опасности принять видение за действительность.

«Страж порога» для каждого отдельного человека принимает до известной степени индивидуальный облик. Встреча с ним соответствует как раз тому переживанию, благодаря которому преодолевается личный характер сверхчувственных наблюдений и дается возможность вступить в область переживаний, свободных от личной окраски и имеющих значение для каждого человеческого существа.

Когда духовный ученик прошел через указанные переживания, он бывает в состоянии различать в окружающем его душевно-духовном мире то, чем он является сам, от находящегося вне его. Тогда он убеждается в том, как необходимо понимание описанного в этой книге мирового процесса для того, чтобы понимать самого человека и его жизнь. Физическое тело можно понять ведь только тогда, когда известно, как оно созидалось во время развития Сатурна, Солнца, Луны и Земли. Эфирное тело можно понять, если проследить его образование во время развития Солнца, Луны и Земли. А то, что связано с теперешним развитием Земли, становится понятным, когда известно, как оно постепенно развертывалось и слагалось. Благодаря духовному обучению мы оказываемся в состоянии познать связь всего, что находится в человеке, с соответствующими фактами и существами лежащего вне его мира. Ибо дело обстоит так,

что каждый член человека находится в известном отношении ко всему остальному миру. В этой книге возможно было указать на это лишь в самых кратких чертах. Но вспомним, что, например, физическое тело человека во время развития Сатурна существовало лишь в самых первых зачатках. Его органы: сердце, легкие, мозг образовались из первых зачатков позднее — в период Солнца, Луны и Земли. Таким образом, сердце, легкие и т. д. находятся в известных отношениях к развитию Солнца, Луны и Земли. То же относится и к членам тела эфирного, тела ощущающего, души ощущающей и т. д. Человек развился из окружающего его теснейшим образом мира, и каждая присущая ему частность отвечает какому-нибудь процессу или существу внешнего мира. На соответственной ступени своего развития духовный ученик приходит к постижению этой связи своего собственного существа с великим миром. И эту ступень познания можно назвать постижением соответствия «малого мира», микрокосма, т. д. самого человека, с «великим миром», макрокосмом. Когда духовный ученик достигнет такого познания, для него может наступить новое переживание. Он начнет чувствовать себя как бы сросшимся со всем мирозданием, хотя и ощущает свою полную самостоятельность. Это есть ощущение растворения во всем мире, слияния с ним, но без потери собственного существа. Эту ступень развития можно обозначить, как «слияние с макрокосмом». При этом очень важно, чтобы мы не представляли себе это слияние таким образом, как если бы благодаря ему прекращалось единичное сознание и человеческое существо изливалось во вселенную. Подобная мысль была бы порождением лишь недостаточно проработанной способности суждения. Отдельные ступени высшего познания в духе описанного здесь процесса посвящения могут быть обозначены следующим образом:

1. Изучение духовной науки, при котором человек пользуется сначала способностью суждения, приобретенной в физически-чувственном мире.
2. Достижение имажинативного познания.
3. Чтение сокровенного письма (отвечающее инспирации).
4. Вживание в духовное окружение (отвечающее интуиции).
5. Познание соотношений между микрокосмом и макрокосмом.
6. Слияние с макрокосмом.
7. Блаженство в Боге*

* В издании 1925 г. Р. Штейнер обозначил эту ступень развития как «Совокупное переживание прежних опытов как основное настроение души».

Но не следует представлять себе эти ступени таким образом, будто человек проходит их последовательно одну за другой. Обучение может, напротив, протекать так, что, в зависимости от индивидуальности духовного ученика, предшествующая ступень может оказаться пройденной им лишь частично, когда он начинает делать упражнения, отвечающие следующей ступени. Иногда может оказаться, например, вполне полезным, чтобы, овладев сначала основательно несколькими имажинациями, ученик начал в то же время делать упражнения, вводящие в круг его переживания инспирацию, интуицию или познание связи микрокосма с макрокосмом.

Когда духовный ученик достиг переживания интуиции, он не только знает образы душевно-духовного мира и может прочесть их соотношения в «сокровенном письме», но и приходит к познанию самих существ, создающих своим взаимодействием мир, к которому принадлежит человек. И благодаря этому он познает самого себя в том облике, который присущ ему как духовному существу в душевно-духовном мире. Он пробился к

восприятию своего высшего «Я» и понял, как ему надо работать дальше, чтобы приобрести господство над своим «двойником» — «Стражем порога». Но у него была также встреча и с «Великим Стражем порога», который стоит перед ним как постоянный призыв работать дальше. Этот «Великий Страж порога» становится для него прообразом и целью его устремления. Возникновение этого ощущения в духовном ученике дает ему возможность познать, кто, собственно, стоит перед ним как «Великий Страж порога». Отныне этот Страж в восприятии духовного ученика превращается в образ Христа, о существовании которого и участии в развитии Земли было сказано в предыдущих главах этой книги. И таким образом духовный ученик посвящается в ту возвышенную тайну, которая связана с именем Христа. Христос предстает ему как «великий земной прообраз человека». Когда человек познал таким путем через интуицию в духовном мире Христа, ему становится понятным и то, что совершилось на Земле как историческое событие в четвертый послееатлантический период земного развития (в греко-латинскую эпоху), каким образом в этот период вступило в земное развитие высокое солнечное существо — существо Христа, и как оно продолжает действовать в этом земном развитии. Это становится для духовного ученика лично пережитым знанием. Итак, для духовного ученика через интуицию раскрывается смысл и значение земного развития.

Описанный здесь путь к познанию сверхчувственных миров таков, что ему может следовать каждый человек, в каком бы жизненном положении он ни находился в современных условиях. Когда заходит речь о таком пути, нужно принять во внимание, что цель познания и истины во все времена земного развития одна и та же, но что исходные точки для человека в различные времена были различны. В настоящее время, желая вступить на путь, ведущий в сверхчувственные области, человек не может исходить из той же исходной точки, как, например, древний египтянин, искавший посвящения. Поэтому упражнения, которые возлагались на духовного ученика в Древнем Египте, не могут быть выполнены современным человеком без оговорок. С того времени человеческие души прошли через различные воплощения; и это движение вперед от воплощения к воплощению не лишено смысла и значения. Способности и свойства души меняются от воплощения к воплощению. Бросив хотя бы поверхностный взгляд на историческую жизнь человечества, можно заметить, что, начиная с двенадцатого и тринадцатого столетий по Р.Х., все жизненные условия изменились по сравнению с прошлым, все взгляды, чувства, а также и способности людей стали иными, чем прежде. Описанный здесь путь к высшему познанию таков, что он пригоден для воплощающихся непосредственно в наше время душ. Он таков, что полагает начало духовного развития с того места, на котором находится в настоящее время человек, поставленный в известные, предписанные ему современностью жизненные условия. Как меняет свои облики внешняя жизнь, так и относительно путей высшего познания поступательное развитие человечества ведет от эпохи к эпохе к непрестанно новым формам. И в каждую эпоху должно господствовать совершенное созвучие между внешней жизнью и посвящением.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Нельзя ничего познать в смысле духовной науки о настоящем и будущем развитии мира и человека, не поняв прошлого этого развития. Ибо то, что представляется восприятию духовного исследователя, когда он наблюдает скрытые факты прошлого,

заключает в себе одновременно все то, что он может знать о настоящем и будущем. В этой книге говорилось о развитии Сатурна, Солнца, Луны и Земли. В духовнонаучном смысле нельзя понять развития Земли, не приняв во внимание предыдущих периодов развития. Ибо во всем, что человек встречает в настоящее время в земном мире, кроются в известном отношении факты лунного, солнечного и сатурнического развития. Существа и вещи, участвовавшие в развитии Луны, продолжали затем развиваться дальше. Из них образовалось все то, что принадлежит в настоящее время к Земле. Но физически-чувственное сознание воспринимает не все, что перешло на Землю из лунного развития. Часть того, что перешло из лунного развития, раскрывается лишь на известной ступени сверхчувственного сознания. Когда это познание достигнуто, наш земной мир оказывается для него связанным с сверхчувственным миром. Последний содержит в себе ту часть лунного бытия, которая не уплотнилась до физически-чувственного восприятия. Он содержит ее сначала такой, какова она в *настоящее время*, а не такой, как она была во время древнего лунного развития. Но сверхчувственное сознание может вызвать картину прежнего ее состояния. А именно, когда сверхчувственное сознание углубляется в доступное ему в настоящее время восприятие, то оказывается, что оно само собой постепенно разлагается на *две* картины. Одна из них представляется тем образом, какой имела Земля во время своего лунного развития. Другая же такова, что по ней можно узнать: вот в ней содержится образ, который находится еще в зачаточном состоянии и только в будущем станет действительным в том смысле, в каком теперь действительна Земля. При дальнейшем наблюдении обнаруживается, что в эту будущую форму постоянно вливается нечто, оказывающееся в известном смысле результатом того, что совершается на Земле. Поэтому в этой будущей форме мы имеем перед собой то, что должно возникнуть из нашей Земли. Результаты земного бытия соединятся с тем, что совершается в этом зачаточном мире, и из этого произойдет новое мировое существо, в которое превратится Земля подобно тому, как Луна превратилась в Землю. Этот образ будущего можно назвать состоянием Юпитера. Для того, кто будет сверхчувственно наблюдать это состояние Юпитера, обнаружится, что в будущем *должны* будут иметь место известные события, ибо в сверхчувственной части земного мира, происходящей с Луны, имеются существа и вещи, которые примут определенные формы после того, как в физически-чувственной Земле совершится то или иное. Поэтому в состоянии Юпитера будет нечто такое, что уже предопределено развитием Луны; и в нем будет нечто новое, что присоединится к общему развитию лишь благодаря событиям Земли. Вследствие этого сверхчувственное сознание может получить некоторые знания о том, что произойдет во время развития Юпитера. Существом и фактам, наблюдаемым в этом поле сознания, неприсущ характер чувственно-образного; они не выступают даже как тонкие воздушные образования, от которых могли бы исходить действия, напоминающие впечатления внешних чувств. От них мы получаем чисто духовные звуковые, световые и тепловые впечатления. Они *не* выражаются ни в каких материальных воплощениях. Они могут быть восприняты только сверхчувственным сознанием. Тем не менее можно сказать, что у этих существ есть «тело». Но это тело проявляется в их душевной сущности, в которой они и обнаруживаются теперь как сумма *уплотненных воспоминаний*, которые они несут в себе в своей душевной сущности. В их существе можно различать то, что они *теперь* переживают, и то, что они пережили и о чем вспоминают. Это последнее содержится в них как нечто телесное. Они переживают его, как земной человек переживает свое тело.

На более высокой ступени сверхчувственного созерцания, чем была только что признана необходимой для познания Луны и Юпитера, становятся доступными восприятию сверхчувственные существа и вещи, которые являются более развитыми образами того, что уже существовало во время солнечного состояния, но в настоящее время живет на столь высоких ступенях бытия, что они вовсе не существуют для сознания, достигшего лишь восприятия лунных форм. Образ этого мира при внутреннем погружении расщепляется опять-таки надвое. Один из них ведет к познанию состояния Солнца в прошлом; другой представляет будущую форму Земли, а именно ту, в которую превратится Земля, когда в образы этого мира вольются результаты событий Земли и Юпитера. То, что наблюдается таким образом из этого будущего мира, может быть обозначено в смысле духовной науки как состояние Венеры. Подобным же образом для еще более высокого сверхчувственного сознания раскрывается будущее состояние развития, которое можно обозначить как состояние Вулкана и которое находится в таком же отношении к Сатурну, в каком состояние Венеры находится к Солнцу, а состояние Юпитера — к развитию Луны. Таким образом, при рассмотрении прошлого, настоящего и будущего развития Земли можно говорить о развитии Сатурна, Солнца, Луны, Земли, Юпитера, Венеры и Вулкана. Таким же образом, как эти обширные условия земного развития, раскрываются для сознания и наблюдения над ближайшим будущим. *Каждому* образу прошлого соответствует образ будущего. Однако когда речь идет о подобных вещах, нужно подчеркнуть одну сторону этого вопроса, которую должно иметь *как можно больше* в виду. Если мы хотим познать что-либо о подобных вещах, необходимо совершенно отказаться от взгляда, будто можно прийти к каким-нибудь заключениям о них путем чисто философского размышления, обращенного на воспринимаемую чувственным образом действительность. Эти вещи никогда нельзя и не следует исследовать путем такого размышления. Если кто-нибудь, узнав из духовной науки о характере лунного состояния, подумает, что он путем размышления и сопоставления земных и лунных условий, сможет сделать заключение о том, каковы будут условия на Юпитере, то впадет в жестокую ошибку. *Исследовать* эти условия можно только восходя к наблюдению их сверхчувственным сознанием. Но будучи сообщено, исследованное становится понятным и без сверхчувственного сознания.

Относительно сообщений о будущем духовный исследователь находится в ином положении, чем относительно сообщений о прошлом. *Первоначально* человек отнюдь *не может* относиться к событиям будущего столь же непредвзято, как это возможно для него по отношению к прошлому. События будущего возбуждают чувство и волю человека; прошлое переживается совершенно иначе. Кто наблюдает жизнь, тому известно, в какой степени это применимо даже к обычной жизни. Но как безмерно это усиливается и какие принимает формы по отношению к сокрытым фактам жизни, — об этом может судить только тот, кому известны некоторые условия сверхчувственных миров. И в этом причина, почему познания об этих вещах ограничены совершенно определенными пределами.

Так же, как можно изобразить великое мировое развитие в последовательности его состояний от времен Сатурна и до Вулкана, можно это сделать и для меньших периодов времени, например, для периода развития Земли. Со времени могучего переворота, который положил конец древней атлантической жизни, в развитии человечества следовали одно за другим состояния, которые были обозначены в этой книге как эпохи древнеиндийская, древнеперсидская, египетско-халдейская и греко-латинская. *Пятый* период — это тот, в котором человечество находится *в настоящее время*. Этот период

постепенно начался в пределах двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого веков по Р.Х. после того, как он подготовлялся с четвертого и пятого. Вполне отчетливо он наступил в конце пятнадцатого столетия. Предыдущий, греко-латинский, период начался приблизительно в восьмом веке до Р.Х. В конце первой трети этого периода произошло событие Христа. Душевный склад человека, все человеческие способности изменились при переходе от египетско-халдейского к греко-латинскому периоду. В первом не существовало еще того, что мы знаем теперь как логическое размышление, как рассудочное понимание мира. То, что человек усваивает себе теперь посредством рассудка как познание, он получал в отвечавшей тому времени форме: непосредственно путем внутреннего, в известном отношении сверхчувственного знания. Человек воспринимал вещи, и в то время, как он их воспринимал, в душе всплывало понятие, образ, который душе надлежало иметь от них. Но при таком характере познавательной силы не только всплывают образы чувственно-физического мира, но из глубин души поднимается еще и известное познание нечувственных фактов и существ. Это был остаток древнего сумеречного сознания, бывшего некогда общим достоянием всего человечества. В греко-латинскую эпоху появлялось все больше людей, у которых отсутствовали такие способности. Вместо них возникло рассудочное размышление о вещах. Эти люди все более удалялись от непосредственного грезящего (träumerisch) восприятия духовно-душевного мира и им все более приходилось ограничиваться тем, что они создавали себе образ этого мира при помощи своего рассудка и чувства. Это состояние продолжалось в известном отношении в течение всего четвертого периода послеатлантической эпохи. Только те из людей, кто сохранил в себе как наследие древний душевный склад, могли еще непосредственно принимать в свое сознание духовный мир. Но эти люди были отсталыми потомками более древних времен. Характер их познания уже не был более пригоден для нового времени. Ибо из законов развития следует, что прежние душевные способности теряют свое полное значение, когда наступают новые. Человеческая жизнь приспособляется тогда к этим новым способностям. И ей нечего больше делать со старыми. Но были и такие люди, которые начали совершенно сознательно развивать в себе, в придачу к уже достигнутым силам рассудка и чувства, иные, высшие силы, дававшие им снова возможность проникнуть в духовно-душевный мир. Они должны были приступить к этому иначе, чем это имело место у учеников древних посвященных. Последним еще не нужно было считаться с душевными способностями, развившимися лишь в четвертом периоде. В четвертом периоде возникли первые зачатки того рода духовного обучения, которое было описано в этой книге, как свойственное настоящему времени. Но оно было тогда еще именно в зачатке; настоящую законченность оно могло получить лишь в пятом периоде (начиная с двенадцатого, тринадцатого и особенно с пятнадцатого столетия). Людям, которые стремились таким путем подняться в сверхчувственные миры, становились доступными через их собственную имагинацию, инспирацию и интуицию некоторые познания о высших формах бытия. Те же, кто остались при развитых способностях рассудка и чувства, могли узнавать о том, что было известно древнему ясновидению, только путем предания, передававшегося от поколения к поколению устно или письменно.

О том, что составляет подлинную сущность события Христа, позднейшие потомки, если они не поднимались в сверхчувственные миры, также могли узнавать путем такого предания. Но существовали, конечно, и такие посвященные, которые еще обладали природной способностью для восприятия сверхчувственного мира и которым через развитие этих способностей все же удавалось подняться в высший мир, хотя они и не

пользовались новыми силами рассудка и характера. Они создавали переход от древнего рода посвящения к новому. Такие личности встречались еще и в последующие времена. Существенная черта четвертого периода состояла именно в том, что благодаря оторванности души от непосредственного общения с душевно-духовным миром человек укреплялся и утверждался в силах своего рассудка и чувства. Души, воплощавшиеся тогда таким образом, что они развивали в высокой мере силы рассудка и чувства, переносили затем плоды этого развития в свои воплощения в пятом периоде. В возмещение этой оторванности существовали тогда великие предания о древних сокровищах мудрости, в особенности о событии Христа, которые в силу своего содержания давали душам доверительное знание о высших мирах. Но всегда существовали и такие люди, которые развивали в себе в придачу к способностям рассудка и чувства высшие познавательные силы. Их задачей было постижение путем непосредственного сверхчувственного опыта фактов высшего мира и в особенности тайны события Христа. От них переливалось всегда в души других людей столько знания, сколько этим душам было понятно и нужно. Первое распространение христианства должно было, соответственно смыслу земного развития, прийти как раз на такое время, когда у большей части человечества не были развиты сверхчувственные познавательные силы. Поэтому и была тогда так могущественна сила предания. Требовалась величайшая сила, чтобы вызвать доверие к сверхчувственному миру у людей, которые сами не могли заглянуть в этот мир. Но почти всегда (если не считать короткого промежутка в тринадцатом веке) были и такие люди, которые путем имажинации, инспирации и интуиции могли подниматься в высшие миры. Эти люди являются после Р. Х. преемниками древних посвященных, руководителей и участников мистерий. Их задачей было при помощи своих собственных способностей снова познать то, что некогда было возможно постичь через древние мистерии, и присоединить к этому познание о сущности события Христа.

Так возникло у этих «новых посвященных» познание, охватывавшее все то, что было предметом древнего посвящения; но в центре этого познания сияло высшее знание о тайнах события Христа. Такое познание могло лишь в незначительной степени вливаться в общую жизнь, так как человеческие души должны были в четвертом периоде укреплять способности рассудка и чувства. Поэтому в этот период оно было весьма «сокровенным знанием». Затем наступил новый период, который можно обозначить как пятый. Сущность его заключается в том, что развитие рассудочных способностей продолжалось дальше и достигло могущественного расцвета; им предстоит еще дальнейший рост и в будущем. Медленно подготовлялось это развитие с двенадцатого и тринадцатого веков, чтобы затем все более и более ускорить свой ход, начиная с шестнадцатого века и до наших дней. Под этими влияниями развитие пятого периода все больше усваивало себе стремление вырабатывать рассудочные силы, между тем как доверительное, полученное путем предания знание прежних времен все больше утрачивало власть над человеческой душой. Но зато в это же время начало также развиваться и то, что может быть названо все более усиливающимся притоком в человеческие души познаний сверхчувственного сознания нового времени. «Сокровенное знание» вливается, хотя и очень незаметно вначале, в образ представления людей этого периода. Вполне понятно, что вплоть до нашего времени силы рассудка отклоняют эти познания. Однако то, что должно произойти, произойдет, невзирая на это временное отклонение. «Сокровенное знание», которое в этом смысле охватывает человечество и будет охватывать его все больше, может быть названо согласно известному символу, познанием о «Граале». Кто сумеет

понять этот символ, как он дан в сказаниях и легендах, в его более глубоком значении, найдет, что он глубоко символизирует сущность того, что выше было названо познанием нового посвящения, сосредоточенным вокруг тайны Христа. Поэтому посвященные нового времени могут быть также названы «посвященными Грааля». К «науке о Граале» ведет путь в сверхчувственные миры, первые ступени которого были описаны в этой книге. Это познание обладает той особенностью, что его факты можно *исследовать* только при помощи тех средств, которые были охарактеризованы в этой книге. Но будучи исследованы, они могут быть поняты как раз теми душевными силами, которые развились в пятом периоде. Более того, с течением времени выяснится окончательно, что эти силы будут все в большей степени находить удовлетворение в этих познаниях. Мы живем теперь в такое время, когда эти познания должны сильнее восприниматься общим сознанием, чем это было доселе. И эта книга стремится дать свои сообщения именно с этой точки зрения. В той мере, в какой развитие человечества впитает в себя познания Грааля, импульс, данный событием Христа, будет становиться все значительнее. К внешней стороне христианского развития будет все больше присоединяться *внутренняя*. То, что путем имагинации, инспирации и интуиции может быть узнано о высших мирах в связи с тайной Христа, будет все больше проникать жизнь представления, чувства и воли людей. «Сокровенное знание о Граале» станет явным; как внутренняя сила оно все более будет пронизывать жизненные проявления людей.

В течение всего пятого периода познания о сверхчувственных мирах будут вливаться в человеческое сознание; и, когда наступит шестой, человечество сможет снова на высшей ступени вступить в обладание тем, чем оно обладало в более ранние времена в еще сумеречной форме нечувственного созерцания. Однако это новое достояние будет иметь совершенно иную форму, чем прежде. То, что душа знала в древние времена о высших мирах, не было проникнуто в ней ее собственной силой рассудка и чувства. Она знала это как данное свыше. В будущем она не только будет иметь это как данное свыше, но и будет понимать это данное свыше и ощущать как нечто причастное ее собственной сущности. Когда у нее будет познание о том или ином существе или предмете, то рассудок сумеет обосновать это познание и в собственном своем существе; когда же явится другое познание, касающееся какого-нибудь нравственного веления или человеческого поведения, то душа скажет себе: мое чувство только тогда находит оправдание перед самим собой, когда я не только познаю, но и осуществляю то, что отвечает духу этого познания. Такой душевный строй должен выработаться у достаточного числа людей шестого периода. В пятом периоде повторяется в известном смысле то, что внес в развитие человечества третий, египетско-халдейский период. Тогда душа воспринимала еще известные факты сверхчувственного мира. Но восприятие этого мира начинало уже утрачиваться, ибо силы рассудка уже готовились вступить в развитие; а им надлежало на время отделить человека от высшего мира. В пятом периоде сверхчувственные факты, созерцавшиеся в третьем через сумеречное сознание, снова станут зримы для человека, но теперь уже будут проникнуты силами его рассудка и личного чувства. Они будут проникнуты еще и тем, что может стать достоянием души через познание тайны Христа. Поэтому они примут совершенно иную форму, чем имели прежде. Если в древние времена впечатления сверхчувственных миров ощущались как силы, изгонявшие человека из духовного внешнего мира, в котором он не был дома, то в новые времена эти впечатления, благодаря пройденному развитию будут ощущаться, как исходящие из мира, в который человек вырастает, в котором он все более и более чувствует себя как дома. Не следует думать, будто

повторение египетско-халдейской культуры последует так, что душа будет воспринимать опять то же самое, что существовало тогда и что перешло из тех времен по преданию. Верно понятый импульс Христа действует в том смысле, что воспринявшая его человеческая душа чувствует и познает себя и действует как член духовного мира, вне которого она пребывала прежде. Нечто подобное тому, как в пятом периоде снова оживает таким образом третий, чтобы проникнуться в человеческих душах тем совершенно новым, что принес четвертый, произойдет в шестом периоде относительно второго, а в седьмом — относительно первого, древне-индийского. Вся чудесная мудрость древней Индии, которую могли возвещать тогдашние великие учителя, сможет снова воскреснуть как жизненная правда человеческих душ в седьмом периоде.

Тем временем и в земных вещах, лежащих вне человека, происходят изменения, находящиеся в известной связи с развитием самого человечества. По истечении седьмого периода Землю постигнет переворот, сравнимый с тем, который отделяет атлантическую эпоху от послееатлантической. А изменившиеся после этого переворота земные условия будут продолжать развиваться дальше в течение семи новых периодов времени. Человеческие души, которые будут тогда воплощаться, станут переживать на более высокой ступени то же общение с высшим миром, которое атланты переживали на более низкой. Но на высоте новых земных условий окажутся только те люди, которые воплотят в себе души, переработавшие в себе все влияния греко-латинского и следующих за ним пятого, шестого и седьмого периодов послееатлантического развития. Внутренний мир таких душ будет отвечать тому развитию, которое было доселе пройдено Землей. Остальные души *вынуждены* будут тогда отстать, между тем как раньше от них самих зависело создать себе условия, чтобы идти наравне с развитием. Зрелыми для тех условий, которые наступят после будущего великого переворота, окажутся те души, которые именно при переходе из пятого в шестой послееатлантический период создадут себе возможность пронизать сверхчувственные познания силами рассудка и чувства. Пятый и шестой периоды являются в известном смысле решающими. Души, достигшие в шестом периоде поставленной им цели, в седьмом будут соответственно продолжать развиваться дальше; для прочих же, при изменившихся условиях окружающего мира, будет мало возможности нагнать упущенное. Лишь в более отдаленном будущем снова наступят условия, при которых это станет возможно. Так идет развитие от эпохи к эпохе. *Сверхчувственное* познание наблюдает не только такие изменения в будущем, в которых участвует одна лишь Земля, но и такие, которые происходят при взаимодействии ее с окружающими небесными телами. Настанет время, когда достигнутая Землей и человечеством высокая степень развития позволит силам и существам, которые вынуждены были отделиться от Земли во время лемурийского периода, чтобы сделать возможным дальнейшее развитие земных существ, снова соединиться с Землей. Луна тогда опять соединится с Землей. Это произойдет благодаря тому, что тогда будет достаточно человеческих душ, наделенных такой внутренней силой, что они смогут сделать эти лунные силы плодотворными для дальнейшего развития. Это совершится в такое время, когда наряду с высоким развитием, которого достигнет известное количество человеческих душ, будет существовать и другое, направленное в сторону зла. Оставшиеся души накопят в своей карме так много заблуждений, безобразия и зла, что они образуют первоначально особое сообщество злых и заблудших, резко направленное против общины добрых людей.

Доброе человечество в своем развитии научится пользоваться лунными силами и сможет благодаря этому так преобразить злую часть людей, что она получит

возможность участвовать в дальнейшем развитии как особое земное царство. Благодаря работе доброго человечества Земля, соединенная в тогда с Луной, будет в состоянии после известного периода развития снова соединиться с Солнцем (а также и с другими планетами). И после некоторого промежутка, который представляется как бы пребыванием в высшем мире, Земля перейдет в состояние Юпитера. В этом состоянии не будет того, что называется теперь минеральным царством; силы минерального царства превратятся в растительные. Растительное царство, которое по сравнению с теперешним будет иметь совсем новую форму, является во время состояния Юпитера низшим из царств. Сверху к нему примыкает животное царство, тоже измененное; за ним следует царство людей, которые оказываются преемниками возникшей на Земле злой общины. И затем, как царство людей на более высокой ступени, потомки общины добрых людей на Земле. Главная часть работы этого человеческого царства состоит в облагораживании впавших в злую общину душ, чтобы они могли еще получить доступ к собственно человеческому. Во время состояния Венеры не будет и растительного царства; низшим царством будет тогда опять изменившееся животное царство; над ним будут возвышаться три человеческих царства различных степеней совершенства. Во время этого состояния Венеры Земля остается в соединении с Солнцем; между тем как во время Юпитера развитие протекает так, что в известный момент Солнце еще раз отделяется от «Юпитера» и он воспринимает его воздействие извне. Затем опять происходит соединение Солнца и Юпитера, и процесс превращения постепенно приводит к состоянию Венеры. Во время последнего от «Венеры» отщепляется особое мировое тело, содержащее в себе всех существ, противившихся развитию; это как бы «неисправимая Луна». Ей предстоит дальше такое развитие, для которого нельзя найти никакого выражения, так оно непохоже на все, что может пережить человек на Земле. Развившееся же человечество движется дальше в совершенно одухотворенном бытии навстречу состоянию Вулкана, описание которого лежит вне рамок этой книги.

Отсюда видно, что из «познания Грааля» вытекает высочайший идеал человеческого развития, какой только мыслим для человека: одухотворение, достигаемое человеком путем его собственной работы. Ибо это одухотворение является в конце концов результатом устанавливаемой им в пятом и шестом периодах теперешнего развития гармонии между приобретенными уже силами рассудка и чувства и познаниями сверхчувственных миров. То, что он вырабатывает таким образом внутри своей души, должно под конец само стать внешним миром. Дух человека поднимается к величественным впечатлениям окружающего его внешнего мира и сперва предчувствует, а затем познает стоящих за этими впечатлениями духовных существ; сердце человека ощущает бесконечное величие этого духовного мира. Но человек может также познать, что его внутренние умственные, связанные с чувством и характером переживания являются зачатками находящегося в становлении духовного мира.

Кто полагает, что человеческая свобода несовместима с предвидением и предопределенностью будущего хода, тот пусть примет во внимание, что свобода действия человека в будущем столь же мало терпит ущерба от того, как сложатся предопределенные заранее вещи, как она не терпит ущерба, например, от его решения через год поселиться в доме, план которого он устанавливает теперь. И в этом доме, который он себе построит, он будет свободен как раз в той степени, в какой он может быть свободен по своей внутренней сущности; так и на Юпитере и Венере он будет свободен в той мере, которая будет отвечать его внутреннему состоянию в тех именно

условиях, которые там установятся. Свобода будет зависеть не от того, что предопределено предшествовавшими условиями, а от того, что сделала из себя душа.

В состоянии Земли содержится то, что развилось во время предшествовавших состояний Сатурна, Солнца и Луны. Земной человек усматривает «мудрость» в совершающихся вокруг него процессах. Эта мудрость содержится в них как результат того, что произошло прежде. Земля преемница «древней Луны». Последняя со всем, что принадлежало к ней, развилась в «Космос Мудрости». Земля являет собой начало нового развития, благодаря которому в эту мудрость должна будет влиться новая сила. Она приводит человека к тому, что он начинает чувствовать себя самостоятельным членом духовного мира. Это происходит оттого, что в течение земного периода «Духи Формы» так слагают его «Я», как на Сатурне «Духи Воли» слагали его физическое тело, на Солнце «Духи Мудрости» — его жизненное тело, а на Луне «Духи Движения» — его астральное тело. Благодаря взаимодействию Духов Воли, Мудрости и Движения возникает то, что раскрывается как мудрость. Благодаря работе этих трех категорий духов земные существа и процессы могут согласоваться в мудрой гармонии с другими существами своего мира. Через «Духов Формы» человек получает свое самостоятельное «Я». Благодаря силе, которая присоединится к мудрости во время земного состояния, это «Я» будет в будущем находиться в гармонии с существами Земли, Юпитера, Венеры и Вулкана. Это есть сила *любви*. Эта сила любви должна получить начало в человеке Земли. И «Космос Мудрости» развивается в «Космос Любви». Из всего того, что может развернуть в себе «Я», должна возникнуть *любовь*. Как всеобъемлющий «прообраз любви», является в своем откровении высокое солнечное существо, на которое можно было указать при описании развития импульса Христа. В сокровеннейшее ядро человеческого существа был погружен тем самым зародыш любви. И оттуда он должен излиться во все развитие. Как в силах внешнего чувственного мира Земли, в современных «силах природы» проявляется развившаяся раньше мудрость, так в будущем во всех явлениях будет проявляться сама любовь как новая природная сила. Тайна всего развития на будущие Бремена заключается в том, что познание и все то, что совершает человек из истинного понимания развития, есть *посев*, который должен созреть как *любовь*. И сколько порождается силы любви, столько создается и творческого для будущих времен. В том, что возникнет из любви, будут заложены великие силы, ведущие к вышеописанному конечному итогу, к одухотворению. И сколько духовного познания вольется в развитие человечества и Земли, столько будет жизнеспособных зачатков для будущих времен. Духовное познание через то, *что оно есть*, превращается в любовь. Весь описанный процесс, начиная с греко-латинского периода и вплоть до настоящего времени, показывает, как должно идти это превращение и развитию чего на будущие времена было положено *начало*. То, что подготовлялось как мудрость в течение периодов Сатурна, Солнца и Луны, действует в физическом, эфирном и астральном телах человека; и оно представляется как «мудрость мира»; но в «Я» оно становится внутренней. Начиная с состояния Земли, «мудрость внешнего мира» становится внутренней мудростью в человеке. И ставши в нем внутренней, она становится зародышем *любви*. Мудрость есть условие любви. Любовь есть плод возрожденной в «Я» мудрости.

Тот, кого предшествующие изложения могли бы склонить к мнению, что описанное развитие несет отпечаток фатальности, понял бы его неверно. Тот, кто подумал бы, что при подобном развитии определенное число людей обречено принадлежать царству

«злых людей», — тот не видит, каким образом устанавливается в этом развитии взаимное отношении чувственно-воспринимаемого, и душевно-духовного. И чувственно-воспринимаемое, и душевно-духовное в пределах определенных границ образуют отдельные течения развития. Силы, свойственные чувственно-воспринимаемому течению, дают формы «злого человечества». Необходимость человеческой души воплощается в одной из таких форм возникает лишь в том случае, когда условия к этому созданы самой этой душой человека. Могло бы случиться и так, что формы, возникшие из сил чувственно-воспринимаемого, не нашли бы никаких душ, происходящих из прежних времен, ибо последние были бы слишком добры для подобных тел. Тогда эти формы должны были бы быть одушевлены из вселенной иным путем, но не человеческими душами прежних времен. Охарактеризованные формы будут оживлены человеческими душами лишь в том случае, когда они подготовили бы себя к подобному воплощению. В этой области сверхчувственному познанию надлежит сказать лишь то, что оно созерцает; что в намечающемся будущем будут существовать два человеческих царства — доброе и злое, а вовсе не то, что оно, исходя из состояния человеческих душ настоящего времени, *рассудочно заключало бы* о наступающем как бы по природной необходимости будущем. Развитие человеческих душ и развитие судеб душ сверхчувственное знание должно искать на двух совершенно отдельных путях; и смешивание обоих в мирозерцании явилось бы пережитком материалистического образа мышления, который, будь он в наличии, сомнительно выделялся бы в науке о сверхчувственном.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЧАСТНОСТИ ИЗ ОБЛАСТИ ДУХОВНОЙ НАУКИ

Эфирное тело человека

Когда наблюдают высшие члены человека путем сверхчувственного восприятия, это восприятие никогда не бывает совершенно сходно с получаемым через внешние чувства. Когда человек прикасается к какому-нибудь предмету и получает от него ощущение тепла, то нужно различать между тем, что идет от предмета, как бы изливается из него, и тем, что переживается в душе. Внутреннее душевное переживание теплового ощущения есть нечто совсем иное, чем притекающая от предмета теплота. Представим себе это душевное переживание обособленно в душе, без внешнего предмета. Представим себе душевное переживание теплового ощущения, без всякого побуждения со стороны внешнего физического предмета. Такое переживание, просто, *без* всякого внешнего повода, было бы воображением. Духовный ученик переживает подобные внутренние восприятия без физического побуждения, прежде всего — без побуждения со стороны собственного тела. Но на известной ступени развития они наступают таким образом, что он бывает в состоянии знать (и притом, как было указано, через само переживание), что внутреннее восприятие не есть воображение, но что оно точно так же вызывается духовно-душевным существом сверхчувственного внешнего мира, как, например, обычное тепловое ощущение — внешним физическим чувственным предметом. То же самое относится и к цветовым восприятиям. Здесь необходимо различать между цветом,

присущим внешнему предмету, и внутренним ощущением цвета в душе. Вызовем в себе внутреннее ощущение, которое испытывает душа, когда она воспринимает *красный* предмет физически-чувственного внешнего мира. Представим себе, что мы сохраняем очень живое воспоминание о впечатлении от предмета, от которого мы отвели наш взор. То, что остается тогда в памяти как представление о цвете, оживим в себе как внутреннее переживание. Мы увидим тогда различие между тем, что составляет внутреннее переживание цвета и внешним цветом. По содержанию эти внутренние переживания совершенно отличаются от внешних чувственных впечатлений. Они в гораздо большей степени ни, чем нормальное ощущение внешних чувств, несут в себе отпечаток того, что ощущается как страдание и радость. Теперь мысленно представим себе такое внутреннее переживание, возникшее в душе без всякого повода *со* стороны внешнего физически-чувственного предмета или *со* стороны воспоминания о таковом. Сверхчувственно познающий может иметь такое переживание. И в соответственном случае он может также знать, что это не воображение, а выражение душевно-духовного существа. Если это душевно-духовное существо вызывает то же самое впечатление, что и красный предмет чувственно-физического мира, то оно может быть названо красным. Но при чувственно-физическом предмете всегда сначала возникает внешнее впечатление, а затем внутреннее переживание цвета; при истинном же сверхчувственном переживании у современного человека это *должно* происходить наоборот: сначала внутреннее переживание, бледное, как простое воспоминание о цвете, а затем делающийся все более живым образ. И чем меньше мы принимаем во внимание, что процесс должен протекать именно так, тем меньше можем мы различать между действительным духовным восприятием и заблуждением, вызванным нашим воображением (иллюзией, галлюцинацией и т. д.). В какой степени образ становится живым при таком душевно-духовном восприятии, остается ли он совершенно бледным, как смутное представление, или действует ярко, как внешний предмет — это всецело зависит от развития сверхчувственно познающего. Общее впечатление, которое получает видящий от человеческого эфирного тела, можно описать в следующих словах: когда сверхчувственно познающий развил в себе такую силу воли, что, несмотря на стоящего перед ним физического человека, может отвлечь свое внимание от того, что видит физический глаз, то он бывает в состоянии созерцать сверхчувственным сознанием занимаемое физическим человеком пространство. Разумеется, необходима значительно большая сила воли, чтобы отвлечь свое внимание не только от того, о чем мы думаем, но и от того, что стоит перед нами, так чтобы физическое впечатление было совершенно погашено. Но такое усиление воли вполне возможно и наступает благодаря упражнениям, ведущим к сверхчувственному познанию. Тогда познающий таким образом может получить сначала общее впечатление эфирного тела. В его душе всплывает приблизительно такое же внутреннее цветовое ощущение, какое он получает при взгляде, например, на цветы персикового дерева; и это ощущение становится затем живым, так что он может сказать: эфирное тело имеет окраску цветов персикового дерева. Затем он воспринимает также и отдельные органы и течения эфирного тела. Но можно при описании эфирного тела приводить и другие переживания души, отвечающие ощущениям теплоты, впечатлениям звука и т. д. Ибо оно не есть *только* цветовое явление. В таком же духе можно описывать и астральное тело и другие члены человеческого существа. Приняв это в соображение, можно понять, в каком смысле нужно принимать описания, сделанные с духовнонаучной точки зрения. (Ср. с гл. «Сущность человечества»).

Астральный мир

Пока мы наблюдаем только физический мир, Земля, как место обитания человека, представляется нам обособленным мировым телом. Когда же сверхчувственное познание восходит к другим мирам, эта обособленность прекращается. Поэтому можно было сказать, что в имажинации одновременно с Землей воспринимается также и продолжавшее развиваться вплоть до настоящего времени лунное состояние. Мир, в который мы таким образом вступаем, таков, что к нему принадлежит не только сверхчувственное Земли, но в нем покоятся еще и другие мировые тела, физически обособленные от Земли. Познающий сверхчувственные миры наблюдает тогда не только сверхчувственное Земли, но *сначала* также и *сверхчувственное* других мировых тел. (У кого напрашивается вопрос: почему же сверхчувственно созерцающие не описывают, каково положение вещей на Марсе и т. д.? — пусть примет во внимание, что здесь речь идет прежде всего о наблюдении *сверхчувственного* других мировых тел. Вопросающий же имеет в виду физически-чувственные условия). Поэтому в этой книге могла быть речь о некоторых отношениях развития Земли к одновременному развитию Сатурна, Юпитера, Марса и т. д. Когда сон уносит астральное тело, то оно принадлежит не только к земным состояниям, но и к мирам, включающим в себя и другие мировые области (звездные миры). И эти миры воздействуют на астральное тело человека даже и во время состояния бодрствования. Поэтому название «астральное тело» является вполне правомерным.

О жизни человека после смерти

В этой книге говорилось о времени, в продолжение которого, после наступления смерти, астральное тело человека остается еще в соединении с эфирным телом. В течение этого времени остается постепенно бледнеющее воспоминание обо всей только что истекшей жизни. Это время для различных людей неодинаково. Оно зависит от того, как велика сила, которой астральное тело человека удерживает при себе эфирное тело, какую власть имеет оно над ним. Сверхчувственное познание может получить представление об этой власти, наблюдая человека, который, судя по степени его душевно-телесного состояния, в сущности должен был бы спать, но остается бодрствующим благодаря внутренней силе. И вот оказывается, что различные люди могут оставаться бодрствующими и не подпадать под власть сна в течение неодинакового времени. Сколько времени человек может оставаться бодрствующим в случае крайней необходимости, приблизительно столько же длится после смерти и воспоминание о только что истекшей жизни, т. е. связь с эфирным телом.

Когда после смерти эфирное тело отделилось от человека (ср. с гл. III), от него все-таки остается для всего позднейшего развития человека еще нечто, что можно обозначить как его экстракт или существенную часть (Essenz). Этот экстракт содержит в себе плоды истекшей жизни. И он носитель всего того, что слагается в течение духовного развития человека между смертью и новым рождением, как зачаток для следующей жизни (ср. с гл. «Сон и смерть»).

Длительность времени между смертью и новым рождением (ср. с гл. «Сон и смерть») определяется тем, что «Я» обыкновенно снова возвращается в физически-чувственный мир лишь тогда, когда последний успел за это время настолько измениться, что «Я» получает возможность пережить в нем нечто новое. Во время его пребывания в духовных областях Земля, как место обитания человека, изменяется. А это изменение связано с великими переменами во вселенной: с переменами в положении Земли по отношению к Солнцу и т. д. Но это такие перемены, в которых в связи с новыми условиями повторяются старые. Внешним образом это выражается в том, что, например, точка небосвода, в которой восходит солнце при начале весны, совершает в течение примерно 26.000 лет полный кругооборот. В течение этого времени точка весеннего равноденствия передвигается из одной области небесного свода в другую. По истечении двенадцатой части этого времени, то есть приблизительно через 2.100 лет, земные условия, оказываются настолько измененными, что человеческая душа может пережить на Земле нечто новое по сравнению с предыдущим воплощением. Но так как переживания человека различны в зависимости от того, воплощается ли он как женщина или как мужчина, то в указанный промежуток времени *обыкновенно* происходят два воплощения, одно мужское и одно женское. Однако это зависит и от того, каковы силы, которые человек уносит с собой через смерть из земного бытия. Поэтому все подобные указания следует принимать только в том смысле, что они имеют лишь общее значение; в частности же они могут являть самые различные изменения.

Длительность пребывания «Я» человека в духовном мире между смертью и новым рождением зависит от указанных соотношений во Вселенной лишь в одном отношении. В другом отношении это зависит от состояния развития, через которое проходит в это время человек. По истечении определенного времени эти состояния приводят «Я» к такому духовному строю, в котором духовное переживание не находит больше удовлетворения и который вызывает стремление к такой перемене сознания, когда удовлетворение может быть найдено в самоотражении через физическое переживание. Из взаимодействия этой внутренней жажды к воплощению и данной из Вселенной возможности найти соответствующую телесность следует вступление человека в земную жизнь. Поскольку оба условия должны действовать вместе, оно в одном случае следует, когда «жажда» еще даже не достигла своей высоты, но представилась возможность приблизительно подходящего воплощения; и в другом — когда «жажда» выступила за предел своей нормальной высоты, ибо к соответствующему времени не было никакой возможности для воплощения. С этими условиями связано общее жизненастроение, в котором находится человек в зависимости от свойств своего телесного существа.

Ход жизни человека

Жизнь человека, как она проявляется в последовательности состояний между рождением и смертью, можно вполне понять только приняв во внимание не одно лишь чувственно-физическое тело, но и те изменения, которые происходят со сверхчувственными членами человеческой природы. Эти изменения можно рассматривать следующим образом. Физическое рождение представляет собой высвобождение человека из физической материнской оболочки. Силы, которые до рождения были у человеческого зародыша общими с телом матери, после рождения продолжают действовать в нем самом, но уже как его самостоятельные силы. В

дальнейшей жизни происходят затем для сверхчувственного наблюдения сверхчувственные события, аналогичные тем чувственным, которые имели место при физическом рождении. Приблизительно до смены зубов (на 6-м или 7-м году) эфирное тело человека окружено эфирной оболочкой. В этот период жизни она отпадает. Происходит «рождение» эфирного тела. Но человек остается все еще окруженным астральной оболочкой, которая отпадает в возрасте между 12-м и 16-м годами (в период половой зрелости). Тогда происходит «рождение» астрального тела. И еще позднее рождается в собственном смысле «Я». (Плодотворные указания, вытекающие из этих сверхчувственных фактов для воспитания, изложены в моей книжке: «Воспитание ребенка с духовнонаучной точки зрения». Там же можно найти и дальнейшие подробности о вещах, которые здесь можно было только наметить). После рождения «Я» человек живет включенным в условия мировой жизни и принимает активное участие в этих условиях в меру деятельности, сообщаемой «Я» его членам: душе ощущающей, душе рассудочной и душе сознательной. Затем наступает время, когда эфирное тело начинает развиваться в обратном направлении, когда оно снова проходит развитие, обратное пройденному, начиная с седьмого года. Если прежде астральное тело развивалось так, что сначала развернуло в себе то, что было заложено в нем при рождении, а затем, после рождения «Я», обогатилось переживаниями внешнего мира, то с определенного момента оно начинает духовно питаться собственным эфирным телом. Оно живет за счет эфирного тела. А затем в дальнейшем ходе жизни, и эфирное тело начинает жить за счет физического тела. С этим связан упадок последнего в старости. Таким образом, течение человеческой жизни распадается на три части; на период, когда созревают физическое и эфирное тела; затем, когда вступают в развитие астральное тело и «Я», и, наконец, когда эфирное и физическое тела начинают изменяться в обратном направлении. Однако, астральное тело участвует во всех процессах между рождением и смертью. Ко благодаря тому, что оно духовно рождается собственно лишь между 12-м и 16-м годами и в последнюю эпоху жизни принуждено питаться силами эфирного и физического тела, то, чего оно способно достигнуть собственными силами, развивается медленнее, чем если бы оно не было погружено в физическое и эфирное тело. И поэтому после смерти, когда отпадают физическое и эфирное тела, в период очищения (ср. с гл. «Сон и смерть») развитие протекает *приблизительно* так, что занимает треть того времени, которое приходится на жизнь между рождением и смертью.

Высшие области духовного мира

Через имагинацию, инспирацию и интуицию сверхчувственное познание постепенно восходит к тем областям духовного мира, где ему становятся доступными существа, участвующие в развитии мира и человечества. И благодаря этому оно получает возможность проследить развитие человека между смертью и новым рождением, так что это развитие становится понятным. Но существуют еще более высокие области бытия, на которые здесь можно указать лишь совсем кратко. Поднявшись до интуиции, сверхчувственное познание живет в мире духовных существ. Последние также проходят известное развитие. То, что касается современного человечества, простирается некоторым образом до мира интуиции. В течение своего развития между смертью и новым рождением человек получает также влияния из еще более высоких миров; но эти влияния он не испытывает непосредственно; они доводятся до него существами

духовного мира. И при рассмотрении их становится ясно все, что совершается с человеком. Но то, что касается самих этих существ, то, что нужно им самим для водительства человеческим развитием, можно наблюдать только при помощи познания, стоящего еще выше интуиции. Этим указывается на миры, которые следует представлять себе так, что духовные проявления, которые на Земле являются высшими, там принадлежат к числу низших. Разумные решения принадлежат, например, в земной области к высшим проявлениям, а действия минерального царства — к низшим. В означенных же высших областях разумные решения являются приблизительно тем, чем на Земле — минеральные действия. Над областью интуиции лежит иная высшая область, в которой из духовных причин ткется план мира.

Члены человеческого существа

Когда говорится, что «Я» работает над членами человеческого существа, над физическим телом, эфирным телом и астральным телом и в обратной последовательности преобразует их в Самодух, Жизнедух и Духочеловека, то это относится к работе «Я» над человеческим существом при помощи тех высших способностей, начало развитию которых было положено лишь во время земных состояний. Но этому превращению предшествует другое, на более низкой ступени, благодаря которому возникает душа ощущающая, душа рассудочная и душа сознательная. Ибо образование души ощущающей в ходе человеческого развития сопровождается изменениями в астральном теле, образование души рассудочной выражается в превращениях эфирного тела, а образование души сознательной — в превращениях физического тела. При описании земного развития, данном в этой книге, об этом говорилось подробнее. Таким образом, в известном отношении можно сказать, что душа ощущающая основывается на преобразованном астральном теле; душа рассудочная — на преобразованном эфирном теле, и душа сознательная — на преобразованном физическом теле. Но можно также сказать, что эти три душевных члена суть части астрального тела; ибо, например, душа сознательная возможна только благодаря тому, что она существует, как астральное существо в приспособленном для нее физическом теле. Она живет астральной жизнью в физическом теле, проработанном так, что может служить для нее жилищем.

Сновидческое состояние

Сновидческое состояние было в известном отношении описано в главе «Сон и смерть» этой книги. Его следует рассматривать с одной стороны как остаток древнего образного состояния, как оно было присуще человеку во время лунного, а также еще и значительной части земного развития. Развитие движется вперед таким образом, что прежние состояния влетают в более поздние. Так что в сновидениях проявляется в настоящее время в человеке как пережиток то, что было раньше нормальным состоянием. Но с другой стороны это состояние является в то же время и отличным от древнего образного сознания. Ибо со времени развития «Я» последнее принимает участие в процессах астрального тела, протекающих во сне во время сновидения. Таким образом, в сновидении проявляется образное сознание, измененное благодаря

присутствию «Я». Но так как «Я» во время сновидения не сознательно оказывает свое воздействие на астральное тело, то из области сновидческой жизни не следует ничего причислять к явлениям, могущим привести к истинному познанию сверхчувственных миров в смысле духовной науки. То же самое можно сказать и о том, что нередко обозначают как видения, предчувствия или «второе зрение» (Deuteroskopie). Все эти явления возникают благодаря тому, что «Я» выключается, и тогда наступают пережитки древних состояний сознания. Они не имеют непосредственного применения в духовной науке; то, что наблюдается в подобных состояниях, нельзя рассматривать в истинном смысле как результат духовной науки.

К достижению сверхчувственных познаний

Путь к достижению познаний сверхчувственных миров, подробно описанный в этой книге, можно назвать также «путем непосредственного познания». Наряду с ним существует еще и другой путь, который можно обозначить как «путь чувства». Однако было бы совершенно неправильным думать, что первый путь не имеет никакого отношения к развитию чувства. Напротив, он ведет к наивозможно большему углублению жизни чувств. Но дело в том, что «путь чувства» обращается *непосредственно* только к чувству и пытается, исходя из него, подняться к познаниям. Он основан на том, что когда душа в течение некоторого времени всецело отдается какому-нибудь чувству, то это чувство превращается в познание, в образное созерцание. Если, например, душа в продолжение недель, месяцев и даже дольше всецело наполняет себя чувством смирения, то содержание этого чувства превращается в созерцание. Проходя постепенно через ряд подобных чувств, можно найти путь в сверхчувственные области. Однако для современного человека этот путь нелегко выполним в обыкновенных жизненных условиях. Одиночество, удаление от современной жизни при этом почти обязательны. Ибо впечатления, приносимые повседневной жизнью, мешают, особенно в начале развития, тому, чего стремится достигнуть душа путем погружения в определенные чувства. Описанный же в этой книге путь познания выполним в любом современном жизненном положении.

Наблюдение особых событий и существ духовного мира

Может возникнуть вопрос, допускают ли внутреннее погружение и другие описанные средства, ведущие к достижению сверхчувственных познаний, наблюдение человека между смертью и новым рождением и других духовных событий *только в общих чертах*, или же они дают также возможность наблюдать совершенно определенные отдельные события и отдельных существ, например, какого-нибудь определенного умершего? На это следует ответить: кто путем описанных средств приобретет способность наблюдать в духовном мире, тот может достигнуть и наблюдения происходящих в нем частных случаев. Он становится способным вступать в общение с людьми, живущими в духовном мире между смертью и новым рождением. Но нужно принять во внимание, что в смысле духовной науки это должно иметь место только по прохождении правильного обучения, ведущего к сверхчувственным познаниям. Ибо только тогда можно различать между заблуждением и

действительностью по отношению к отдельным событиям и существам. Кто хочет наблюдать частности, не пройдя правильного обучения, тот может стать жертвой многих заблуждений. Даже самое начало: понимание способа, каким должны быть истолкованы впечатления от *особых* фактов сверхчувственного мира, невозможно без уже продвинутого духовного обучения. Обучение, ведущее в высшие миры к наблюдению того, что было описано в этой книге, приводит также и к возможности проследить жизнь отдельного человека после смерти; а равным образом и к наблюдению и пониманию всех отдельных духовно-душевных существ, которые из сокрытых миров воздействуют на миры видимые. Однако достоверное наблюдение частного возможно лишь на основе познания всеобщих, великих, каждого человека касающихся духовных фактов развития мира и человечества. Тот, кто стремится к одному, избегая другого, — идет по неверному пути. К необходимым для наблюдения духовного мира опытам относится и то, чтобы вступление в те области духовного бытия, к которым сначала *стремишься*, стало доступно лишь тогда, когда на серьезных и трудных путях, обращенных на всеобщее познание, работаешь над тем, что дает объяснение смысла жизни. Лишь пройдя этот путь в чистом, свободном от эгоизма стремлении к познанию, достигаешь зрелости наблюдать частности, созерцание которых до этого было все же лишь удовлетворением эгоистической потребности, пусть даже помогающий его и убеждал себя, что он лишь из любви — к умершему, например, — стремится проникнуть в духовный мир. Проникновение к особенному возможно лишь для того, кто путем серьезного интереса к духовнонаучному всеобщему выработал в себе возможность и брать это особенное как объективную научную истину — совершенно без эгоистического к тому побуждения.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

(К стр. 44-45) — Разъяснения вроде тех, которые даны в этой книге о способности воспоминания, очень легко могут быть поняты неверно. Ибо кто смотрит только на внешнюю сторону явлений, тому не сразу бросается в глаза различие между тем, что происходит с животным или даже с растением, когда у них возникает нечто похожее на воспоминание, и тем, что было охарактеризовано у человека как действительное воспоминание. Конечно, когда животное совершает какое-нибудь действие в третий, четвертый и т. д. раз, то оно совершает его, пожалуй, так, что внешний процесс имеет такой вид, будто при этом участвует воспоминание и связанное с ним обучение. Некоторые естествоиспытатели и их приверженцы настолько расширяют понятие воспоминания или памяти, что, наблюдая, как цыпленок, вылупившись из яйца, тотчас же начинает клевать зерна и даже умеет делать соответственные движения головою и телом, указывают на то, что он не мог научиться этому в скорлупе, но научился от тех многих тысяч существ, от которых он происходит (так говорит, например, Геринг). Явление, с которым мы имеем здесь дело, можно счесть похожим на воспоминание. Но мы никогда не придем к действительному пониманию человеческого существа, если не обратим внимания на тот совсем особенный внутренний процесс в человеке, который выступает как действительное восприятие былых переживаний, а не только как воздействие прежних состояний на более поздние. Здесь, в этой книге, под

воспоминанием разумеется именно это *восприятие* прошлого, а не новое, хотя бы видоизмененное проявление в позднейших состояниях того, что было раньше. Если бы мы захотели применить слово «воспоминание» к соответствующим явлениям в растительном и животном царстве, то для человека должны были бы употребить другое слово. При обсуждении этого вопроса в этой книге речь идет вовсе не о слове, а о том, что для понимания человеческого существа *необходимо постигнуть это различие*. Равным образом нельзя приводить в связь с тем, что названо *здесь* воспоминанием, хотя бы даже и очень высокие, по-видимому, проявления разумности у животных.

(К стр. 49-51) — Между изменениями, происходящими в астральном теле благодаря деятельности «Я», и теми, которые совершаются в эфирном теле, нельзя провести строгой границы. Одни переходят в другие. Когда человек учится чему-нибудь и приобретает благодаря этому известную способность судить, то в его астральном теле наступает изменение; но если это суждение производит изменение в его душевном строе, так что он привыкает после этого *ощущать* по поводу какой-нибудь вещи иначе, чем он ощущал прежде, то мы имеем дело с изменением в эфирном теле. Все, что человек делает своим достоянием, так что может все снова и снова вспоминать об этом, основано на изменении эфирного тела. В основе того, что становится постепенно прочным приобретением памяти, лежит переход работы с астрального тела на эфирное.

(К стр. 57 и след.) — Соотношение сна и *усталости* большей частью не рассматривается сообразно требованию фактов. Считают, что сон наступает как следствие усталости. То, что это очень упрощенное представление, может показать всякое засыпание часто совсем не уставшего человека при слушании не интересующей его речи или при ином подобном переживании. Утверждение, что такой случай именно и утомляет человека, все же объясняет это способом, которому недостает правильной познавательной строгости. Непредвзятое наблюдение все же должно прийти к тому, что бодрствование и сон представляют собой различные отношения души к телу, которые, как качания маятника вправо и влево, должны в правильном течении жизни наступать с ритмической последовательностью. При таком непредвзятом отношении выясняется, что состояние наполненности души впечатлениями внешнего мира вызывает в ней желание после такого состояния перейти в другое, в котором она следует интересам (*Genuß*) собственного тела. Чередуются два душевных состояния: состояние самоотдачи внешним впечатлениям и состояние самоотдачи собственной телесности. В первом состоянии бессознательно зарождается желание ко второму, которое затем само протекает в бессознательном. Выражением желания следовать интересам собственного тела является усталость. Следует, собственно, говорить: чувствуешь себя усталым, потому что хочется спать; а не: хочется спать, потому что чувствуешь себя усталым. Так как душа человека способна приучить себя произвольно вызывать состояния, наступающие в нормальной жизни по необходимости, то если по отношению к данному внешнему впечатлению она притупит свое внимание, то возможно, что она вызовет в себе желание следовать интересам собственного тела, т. д. она заснет, хотя внутреннее состояние человека не дает к этому никакого побуждения.

(К стр. 82) — Мнение, что личные дарования человека, если бы они подлежали закону простого «унаследования», должны были бы проявляться не в конце, а в начале ряда кровного родства, легко может быть понято неверно. Могут сказать: да, но они тогда не могут проявиться, ибо ведь должны сначала развиваться. Но это не возражение, ибо если мы захотим доказать, будто что-нибудь унаследовано от предка, то нужно показать, каким образом в потомке снова встречается то, что было уже раньше. Если бы

удалось установить в начале рода присутствие какой-нибудь черты, которая встретила бы затем снова в дальнейшем развитии этого рода, то можно было бы говорить об унаследовании. Но о нем нельзя говорить, когда что-то, чего не было прежде, проявляется в конце рода. Вышеприведенное положение должно было только показать, что мысль об унаследовании является невозможной.

(К стр. 97) — В некоторых главах этой книги говорилось о том, как человеческий мир и сам человек проходят через состояния, которые были обозначены именами Сатурна, Солнца, Луны и Земли, Юпитера, Венеры и Вулкана. Было также указано, в каком отношении находится человеческое развитие к небесным телам, существующим наряду с Землей и обозначенным как Сатурн, Юпитер, Марс и т. д. Эти небесные тела, естественно, проходят также свое развитие. В настоящий период времени они достигли такой ступени, что их физические части являются для восприятия тем, что называется в физической астрономии Сатурном, Юпитером, Марсом и т. д. Если же рассмотреть современный Сатурн с духовнонаучной точки зрения, то он является как бы перевоплощением того, чем был древний Сатурн. Он возник благодаря тому, что до отделения Солнца от Земли были такие существа, которые *не* могли участвовать в этом отделении, ибо они усвоили себе качества, присущие сатурническому бытию, в такой мере, что их место не могло быть там, где развивались преимущественно солнечные качества. Современный же Юпитер возник благодаря тому, что были существа, обладавшие качествами, которые могли развернуться в общем ходе развития только на будущем Юпитере. Для них возникло поэтому место обитания, в котором они могут уже в настоящее время предвосхитить это будущее развитие. Марс является небесным телом, на котором обитают существа, прошедшие лунное развитие таким образом, что дальнейшее участие их в развитии на Земле ничего не могло бы дать им. Марс — перевоплощение древней Луны на более высокой ступени. Современный Меркурий является местом обитания для существ, опередивших земное развитие, но именно благодаря тому, что они выработали в себе известные земные качества в более высокой степени, чем это может произойти на Земле. Подобным же образом современная Венера является пророческим предвосхищением будущего состояния Венеры. Всем этим объясняется, почему названия состояний, предшествовавших Земле и следующих за ней, выбраны сообразно их современным представителям во вселенной.

Само собой разумеется, что против приведенного здесь сможет серьезно возразить тот, кто захочет подвергнуть суждению рассудка, воспитанного на внешних наблюдениях природы, проведение параллели между сверхчувственно воспринятыми состояниями Сатурна, Солнца и т. д. и одинаково обозначенными небесными физическими телами. Но как существует возможность дать возникнуть перед душой солнечной системы посредством математического представления как образа пространственно-временного свершения, так и сверхчувственному познанию возможно заполнить математический образ душевным содержанием. Тогда вышеприведенная параллель становится действительной. Но это насыщение душевным содержанием вполне заключено в дальнейшем проведении строго естественнонаучного способа рассмотрения. Этот способ рассмотрения в настоящее время, конечно, ограничивает себя поисками чисто механико-математических понятий взаимоотношений солнечной системы и Земли. Поступая так, естественная наука будущего сама собой дойдет до понятий, которые расширят механическое до душевного. Чтобы показать, *что такое вполне возможно*, что такое расширение должно было бы произойти уже на основе естественнонаучных представлений настоящего времени, понадобилось бы написать

отдельную книгу. Здесь может быть лишь указано на вышеупомянутое, что, конечно, может вызвать различные недоразумения. Может *показаться*, что духовная наука часто не согласуется с естественной наукой, ибо в настоящее время последняя нередко далека от желания образовывать такие представления, которых требует не только сверхчувственное познание, но, в сущности, и познание, придерживающееся чувственно-воспринимаемого. В результате естественнонаучного наблюдения настоящего времени непредвзятый наблюдатель может повсюду видеть указания на другие, исключительно чувственные области наблюдения, к которым в будущем возможно будет приступить чисто естественнонаучно и которые покажут, что то, что открывает сверхчувственное созерцание, вполне подтверждается наблюдением природы, поскольку это сверхчувственное познание обращается к таким сверхчувственным мировым событиям, которым соответствуют чувственно воспринимаемые явления.